K-22

Библіотека Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО
шкафъ VI полка 7 № 38

К-22

Н. Карелинъ.

ЖАНЪ ЖАКЪ РУССО.

Опытъ характеристики его общественныхъ идей.

3335

БИБЛІОТЕКА
О-ва для достав. средств
В. Ж. КУРСАМЪ.

ГОС. УНТ
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Горького

2733/Б.И.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія А. Лейферта, Большая Морская, 65.
1898.

V. 3.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Вступленіе 1

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Главныя черты господствующей доктрины 8

ГЛАВА ВТОРАЯ

Взглядъ Руссо на развитіе человѣчества 46

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Политическіе взгляды Руссо 91

ВСТУПЛЕНІЕ.

«Мой литературный дебютъ», говоритъ Руссо въ «Исповѣди»[1]), «привелъ меня новой дорогой въ иной умственный міръ, простой и гордый строй котораго возбуждалъ мой энтузіазмъ. Постоянно занимаясь имъ, я скоро сталъ видѣть сплошныя заблужденія и нелѣпость въ доктринахъ нашихъ мудрецовъ, сплошной гнетъ и нищету въ нашемъ общественномъ строѣ. Подъ дѣйствіемъ иллюзіи, созданной одной моей гордостью, я счелъ себя способнымъ разсѣять обаяніе всего этого.»

Подъ «доктриной нашихъ мудрецовъ» Руссо подразумѣваетъ здѣсь пріобрѣтавшую все большее и большее обаяніе новую философію просвѣтителей. И на самомъ дѣлѣ: хотя полемическими по формѣ являются у Руссо лишь нѣкоторыя второстепенныя брошюры и статьи, направленныя въ большинствѣ случаевъ не противъ новой философіи, однако по существу во всѣхъ его главнѣйшихъ произведеніяхъ, даже наиболѣе далекихъ по формѣ отъ всякой полемики,—не только въ «Рѣчи о неравенствѣ», которая вся направлена противъ главнѣйшихъ положеній «нашихъ мудрецовъ», но даже въ «Эмилѣ» или

[1]) Часть II, книга IX.

«Общественномъ договорѣ»—все наиболѣе продуманное, всего полнѣе принадлежащее самому Руссо, стоитъ въ полнѣйшемъ противорѣчіи съ общественными, моральными или политическими теоріями просвѣтителей.

Подъ конецъ жизни, больной, измученный Руссо, убѣдившійся, что его удары ни на волосъ не поколебали обаянія доктрины и не помѣшали ея носителямъ стать идейными господами дня, всего больше боялся того, чтобы его торжествующіе противники, оклеветавшіе и осмѣявшіе его личность передъ современниками, не ввели въ заблужденіе также и потомство насчетъ истиннаго смысла его идей. Они только ждутъ его смерти, чтобы выпустить отъ его имени свои собственныя передѣлки его произведеній. Наткнувшись случайно на плохую перепечатку одной изъ своихъ книгъ, въ которой оказались пропуски и искаженія, онъ въ ужасѣ рѣшилъ, что враги, не дожидаясь его смерти, уже начали свое темное дѣло (oeuvre de ténèbre), и такъ и умеръ съ этой мыслью въ душѣ, по истинѣ мучительной для человѣка, столь горячо относившагося къ своимъ убѣжденіямъ.

И странное на первый взглядъ дѣло: страдальческая фантазія больного Руссо дѣйствительно осуществилась. Правда, его враги, les Holbachiens, какъ окрестилъ онъ своихъ противниковъ изъ лагеря просвѣтителей, и не думали передѣлывать его произведеній или выпускать свои подъ его именемъ. Произведенія остались нетронутыми, и тѣмъ не менѣе уже къ концу вѣка въ умахъ новаго поколѣнія отдѣльныя фразы Руссо были вставлены, такъ сказать, въ доктрину его противниковъ и въ этой обстановкѣ утратили тотъ смыслъ, который имѣли въ его произведеніяхъ.

Сдѣлали это не враги, а поклонники Руссо, и не по хитрому умыслу, а вслѣдствіе почти безсознательнаго процесса приспособленія идей къ событіямъ, путемъ выборки изъ популярныхъ произведеній всего пригоднаго и пропусканія мимо ушей всего непригоднаго для обоснованія и защиты практическихъ требованій. Тогда и Вольтеру, галантнѣйшему поклоннику неограниченной коро-

левской власти, не разъ случалось фигурировать въ качествѣ ея противника[2]).

Эта эпоха, когда идеи знаменитыхъ писателей XVIII вѣка имѣли лишь практическую и ни малѣйшей теоретической цѣнности, когда ихъ отдѣльныя фразы и самыя имена употреблялись какъ оружіе, а до истиннаго смысла ихъ произведеній, въ жару схватки, никому не было дѣла—эта эпоха отошла во прошлое.

Вольтеръ давно возстановленъ въ своемъ правѣ говорить только то, что хотѣлъ сказать; въ значительной степени это произошло также съ Дидро, съ физіократами; другіе писатели того времени полузабыты и рѣдко выводятся передъ публикой. Не то съ Руссо. Его имя до сихъ поръ упоминается чаще, чѣмъ чье бы то ни было, изъ его современниковъ, съ десятокъ его фразъ извѣстенъ самой широкой публикѣ, нѣтъ «читателя», который не имѣлъ бы о немъ какого нибудь, хотя въ большинствѣ случаевъ смутнаго, понятія, и тѣмъ не менѣе нѣтъ писателя, чья умственная физіономія была бы до такой степени искажена, какъ именно его. Неизмѣнно оставались и остаются за нимъ лишь тѣ его взгляды, которые, не заключая въ себѣ по существу ничего оригинальнаго, были съ самаго начала правильно поняты и отчасти приняты его современниками. Таково его пониманіе деизма и критика откровенной религіи, приводившая въ восторгъ всѣхъ просвѣтителей, а больше всѣхъ—Вольтера, относившагося съ ненавистью ко всѣмъ остальнымъ взглядамъ Руссо, но перепечатывавшаго на собственный счетъ и распространявшаго «Исповѣдь Савойскаго викарія». Таковы нѣкоторые изъ его взглядовъ на воспитаніе, въ особенности физическое; такова его лю-

---

[2]) Во время тріумфальнаго перенесенія его тѣла въ Парижъ, среди безчисленныхъ надписей изъ его произведеній, украшавшихъ колесницы, арки, знамена, часто попадалась такая: «Si l'on a des tyrans, il faut les etouffer.» Напрасно указывали устроителямъ праздника, что слѣдующая же строчка говоритъ о томъ, что «нашими тиранами являются наши страсти», и что все стихотвореніе имѣетъ морально-нравоучительный и ни малѣйшаго политическаго характера. Парижъ находился подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ бѣгства въ Вареннъ; нельзя же было позволить тріумфатору Вольтеру промолчать объ этой злобѣ дня?

бовь къ природѣ, къ безыскусственности; таково, но лишь съ формальмой стороны, и понятіе объ «общественномъ договорѣ», какъ основѣ государственной власти. Зато все, что было дѣйствительно оригинальнаго и въ идеяхъ, и въ самомъ методѣ мышленія Руссо, все, въ чемъ онъ рѣзко отличался отъ своихъ современниковъ, извращается во второй половинѣ XIX вѣка всѣми, какъ буржуазными, такъ и «интеллигентными» (въ томъ спеціальномъ смыслѣ, въ какомъ это слово употребляется въ Россіи) писателями гораздо полнѣе, чѣмъ это дѣлалось въ XVIII. И если бы Руссо могъ прочесть различныя общія и частныя исторіи XVIII вѣка, а также свои біографіи, онъ часто съ ужасомъ увидѣлъ бы себя фигурирующимъ въ качествѣ чистокровнаго «просвѣтителя» по своимъ основнымъ воззрѣніямъ, въ качествѣ представителя господствовавшаго метода мышленія, иной разъ даже въ качествѣ его «лучшаго представителя», снабженнаго въ отличіе отъ своихъ современниковъ лишь чрезмѣрной сантиментальностью, да склонностью, подтверждаемой надерганными цитатами, говорить противорѣчащія одна другой безсмыслицы. Еще въ худшемъ положеніи увидѣлъ бы онъ Жанъ Жака у тѣхъ писателей, которые, какъ Луи Бланъ, старательно очистивъ его отъ всѣхъ имѣвшихся у него идей и снабдивъ своими не имѣвшимися, противопоставляютъ его нѣкоторымъ изъ его современниковъ, Монтескье въ особенности, въ томъ, въ чемъ онъ былъ съ нимъ согласенъ.

Въ нашу задачу не входитъ полный разборъ безчисленныхъ извращеній, которымъ подвергались взгляды Руссо, и мы коснемся по пути лишь тѣхъ изложеній или характеристикъ этихъ взглядовъ, которые наиболѣе извѣстны русскимъ читателямъ. Мы не беремъ на себя и очень интересную, по нашему мнѣнію, но слишкомъ обширную задачу выясненія всѣхъ причинъ, дѣлавшихъ «простые и гордые» взгляды Руссо непонятными, какъ съ чисто буржуазной, такъ и съ интеллигентной точки зрѣнія, хотя надѣемся, что нѣкоторыя изъ этихъ причинъ все же выяснятся тѣмъ читателямъ, которымъ намъ

удастся выяснить общественныя идеи Руссо. Наша задача заключается лишь въ томъ, чтобы присмотрѣться къ этимъ плебейскимъ идеямъ XVIII вѣка, съ той единственной (плебейской тоже) точки зрѣнія XIX вѣка, съ которой онѣ не возбуждаютъ неодолимой внутренней потребности отдѣлаться отъ нихъ такъ или иначе, извратить или объявить парадоксальными.

Отмѣтимъ однако одно изъ второстепенныхъ обстоятельствъ, значительно облегчающихъ желательное непониманіе взглядовъ Руссо. Несмотря на прекрасный языкъ и конкретную ясность мыслей этого писателя, историку, берущемуся за краткое изложеніе «идей XVIII-го вѣка», необходимо было бы потратить гораздо больше напряженнаго вниманія и труда для выясненія себѣ взгляда Руссо на тотъ или другой вопросъ, чѣмъ это требуется по отношенію къ любому изъ его современниковъ.

Въ большей части своихъ теоретическихъ произведеній Вольтеръ высказывается почти цѣликомъ: въ каждый изъ своихъ «философскихъ словарей», сборниковъ, чуть не въ каждый изъ «Діалоговъ» онъ вкладываетъ весь свой философскій багажъ или значительную часть его. Онъ повторяется безъ конца, поторяется умышленно, съ педагогической цѣлью, чтобы заставить читателей запомнить главнѣйшія положенія новой философіи. Повторяются или, вѣрнѣе, излагаютъ, каждый въ свою очередь, одно и тоже ученіе всѣ физіократы. Повторяются и Гольбахъ, и Мабли.

Руссо, по своимъ собственнымъ признаніямъ и по отзывамъ другихъ, могъ писать хорошо лишь тогда, когда самъ былъ весь охваченъ своимъ предметомъ. Онъ въ большинствѣ случаевъ для себя самого окончательно выяснялъ и фиксировалъ свои мысли, лишь приступая къ работѣ. Разъ высказавши ихъ по данному предмету, онъ шелъ дальше, развивалъ другую сторону своихъ взглядовъ, возвращаясь къ первой лишь для того, чтобы сдѣлать то или другое измѣненіе высказаннаго, но уже никогда не повторяя разъ приведенныхъ доказательствъ.

Его теоретическія произведенія объясняются одни другими, и всякое послѣдующее предполагаетъ предыдущія извѣстными, какъ замѣчаетъ самъ Руссо въ «Письмѣ къ Парижскому архіепископу», упрекая этого «критика» «Эмиля» за игнорированіе «Рѣчи о неравенствѣ». Поэтому не только отдѣльныя фразы или тирады изъ теоретическихъ произведеній Руссо не могутъ быть поняты въ томъ смыслѣ, какой придавалъ имъ авторъ, если не имѣть въ виду всей совокупности его взглядовъ, но даже его отдѣльныя произведенія (кромѣ автобіографическихъ, да «Новой Элоизы») при игнорированіи остальныхъ говорятъ не все то и не совсѣмъ то, что хотѣлъ высказать въ нихъ авторъ. Характеризовать его взгляды двумя, тремя цитатами неизмѣримо труднѣе, чѣмъ любого изъ его современниковъ, не говоря уже о томъ, что для историка, заранѣе рѣшившаго привести взгляды Руссо къ одному знаменателю съ господствовавшими въ XVIII вѣкѣ идеями, нѣтъ возможности открыть въ его произведеніяхъ хоть какой нибудь разумный смыслъ.

Въ западной Европѣ рѣшеніе спора, начатаго Руссо съ своими современниками, уже отмѣчено самою жизнью. Если и до сихъ поръ буржуазные писатели продолжаютъ мимоходомъ извращать взгляды Руссо, а иногда даже дѣлаютъ ему честь вдругъ наброситься и наклеветать на него, какъ будто бы онъ былъ живымъ кандидатомъ противной стороны при выборахъ, то это дѣлается лишь по историческому сочувствію, отчасти по привычкѣ и желанію закрыть глаза на современное положеніе поднятыхъ въ XVIII вѣкѣ вопросовъ. Но во всякомъ случаѣ какъ Руссо, такъ и его противники XVIII-го вѣка говорятъ объ обществѣ, уже отошедшемъ въ прошлое, и ни тотъ, ни другіе ничего не знаютъ о современной западной Европѣ. Тѣмъ не менѣе намъ кажется очень интереснымъ еще разъ взглянуть на идеи Руссо съ нашей точки зрѣнія, съ которой онѣ подробно еще не разсматривались, тѣмъ болѣе интересно, что нѣкоторыя черты великаго спора XVIII вѣка, въ другой формѣ, конечно, въ другихъ идейныхъ сочетаніяхъ, еще живы въ восточной

Европѣ, какъ живы, тоже въ иной формѣ и въ иныхъ комбинаціяхъ, условія, вызвавшія этотъ споръ во Франціи XVIII вѣка.

Въ настоящемъ очеркѣ насъ интересуютъ главнымъ образомъ именно тѣ взгляды Руссо, въ которыхъ онъ всего полнѣе расходился съ огромнымъ большинствомъ своихъ современниковъ, и которые составляютъ въ то же время наиболѣе существенную, самостоятельную и глубоко продуманную часть его взглядовъ. Поэтому прежде чѣмъ говорить объ идеяхъ самого Руссо, попытаемся намѣтить тѣ черты разроставшихся одновременно съ его литературной дѣятельностью доктринъ, обаяніе которыхъ онъ старался разрушить.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Главныя черты господствующей доктрины.

I.

Одной изъ отличительныхъ сторонъ общественной (morale et politique) литературы второй половины XVIII вѣка является тотъ особый смыслъ, который придавался въ ней термину «законы природы» (lois naturelles) въ примѣненіи къ человѣческому обществу. Природѣ, природному, естественному (lois, droits naturels, politique, religion, morale naturelles. Vues или Voeux de la Nature—она всегда писалась съ большой буквы) въ литературѣ XVIII вѣка приписывалось большое значеніе для человѣческаго счастья. Многимъ кажется [3]), что Руссо былъ, если и не единственнымъ, то однимъ изъ главныхъ виновниковъ всей этой «природы». Если понимать слово naturel въ смыслѣ: первобытный, безыскусственный, обязанный своимъ происхожденіемъ не знаніямъ, не разуму, а непосредственному чувству, инстинкту, то дѣйствительно модой на нѣкоторыя проявленія простоты и безыскусственности (жить лѣтомъ въ помѣстьѣ, или на дачѣ, матерямъ изъ высшихъ классовъ самимъ кормить дѣтей грудью, не слишкомъ наряжать и дрессировать подро-

---

[3]) Г-ну Карѣеву въ томъ числѣ: «Крестьяне во Франціи» стр. 221, 242 и друг.

стковъ и проч.), образованное общество XVIII вѣка обязано Руссо.

Но еще до начала литературной дѣятельности Руссо и одновременно съ нею и гораздо позднѣе ея окончанія въ слова «естественный», «природный» вкладывался совершенно иной, до нѣкоторой степени прямо противоположный, смыслъ. Оно противопоставлялось понятіямъ: неразумный, варварскій, основанный на предразсудкахъ, на обычаяхъ, на традиціи. Lois naturelles обозначали велѣніе самой природы относительно устройства человѣческихъ обществъ, невѣдомыя невѣжественнымъ предкамъ, но теперь открытыя просвѣщеннымъ разумомъ того или другого философа. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, съ которымъ безуспѣшно боролся Руссо, понятіе naturel несомнѣнно оказало неизмѣримо важнѣйшее вліяніе на современниковъ и потомство, чѣмъ поверхностная мода на безыскусственность, вызванная произведеніями Руссо. Понятіе о тѣхъ или иныхъ общественныхъ учрежденіяхъ, предписанныхъ естественнымъ закономъ, даннымъ самой природой, въ отличіе отъ учрежденій, созданныхъ лишь положительнымъ законодательствомъ и слѣдовательно могущихъ быть измѣненными, существовало давно. Его можно вывести изъ знаменитаго разсужденія Аристотеля о рабствѣ, оно встрѣчается у отцовъ церкви и у различныхъ писателей XVI-го, XVII и начала XVIII вѣка. Но ихъ устами природа предписывала людямъ въ большинствѣ случаевъ лишь то, что было въ дѣйствительности, ея именемъ чаще всего санкціонировались существующія учрежденія: рабство, семья, монархія. Лишь со второй половины XVIII вѣка начали размножаться законы природы, «невѣдомые людямъ до появленія той или иной книги, предписывающіе не то», что есть, а то, что должно быть учреждено по мнѣнію того или другого автора.

Однимъ изъ источниковъ, содѣйствовавшихъ развитію во французской литературѣ понятія о законахъ природы въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, было произведеніе Локка: «On the civil governement».

«Естественное состояніе», говоритъ тамъ Локкъ, «есть состояніе свободы, но не своеволія, оно управляется законами природы, которымъ всякій обязанъ подчиняться: разумъ, открывающій эти законы, учитъ всѣхъ людей, что никто не имѣетъ права вредить жизни, здоровью, свободѣ, имуществу другого [4]). Въ естественномъ состояніи каждый имѣетъ право наказать человѣка, нарушившаго эти законы» [5]).

Локкъ говоритъ, что въ его задачу входитъ подробное разсмотрѣніе степеней наказанія, предписываемыхъ законами природы. «Я скажу только», продолжаетъ онъ, «что такіе законы несомнѣнно существуютъ, и что изучающему ихъ разумному существу они такъ же понятны и очевидны, какъ могутъ быть понятны положительные законы государствъ. Быть можетъ они даже яснѣе и очевиднѣе этихъ послѣднихъ, такъ какъ, въ концѣ концовъ, легче понять то, что диктуетъ намъ разумъ, нежели фантазіи и запутанныя измышленія людей» [6]).

Правители независимыхъ государствъ находятся и въ настоящее время по отношенію другъ къ другу въ состояніи природы и руководствуются ея законами, не имѣя надъ собою положительнаго законодательства. Въ естественномъ состояніи всѣ люди были въ положеніи этихъ правителей, но по общему соглашенію подчинились положительнымъ законамъ ради обезпеченія своей собственности. Частная собственность тоже предписана законами природы, давшей землѣ животныхъ и растенія, въ общее владѣніе всему человѣческому роду, но предписавшей людямъ выдѣлять свою часть и долю изъ этого общаго фонда. Трудъ же лежитъ въ основаніи также и поземельной собственности. Чтобы убѣдиться, какъ ничъ-

---

[4]) Traité du gouvernement civil par M. Locke, traduit de l'anglais, revu et corrigé exactement par la dérnière edition de Londre. Paris, l'an III стр. 23. Предыдущіе французскіе переводы этого произведенія Локка печатались въ Голландіи.

[5]) Дальше (стр. 175) изъ этого права наказанія Локкъ выводитъ законность обращенія въ рабство нарушителей законовъ природы.

[6]) Ibid стр. 37—38.

тоженъ доходъ, приносимый землею, остающеюся безъ собственника, достаточно сравнить въ настоящее время общинныя земли съ полями, находящимися въ частной собственности; послѣднія приносятъ въ 10, если не въ 99 разъ больше первыхъ [7]). Законодательная власть не должна нарушать никакихъ, дарованныхъ природой людямъ, правъ. На собственность ея компетенція не распространяется. Законы природы навсегда остаются руководствомъ для людей.

Такимъ образомъ положительное законодательство должно лишь закрѣплять эти отношенія, которыя, по мнѣнію Локка, сами собою (естественно) устанавливаются между разумными существами. Оно должно лишь объявить существующіе помимо него законы природы, должно записать ихъ для руководства тѣмъ, къ кому, съ установленіемъ государства, переходитъ обязанность охранять существующій порядокъ и наказывать его нарушителей. Такъ должно быть, но въ дѣйствительности писанные законы часто представляютъ собою лишь «фантазіи» и «запутанныя измышленія людей». Они *должны* соотвѣтствовать законамъ природы, но слишкомъ часто не соотвѣтствуютъ, и это потому, что хотя законы природы *ясны*, но *лишь для тѣхъ, кто ихъ изучаетъ* [8]). У французскихъ писателей эти мысли Локка потерпѣли значительныя видоизмѣненія. Роль изучающаго, просвѣщеннаго разума, о которой у него упоминается лишь мимоходомъ, у нихъ непомѣрно разрослась; понятіе же о законахъ природы, какъ объ отношеніяхъ, естественно установляющихся между людьми, не подчиненными никакимъ законамъ, наоборотъ стушевалось, предоставивъ разуму каждаго философа диктовать отъ имени природы все, что покажется ему разумнымъ и полезнымъ для людей.

---

[7]) Ibid. стр. 96—97. На эту же сравнительную бездоходность общинныхъ выгоновъ ссылались впослѣдствіи и физіократы, проповѣдовавшіе полезность превращенія въ частную собственность общинныхъ земель во Франціи.

[8]) Ibid. стр. 254.

Затѣмъ, изъ книги Локка нельзя заключить, чтобы, по его мнѣнію, природа разъ навсегда составила для людей опредѣленный кодексъ. Во всякомъ случаѣ у него она не входила въ подробности и предоставила разуму диктовать законы сообразно съ условіями данной эпохи. Это въ особенности видно изъ его разсужденій о собственности. Пока человѣкъ питался готовыми продуктами природы, онъ поступилъ бы неразумно, а слѣдовательно и несогласно съ законами природы, захватывая на свою долю больше плодовъ, чѣмъ могъ съѣсть. Перейдя къ земледѣлію, но еще не зная торговли, онъ поступилъ бы неразумно, отдѣляя свою собственность и обработывая слишкомъ большое поле, продукты котораго гнили бы у него за невозможностью успѣть потребить ихъ вовремя.

Деньги, чеканныя монеты, которыя никогда не портятся, дали возможность накоплять продукты своего труда и передавать ихъ по наслѣдству. Лишь съ появленіемъ денегъ, расширеніе собственности за предѣлы текущихъ потребностей человѣка стало разумнымъ и по всеобщему согласію было признано законнымъ [9]).

На такой точкѣ зрѣнія изъ французскихъ философовъ остался Вольтеръ и нѣкоторые другіе, но большинство перешло на иную: природа заранѣе опредѣлила тѣ единственныя условія, при которыхъ люди могутъ быть счастливы и самимъ людямъ тоже разъ навсегда она дала такую «природу», такія свойства, при которыхъ они могутъ быть счастливы, лишь соблюдая предписанныя ею условія. Вслѣдствіе невѣжества и предразсудковъ условія не соблюдались, и люди не могли быть счастливы вплоть до появленія въ XVIII вѣкѣ той или иной книги или вообще просвѣтительной философіи.

Не всѣмъ, правда, природа открыла одно и тоже. Встрѣчались разныя противорѣчія. Но ужъ изъ самой законодательной претензіи просвѣщеннаго разума вытекало нѣсколько важныхъ пунктовъ общихъ всѣмъ глашатаямъ велѣній природы.

---

[9]) Ibid. стр. 110, 114.

Строжайшій коммунистъ Морелли, у котораго «кодексъ природы» наказывалъ за попытку завести частную собственность пожизненнымъ заключеніемъ въ пещерѣ, вырытой на кладбищѣ [10]), зналъ также подробно и опредѣленно, что именно разъ навсегда предписала людямъ природа, какъ и физіократъ Мерсье-де-ла-Ривьеръ, въ «Естественномъ порядкѣ» котораго частная собственность является краеугольнымъ камнемъ всего общественнаго строя, источникомъ всякаго права и всякой нравственности. Мудрость природы, по убѣжденію Морелли, предназначила людей составлять изъ себя одно разумное цѣлое, «простой и чудный механизмъ, всѣ части котораго были ею приготовлены, обтесаны, такъ сказать... Слѣдовательно съ этой именно цѣлью природа распредѣлила силы всего человѣчества въ различныхъ пропорціяхъ между индивидуумами рода, но предоставила имъ въ нераздѣльную собственность поле, производящее ея дары...» [11]). «Чтобы возбудить и поддержать между людьми взаимность помощи и благодарности, чтобы указать имъ эти обязанности, природа вошла въ мельчайшія подробности... Все измѣрено, взвѣшено, все предусмотрѣно въ чудномъ *автоматѣ* общества... все направлено къ одной общей цѣли» [12]). Разуму оставалось только открыть эти предустановленные природой законы, изложить ихъ въ стройномъ порядкѣ и съ точностью опредѣлить наказаніе за ихъ нарушеніе, что онъ и сдѣлалъ наконецъ въ лицѣ Морелли. Изъ примѣчанія на страницѣ 45 той же книги мы узнаемъ и тотъ методъ, посредствомъ котораго Морелли открывалъ свои законы природы. Онъ «устанавливаетъ, какъ неоспоримый принципъ... что законы природы неизмѣнны и предписываютъ все то, что производитъ въ одушевленныхъ созданіяхъ мирныя наклонности и движенія, и наоборотъ все, удаляющее людей отъ этихъ кроткихъ склонностей про-

---

[10]) Code de la Nature ou véritable ésprit de ses lois de tout temps négligé ou méconnu. 1775 года, стр. 230.

[11]) «Code de la Nature» стр. 24—23.

[12]) Ibid. стр. 26.

тивно природѣ». Изъ этой неизмѣнности законовъ природы вытекаетъ, по мнѣнію Морелли, неоспоримость его «общаго тезиса», гласящаго, что «всякій народъ, дикій или не дикій, могъ и можетъ быть возвращенъ къ законамъ чистой природы, сохранивъ въ точности все то, что она одобряетъ, и отбросивъ все ею неодобряемое».

Разнообразіе нравовъ не можетъ служить возраженіемъ противъ его тезиса. Это слѣдствіе уклоненій, заблужденій, слѣдствіе «небреженія и необработанности человѣческой природы», словомъ отсутствія такого разума, который открылъ бы законы природы и ихъ кодифицировалъ.

Мерсье-де-ла-Ривьеръ зналъ едва ли не тверже самого Морелли, что̀ именно предписала людямъ природа. «Это она указала людямъ необходимость общества и тѣ условія, которымъ они должны подчиниться для его установленія и увѣковѣченія. Дѣйствительно, желаніе пріобрѣтать и сохранять пріобрѣтаемое естественно толкаетъ насъ избѣгать всего, что могло бы препятствовать исполненію нашего желанія»...[13]). «Намъ не нужно, слѣдовательно, иного учителя, кромѣ природы, чтобы достигнуть установленія собственности личной и движимой»[14]). Движимая же собственность, затраченная на очистку земли и подготовку ея къ обработкѣ, естественно порождаетъ недвижимую и наслѣдственную поземельную собственность. Но недостаточно лишь разъ вложить въ землю движимую собственность. Чтобы земля приносила возможно большій чистый доходъ (produit net), необходимы еще ежегодныя затраты капитала, которыя естественно берутъ на себя фермеры—предприниматели (entrepreneurs de culture) и къ услугамъ фермера, опять таки вполнѣ естественно, является рабочій, представитель личной собственности, собственникъ своей особы и рабочей силы (propriétaire de sa personne et main d'oeuvre). Этотъ соб-

---

[13]) «Ordre naturel et essentiel des sociétés politiques». Collect. des principaux économistes, Edit. Daire 1846 г. т. II стр. 910.

[14]) Ibid. стр. 611.

ственникъ имѣетъ полное естественное право обмѣнивать свой трудъ на возможно большее количество продуктовъ, такъ же точно, какъ и собственникъ продуктовъ имѣетъ въ свою очередь право нанимать тѣхъ, кто возьметъ всѣхъ дешевле.

«Это двойная конкуренція *естественно* и *необходимо* становится высшей вершительницей нашихъ взаимныхъ притязаній, этимъ способомъ мы оба (собственники: одинъ—личной, другой—движимой собственности) одинаково извлечемъ изъ своихъ правъ собственности наивысшую степень возможной пользы[15])».

И у этого автора такъ же, какъ и у Морелли, природа вошла во всѣ подробности и все смѣрила и высчитала. «Очевидно, что положительные законы *уже сдѣланы*», говоритъ Мерсье-де-ла-Ривьеръ, «что они немогутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ лишь актомъ обнародованія естественныхъ и взаимныхъ правъ и обязанностей, которыя всѣ заключаются въ собственности» [16]). Положительные законы должны присоединить къ этому обнародованію лишь наказанія за нарушенія правъ собственности.

«Законодательная власть», повторяетъ онъ на страницѣ 628, «не есть власть *дѣлать* новые законы, а лишь объявлять уже сдѣланные самимъ Богомъ и закрѣплять ихъ печатью принудительной власти, которая вся находится въ рукахъ монарха, являющагося въ тоже время и единственнымъ законодателемъ».

Причиной всѣхъ несчастій и всѣхъ пороковъ человѣчества были произвольные, ложные законы, издававшіеся благодаря незнанію истинныхъ. Но теперь, когда истинные законы природы открыты физіократами, ихъ уже нельзя забыть, нельзя и устоять противъ ихъ «очевидности». «Абсолютная справедливость, которая заключается въ равноцѣнности обмѣновъ между тремя видами собственности, наконецъ, восторжествуетъ, и люди сдѣлаются «самыми добродѣтельными» (les plus vertueux). Такъ

---

[15]) Ibid. стр. 617, 619, 620, 621.
[16]) Ibid. стр. 616.

какъ каждый классъ собственниковъ жизненно заинтересованъ въ существованіи двухъ остальныхъ, то «безъ всякихъ иныхъ законовъ кромѣ собственности установится братство»[17]). «Земля покроется счастливыми людьми»,—обѣщаетъ въ заключеніе Мерсье-де-ла-Ривьеръ.

«Нѣтъ, милостивый государь», отвѣчаетъ ему Мабли, «природа осуждаетъ эти заблужденія человѣчества, собственность и неравенство»[18])... «Что положительные законы должны быть лишь развитіемъ законовъ природы и служить лишь для ихъ примѣненія—это вовсе не новая истина. Но такъ какъ авторъ началъ съ того, что самъ, установивъ собственность и неравенство, удалился отъ безпристрастныхъ намѣреній природы по отношенію къ человѣческому роду, то онъ не сможетъ воздвигнуть правильнаго зданія на неправильномъ основаніи [19])».

«Ни одинъ народъ не можетъ быть счастливъ, если не управляется по законамъ природы, которые всегда ведутъ къ добродѣтели», говоритъ и Гольбахъ [20]). Даже у Вольтера, не занимавшагося этого рода законами, собственность все же объявляется «кличемъ самой природы [21])». Изъ книгъ руководителей общественнаго мнѣнія эти «законы природы» перешли къ концу вѣка въ литературу брошюръ, газетъ, въ различные «катехизисы гражданина» и отразились въ рѣчахъ и актахъ законодательныхъ собраній временъ революціи. Въ XIX вѣкѣ они продолжали жить въ твореніяхъ утопистовъ, а въ видѣ мертвой муміи сохраняются еще и теперь въ произведеніяхъ буржуазныхъ экономистовъ и политиковъ и,

---

[17]) Ibid. 633.

[18]) Doutes proposés aux philosophes économistes etc. Oeuvres completes: 1789 г. т. II. стр. 17.

[19]) Ibid. стр. 53, 54.

[20]) Предисловіе къ Politique naturelle стр. VII.

[21]) Статья подъ словомъ «Собственность» въ «Философскомъ словарѣ». Въ концѣ статьи Вольтеръ съ восторгомъ, почти съ умиленіемъ, говоритъ о томъ, какая это полезная вещь—люди, не имѣющіе никакой собственности кромѣ рукъ и доброй воли продавать свой трудъ. «Depuis le sceptre jusqu'à la faux et la houlette, tout s'anime, tout prospere par ce seul ressort».

получивъ въ ихъ рукахъ обратное дѣйствіе на исторію, служатъ вѣрнѣйшимъ ручательствомъ за то, что буржуазная собственность, появившись вмѣстѣ съ человѣчествомъ, просуществуетъ по меньшей мѣрѣ такъ же долго, какъ и человѣчество. Но въ XVIII вѣкѣ только что открытые законы природы были полны жизни и движенія. Во имя ихъ требовалось не охраненіе существующаго, а его болѣе или менѣе радикальное измѣненіе, поэтому ихъ провозвѣстники старательно настаивали на томъ, что законы природы всегда нарушались и нарушаются, были de tout temps négligés ou méconnus, въ этомъ-то и вся бѣда; естественность законовъ ручалась лишь за ихъ обязательность въ будущемъ, за ихъ разумность и осуществимость.

Всѣ изобрѣтатели «законовъ природы» согласны въ томъ, что люди вездѣ и всегда одинаковы, что природа, назначивъ имъ всѣмъ одни и тѣже условія счастья, начала съ того, что одѣлила ихъ самихъ одинаковой и неизмѣнной, сообразной съ этими условіями, природой. Но въ тоже время, иногда на той же страницѣ, эти писатели утверждаютъ также и то, что люди одарены отъ природы въ очень неравной степени тѣлесными и умственными силами, а также очень различными вкусами и склонностями. На этомъ одинаково настаиваютъ какъ поклонники, такъ и противники частной собственности [22]).

Мы видѣли уже, что, по Морелли, природа «распредѣлила силы человѣческаго рода въ различныхъ пропорціяхъ между индивидуумами».

«Природа одарила людей», говоритъ Мабли, «различными вкусами, качествами, силами и талантами». Она сдѣлала это умышленно, чтобы соединить людей въ общество, чтобы образовать между ними «отношеніе услугъ и благодѣяній». Если бы физическія и умственныя силы

[22]) Рѣзкое исключеніе въ этомъ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, составляетъ Гельвецій, доказывавшій, что различія между людьми происходятъ отъ неодинаковости получаемаго ими воспитанія въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова.

ГРН. ГОС
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Горького

людей были одинаковы, «они сближались бы менѣе легко, и каждый былъ бы менѣе расположенъ стать на то мѣсто, которое онъ долженъ занимать» [23]).

На этомъ естественномъ, соотвѣтствующемъ цѣлямъ природы, неравенствѣ людей сильно настаиваютъ физіократы. Изъ него то и вытекаетъ благодѣтельное раздѣленіе человѣчества на «собственниковъ» одной лишь своей собственной личности и на обладателей земли и капиталовъ. Очень выразительно говоритъ объ этомъ естественномъ неравенствѣ Гольбахъ: «Сама природа сдѣлала людей неравными»... «Эта непропорціональность дарованія поразительна (frappante), по отношенію къ способностямъ, которыя мы называемъ *интеллектуальными*». На этомъ неравенствѣ основывается обмѣнъ услугъ между людьми, обусловливающій общественную жизнь. Одни предназначены работать, другіе *думать* за нихъ, руководить, управлять ими и имъ благодѣтельствовать [24]). Безъ этого неравенства способностей и различія склонностей «люди только и дѣлали бы, что истребляли другъ друга, такъ какъ всѣ искали бы своего счастья въ одномъ и томъ же» [25]). т. е. всѣ захотѣли бы мыслить, управлять, благодѣтельствовать, или наоборотъ всѣ стали бы работать и не кому было бы ни мыслить, ни благодѣтельствовать.

Мы видимъ такимъ образомъ, что природа, предписавъ всѣмъ человѣческимъ обществамъ одни и тѣже условія счастья, внутри каждаго изъ этихъ обществъ назначила, наоборотъ, для составляющихъ его классовъ и индивидуумовъ самыя разнообразныя и отчасти про-

---

[23]) «Oeuvres» т. 9 «De la législation» стр. 51.

[24]) Извѣстное замѣчаніе Руссо въ «Рѣчи о неравенствѣ» относительно вопроса о зависимости между естественнымъ и общественнымъ неравенствомъ,— вопроса, по его мнѣнію, весьма удобнаго для обсужденія въ компаніи слугъ, когда ихъ слышитъ господинъ, но неприличнаго для людей, ищущихъ истины, кажется по формѣ простымъ отрицаніемъ возможности такихъ разговоровъ между философами. На дѣлѣ же замѣчаніе Руссо было злой выходкой противъ распространенной теоріи, ставившей общественное неравенство въ прямую зависимость отъ естественнаго.

[25]) «La politique naturelle» 1773 стр. 18—22.

тивоположныя условія существованія. Но, такъ какъ въ эти различныя условія попадутъ настолько же различные отъ природы люди, то они и будутъ въ нихъ одинаково счастливы. Поденщикъ и вельможа, каждый на своемъ мѣстѣ, получатъ равную по количеству, хотя и различную по качеству, сумму какъ пріятныхъ, такъ и непріятныхъ ощущеній. Это тоже одна изъ самыхъ распространенныхъ идей, противъ которой съ ожесточеніемъ борется Руссо.

II.

Понятно то громадное значеніе, которое придавалось такой системой взглядовъ живому воплощенію просвѣщеннаго разума, образованному обществу, не говоря уже о самихъ философахъ. Никто въ литературѣ просвѣщенія не отстаивалъ привилегій дворянства, не защищалъ власти, даваемой однимъ рожденіемъ, но тѣмъ торжественнѣе освящалась ею власть просвѣщенныхъ людей надъ непросвѣщенными. Ее предусмотрѣла, ее требуетъ сама природа. Одаривъ часть человѣчества большимъ количествомъ ума, она предназначила ее въ руководительницы остальной массы. Но, если даже этимъ избранникамъ природы невѣжество цѣлыя тысячелѣтія мѣшало познать и объявить ея истинные законы, то нельзя же ожидать, чтобы невѣжественныя, занятыя физическимъ трудомъ, въ меньшей пропорціи одаренныя разумомъ народныя массы поняли эти законы, то есть поняли свои истинные интересы и оцѣнили то счастье, къ которому предназначила ихъ природа.

Изъ этой массы могутъ, конечно, выходить богато одаренные умственно люди, но именно *выходить*, подниматься вверхъ, присоединяться къ сонму избранныхъ. Замѣтьте къ тому же, что и самая добродѣтель неразлучна съ просвѣщеніемъ; она есть въ сущности знаніе своихъ истинныхъ интересовъ, которые совпадаютъ съ общественными—знаніе все тѣхъ же законовъ природы,

а порокъ,—это основанный на невѣжествѣ плохой разсчетъ, предпочтеніе ложныхъ интересовъ—истиннымъ.

Что власть принадлежитъ просвѣщеннымъ людямъ, въ этомъ никто не сомнѣвается, но условія и самая санкція власти постепенно видоизмѣняются и получаютъ различные оттѣнки. Вольтеру, принадлежавшему къ старшему поколѣнію между просвѣтителями, человѣческій родъ представлялся въ видѣ «плутовъ, *фанатиковъ* (т. е. духовенства) и глупцовъ, среди которыхъ существуетъ небольшая отдѣльная группа, называемая хорошимъ обществомъ. Богатая, хорошо воспитанная, изящная—эта группа является какъ бы цвѣткомъ на стеблѣ человѣческаго рода, для нея трудились великіе люди, мыслители, она создаетъ репутаціи» и проч. [26]).

Для нея же въ сущности необходимы и полезнѣйшіе люди, ничего не имѣющіе кромѣ рукъ. Дурно только, что «фанатики» тоже утягиваютъ свою долю. «Человѣческій родъ, каковъ онъ есть, не можетъ существовать безъ огромнаго количества полезныхъ людей, ничего не имѣющихъ, такъ какъ человѣкъ зажиточный не оставитъ своей земли, чтобы обработывать вашу»...

«У насъ уже все распредѣлено» говоритъ онъ такому полезному человѣку, предположивъ, что тотъ проситъ земли. «Если хочешь ѣсть... работай на насъ, служи намъ или забавляй насъ, и мы будемъ платить»..[27]).

По его мнѣнію, во Франціи такихъ полезныхъ людей недостаточно. Ихъ больше въ Англіи. Крѣпостное право, а также и поборы духовенства мѣшаютъ ихъ размноженію. Гораздо выгоднѣе предоставить крестьянамъ свободно обработывать землю «sous la redevance, qui enrichit les seigneurs». Это породитъ избытокъ сельскаго населенія и дастъ много свободныхъ рукъ для другихъ занятій. «Всѣ крестьяне не сдѣлаются богатыми, да и не слѣдуетъ, чтобы они сдѣлались», успокоиваетъ онъ себя и «хорошее общество». Съ этой же точки зрѣнія

---

[26]) Dialogues. L'intendant de mer et l'abbé Grisel.
[27]) Dictionnaire philosophique. Слово «égalité».

онъ противъ народнаго образованія. Кто же тогда будетъ «ходить за моимъ плугомъ»? Хотя очень вѣроятно, что противъ того, что теперь называется народнымъ образованіемъ, онъ ничего бы не имѣлъ. Онъ понималъ подъ нимъ нѣчто гораздо большее. Для его хозяйства «нужны чернорабочіе, а не *клерки*». Люди, ничего не имѣющіе кромѣ рукъ, перемрутъ съ голоду, *прежде чѣмъ сдѣлаются философами* [28]) и проч.

Всѣ эти рѣчи Вольтера звучатъ невозможнымъ цинизмомъ для современныхъ ушей: въ особенности для русскихъ интеллигентныхъ ушей второй половины XIX вѣка, привыкшихъ къ тому, чтобы все, что говорится по общественнымъ вопросамъ, говорилось во имя народнаго блага и, уже по меньшей мѣрѣ, сопровождалось хоть легкимъ поклономъ въ сторону народа, «идеаловъ», и г. Михайловскаго [29]).

Но эта привычка создалась вовсе не потому, чтобы современные намъ представители разума были непремѣнно «добрѣе» Вольтера. Въ тотъ самый періодъ своей жизни, когда были написаны эти циничныя фразы, онъ въ своей практической дѣятельности служилъ образцомъ того просвѣщеннаго благодѣтеля, котораго горячо призывала современная ему литература. Доставляя работу, давая кредитъ, онъ быстро превратилъ голодную деревушку Ферней въ многолюдное, цвѣтущее мѣстечко (также быстро раззорившееся послѣ его смерти), которое могъ выставлять какъ образецъ для подражанія не только со стороны матеріальнаго, но и нравственнаго благосостоянія. Всюду враждовавшіе между собою католики и кальвинисты мирно уживались въ его помѣстьѣ, отлично зная, что добрый баринъ не потерпитъ на своей землѣ ни малѣйшаго «фанатизма».

---

[28]) Письма Вольтера къ «M. de la Chalotais Февраль 1793 г. къ «M. Danilaville» Апрѣль 1766 г.

[29]) «Но чудо!
«Не много выигралъ народъ
«И легче нѣтъ ему покуда». Некрасовъ.

Рано выступивъ на литературное поприще, Вольтеръ уже во времена регентства былъ извѣстнымъ авторомъ «Эдипа» и многочисленныхъ посланій, принятымъ въ самомъ высшемъ свѣтѣ. Его общественные взгляды сложились въ такое время, когда о правахъ аристократическаго «цвѣтка» на всѣ соки стебля поднималось такъ же мало вопросовъ, какъ и о правахъ дѣйствительныхъ розъ и тюльпановъ, расцвѣтавшихъ въ садахъ сеньоровъ. Такъ всегда было, такъ есть и будетъ. «И хорошо, что есть, и отлично, что будетъ», добавляетъ Вольтеръ. Но, какъ представитель просвѣщенія, онъ основываетъ свое одобреніе не на правахъ дворянства *какъ* таковаго, а на томъ, въ общемъ вѣрномъ, фактѣ, что «хорошее общество» соединяетъ въ себѣ все изящество и просвѣщеніе человѣческаго рода. А вѣдь въ просвѣщеніи, въ наукахъ, въ искусствѣ, въ благовоспитанности и заключается все величіе, вся сущность человѣческаго рода. «Голый бразилецъ—это животное, еще не достигшее полнаго развитія, свойственнаго его виду. Это гусеница... Она станетъ бабочкой лишь черезъ нѣсколько столѣтій. У него явятся, быть можетъ, свои Ньютоны и Локки, и тогда онъ достигнетъ полнаго человѣческаго развитія[30])». Взятый въ отдѣльности, и французскій крестьянинъ не далеко ушелъ въ глазахъ Вольтера отъ бразильца. Но, если послѣдній достигнетъ полнаго человѣческаго развитія лишь со временемъ въ лицѣ Ньютоновъ и Локковъ, то французскій крестьянинъ уже давно достигъ его въ лицѣ Людовика XIV-го и блестящихъ писателей его вѣка, если не раньше. Онъ давно уже превратился въ стебель, поддерживающій пышный цвѣтокъ просвѣщеннаго общества. Причемъ, иногда въ статьяхъ, а гораздо больше личнымъ примѣромъ Вольтеръ старался убѣдить цвѣтокъ въ необходимости, для собственной же пользы, доставить стеблю всѣ удобства для исполненія его обязанностей. У Вольтера была впрочемъ своя спеціаль-

---

[30]) «Dialogues entre A. B. C.». 7-ой Діалогъ.

ность: борьба съ «фанатизмомъ» и «суевѣріемъ», въ которой «хорошее общество» было на его сторонѣ. Этой борьбѣ онъ посвящалъ все свое вниманіе, дѣлая въ область соціальныхъ и политическихъ вопросовъ лишь мимолетные набѣги. Онъ не обдумывалъ, не переворачивалъ ихъ со всѣхъ сторонъ, не писалъ о нихъ безчисленныхъ брошюръ, какъ писалъ о занимавшихъ его предметахъ. Но, поскольку онъ касался общественныхъ вопросовъ, онъ разсматривалъ ихъ изнутри «небольшой группы, называемой хорошимъ обществомъ». Къ ней онъ сводилъ весь смыслъ существованія человѣчества, относясь къ остальной массѣ, какъ къ посторонней, окружающей группу средѣ, правда необходимой..., какъ воздухъ, «но такъ же, какъ воздухъ, разъ на всегда данной, стоящей внѣ споровъ».

Разумъ не можетъ сомнѣваться въ правахъ хорошаго общества. Если ихъ отрицаетъ Руссо, то лишь потому, что онъ тщеславный софистъ, завистливый лакей, монстръ, происходящій по прямой линіи отъ пары собакъ, принадлежавшихъ одна Діогену, а другая Герострату. Внутренней потребности защищать передъ самимъ собою эти права у Вольтера незамѣтно и тѣни.

Этой потребности нѣтъ еще и у основателя школы физіократовъ Кенэ, первыя произведенія котораго появились въ печати въ 1756 году, но въ основныхъ чертахъ были уже раньше извѣстны въ придворныхъ, а затѣмъ и вообще въ образованныхъ сферахъ Парижа. Въ его тяжеловѣсныхъ произведеніяхъ нѣтъ, конечно, и слѣда циничной шутливости Вольтера. Они были плодомъ глубокой самостоятельной мысли, настойчиваго изученія и уже заключаютъ въ себѣ всѣ тѣ законы, которые будетъ провозглашать отъ имени природы школа физіократовъ. Если Морелли и Мабли почерпали, по выраженію послѣдняго, въ глубинѣ собственнаго сердца (служившаго для нихъ образцомъ человѣческаго сердца вообще) свои убѣжденія относительно намѣреній природы, то Кенэ почерпнулъ ихъ изъ своего знанія положенія французскихъ финансовъ и земледѣлія, бывшаго почти единст-

веннымъ источникомъ этихъ финансовъ. Нужды казны росли, а земледѣліе регрессировало и при данныхъ условіяхъ не могло не регрессировать подъ вліяніемъ этихъ самыхъ нуждъ. Чтобы не разорять страну, не мѣшать росту ея производства, налоги должны падать лишь на чистый доходъ (produit net), брать лишь извѣстную долю изъ той части продукта, которая остается за вычетомъ изъ валоваго дохода, какъ заработной платы, такъ и всѣхъ остальныхъ издержекъ производства. Но при мелкой крестьянской культурѣ, которая, по свѣдѣніямъ Кэнэ, господствовала еще въ 7/8 Франціи, «чистый доходъ настолько близокъ къ нулю (non-valeur), что налоги заставляютъ отказываться отъ всякой обработки, что и случается во многихъ мѣстностяхъ единственно отъ бѣдности жителей»[31]). Чистый доходъ, какъ извѣстно, давало, по ученію физіократовъ, одно лишь земледѣліе и даже, для зерновыхъ хлѣбовъ въ особенности, лишь земледѣліе, находящееся въ рукахъ крупныхъ фермеровъ—капиталистовъ, ведущихъ хозяйство наемнымъ трудомъ.

Такая крупная культура приноситъ по сравненію съ мелкой крестьянской въ 10—12 разъ больше чистаго дохода съ того же пространства земли. На необходимости крупной фермерской культуры Кенэ настаиваетъ также въ XV и XXVI изъ своихъ Maximes. Но развитію такой культуры мѣшали остатки крѣпостнаго права: наслѣдственность арендъ, совмѣстное съ крестьянами владѣніе общинными землями, право выпаса крестьянскаго скота на помѣщичьихъ поляхъ и проч. Отсюда требованіе полной свободы собственности отъ всякихъ условій и ограниченій. Для процвѣтанія того же земледѣлія, а слѣдовательно и государственныхъ финансовъ, нужно также освобожденіе отъ регламентаціи какъ торговли, такъ и обработывающей промышленности, а вмѣстѣ съ тѣмъ необходима и полная свобода передвиженія и занятій для «личностей», крестьянъ и рабочихъ.

---

[31]) Collect. des priucip. économ. т. II «Les maximes» стр. 91.

Знаменитое изреченіе Кенэ, за которое онъ пользуется репутаціей друга крестьянъ: «pauvres paysans, pauvre royaume» и проч. вовсе не значитъ, чтобы Кенэ считалъ возможнымъ существованіе во Франціи *не бѣдныхъ* крестьянскихъ хозяйствъ, обработывающихъ свое поле трудомъ семьи. Такое поле почти не приноситъ чистаго дохода и должно оставаться свободнымъ отъ налоговъ, чтобы давать скудное пропитаніе. Но налоги стоятъ для Кенэ на первомъ планѣ, а ихъ не на кого переложить, пока земли остаются въ рукахъ крестьянъ. Вѣдь дворяне получаютъ свои доходы съ тѣхъ же бездоходныхъ крестьянскихъ полей. При этомъ, какъ ни тяжелы для крестьянъ ихъ различныя обязательства сеньорамъ, сумма ихъ платежей все же ничтожна по сравненію съ рентой, которую могъ бы легко уплачивать за ту же землю фермеръ-капиталистъ.

«Бѣдные крестьяне» должны поэтому превратиться— кто можетъ — въ крупныхъ фермеровъ, остальные въ наемныхъ рабочихъ [32]), что произойдетъ само собою при свободѣ собственности и личности.

---

[32]) Непризнаваніе за обрабатывающей промышленностью способности приносить чистый доходъ было ошибкой Кенэ, подсказанной ему самой французской дѣйствительностью. Обработывающая промышленность съ одной стороны еще сдерживалась цехами въ предѣлахъ ремесленнаго производства, съ другой въ созданныхъ Кольберомъ мануфактурахъ направлялась главнымъ образомъ на производство предметовъ роскоши. Потребности народныхъ массъ въ ея продуктахъ отчасти удовлетворялись еще домашнимъ производствомъ, отчасти оставались неудовлетворенными вслѣдствіе крайней нищеты. Словомъ обрабатывающая промышленность нуждалась въ провозглашеніи «законовъ природы» физіократовъ, чтобы выказать во всей силѣ свою громадную способность приносить чистый доходъ. Пока же въ общемъ крестьянство сохраняло еще свою средневѣковую привилегію быть единственнымъ поставщикомъ дохода высшихъ классовъ и государства, единственнымъ стеблемъ ставшаго слишкомъ пышнымъ для него цвѣтка просвѣщенія. Промышленный пролетаріатъ еще только готовился раздѣлить съ нимъ эту честь и снять съ его плечъ главную тяжесть.

Физіократы указывали единственный видный въ то время выходъ изъ положенія, при которомъ налоги быстро подтачивали свой собственный источникъ. Необходимо увеличить доходность земледѣлія посредствомъ привлеченія къ нему капиталовъ, улучшенія и удешевленія способовъ обработки и расширенія ея площади. А для всего этого было необходимо, чтобы значительная часть земли перешла изъ общественныхъ рукъ крестьянства въ загребастыя и вооруженныя капиталомъ руки крупныхъ фермеровъ.

Кенэ не думалъ, чтобы крестьянамъ отъ этого стало хуже — настоящее положеніе безвыходно — но не рисовалъ онъ радужными красками и положеніе наемныхъ рабочихъ.

Вообще законодательница - природа не прикидывается у Кенэ доброй матерью всѣхъ индивидуумовъ, составляющихъ изъ себя общество. Она дала лишь законы, «очевидно, наиболѣе выгодные для общества», разсматриваемаго какъ цѣлое. Про неравенство, напримѣръ, которое у другихъ писателей природа устанавливаетъ между людьми съ единственной цѣлью вызвать между ними обмѣнъ услугъ, благодѣяній и благодарностей, у Кенэ говорится такъ: «Разсматривая какъ тѣлесныя и умственныя способности, такъ и другія средства людей, мы видимъ между ними большое неравенство относительно пользованія ихъ естественнымъ правомъ, (заключающимся, какъ и у Локка, въ присвоеніи, посредствомъ труда части богатствъ природы. Къ этому неравенству непримѣнимъ принципъ справедливости или несправедливости; онъ является результатомъ комбинаціи законовъ природы»[33])..,

И не сулитъ у Кенэ природа никакого «счастья» одѣленному ея комбинаціями большинству, не требуетъ для него никакихъ особыхъ «благодѣяній» отъ осчастливленнаго меньшинства. А что именно сулитъ она наемнымъ рабочимъ, всего лучше видно изъ произведенія Кенэ, озаглавленнаго: Dialogue sur le travaux des artisans». M. N., выражающій взгляды автора, выставляетъ въ этомъ діалогѣ слѣдующее, печатаемое курсивомъ положеніе: «Obtenir la plus grande augmentation possible de dépenses, c'est la perfection de la conduite économique[34])». Изъ этого не слѣдуетъ, разъясняетъ M. N. недоумѣніе своего собесѣдника, чтобы собственники могли достигнуть совершенства экономическаго поведенія, работая лично ради сокращенія расходовъ, вѣдь рядомъ съ этимъ сокращеніемъ стоитъ возможно большее наслажденіе (очевидно,

---

[33]) Coll. des principaux économistes т. II. «Droits naturels» стр. 36.
[34]) Ibid. стр. 192.

въ этомъ смыслѣ употребляется здѣсь слово «jouissance»), а тяжелый трудъ былъ для нихъ уменьшеніемъ наслажденія. Они въ тоже время повредили бы людямъ, существующимъ лишь трудомъ. «Размѣръ расходовъ на заработныя платы всегда ограниченнѣе размѣра потребностей, вынуждающихъ рабочихъ подчиняться необходимости труда[35])».

Оба условія «совершеннаго поведенія достигаются тѣмъ, что собственники пользуются конкуренціей между людьми, оспаривающими другъ у друга работу. Конкуренція всегда стремится понижать заработную плату» (met le prix du travail au rabais).

Предѣлъ этому пониженію заключается лишь въ томъ, что при слишкомъ низкой заработной платѣ, совершенно не удовлетворяющей ихъ потребностей, рабочіе предпочитаютъ жить милостыней. Было бы выгодно, поясняетъ онъ далѣе, замѣнять французскихъ жнецовъ савоярами, берущими дешевле. На замѣчаніе-же собесѣдника, что это будетъ во вредъ французскимъ поселянамъ, Кенэ отвѣчаетъ, что «всякое сокращеніе издержекъ производства идетъ во вредъ тѣмъ, кто воспользовался бы издержками, но полезно тому, кто ихъ сокращаетъ... Естественное право произноситъ свое рѣшеніе въ пользу этихъ послѣднихъ, имъ принадлежитъ законное распоряженіе своей собственностью [36])».

При этомъ увеличеніе дохода собственниковъ полезно государю, увеличивая источникъ налоговъ. Какъ мы видимъ, естественное право Кенэ еще также безстрастно и откровенно присуждаетъ мышей въ пищу кошкамъ, мухъ—паукамъ, какъ и рабочихъ—собственникамъ и государству.

Но если Кенэ былъ другомъ человѣчества лишь въ его сложномъ, полномъ внутренней борьбы, цѣломъ, и вся суть этого цѣлаго заключалась для него лишь въ

---

[35]) Ibid. стр. 193.
[36]) Ibid, стр. 203.

просвѣщенномъ [37]) правительствѣ и собственникахъ, если все остальное населеніе Франціи и для него также (хотя онъ и не употреблялъ метафоръ) было лишь стеблемъ, предназначеннымъ поддерживать пышный цвѣтокъ, то все же народу было бы выгоднѣе имѣть побольше такихъ проницательныхъ и въ то же время вполнѣ правдивыхъ недрузей, чѣмъ многихъ и многихъ, желавшихъ быть его друзьями, но слишкомъ хорошо умѣвшихъ самихъ себя обманывать.

Впервые установивъ различіе между валовымъ и чистымъ доходомъ и указавъ, что крестьяне чистаго дохода изъ своей земли почти вовсе не извлекаютъ, онъ тѣмъ самымъ доказалъ, что налоги уплачиваются ими на счетъ прогрессивнаго ухудшенія условій производства и собственнаго питанія. Онъ же указалъ, что во многихъ мѣстностяхъ именно налоги заставляютъ крестьянъ прекращать обработку и бѣжать отъ своихъ наслѣдственныхъ арендъ, что для нихъ слѣдовательно тотъ минимальный предѣлъ, за которымъ трудящійся предпочитаетъ нищенство, уже перейденъ.

Такое ничѣмъ не смягченное высказываніе того, что есть, внушая убѣжденіе въ гибельности существующей финансовой системы для государства, вызывало въ тоже время болѣе яркое сознаніе ея несправедливости по отношенію къ крестьянамъ, чѣмъ могли бы внушить предложенія тѣхъ или иныхъ благодѣтельныхъ палліативовъ, хотя бы и сдѣланныя самымъ добрымъ, самымъ сочувственнымъ слогомъ.

Все, что говорилъ Кенэ о положеніи крестьянъ и о налогахъ, относилось къ настоящему неразумному строю, все рѣшительнѣе осуждавшемуся на исчезновеніе. Поэтому послѣдователи Кенэ не только не ослабили, не

---

[37]) Въ своемъ «Droit naturel» онъ замѣчаетъ, что, говоря о разумѣ, понимаетъ подъ нимъ лишь «разумъ изощрённый, развитой и усовершенствованный изученіемъ законовъ природы: простой разумъ не возвышаетъ человѣка надъ уровнемъ животныхъ»... стр. 54.

Всѣ физіократы совѣтовали, впрочемъ, учить народъ. Они считали полезнымъ, чтобы онъ, хоть вкратцѣ, усвоилъ «законы природы».

затемнили мыслей учителя, но продолжали повторять и развивать ихъ на всѣ лады, пока не превратили въ общепризнанную ходячую истину.

Также безжалостно правдивъ и вѣренъ дѣйствительности былъ взглядъ Кенэ и на положеніе наемныхъ рабочихъ. Будь его взглядъ на заработную плату также распространенъ во время революціи, какъ взглядъ на налоги, трудно представить себѣ, чтобы республиканское правительство, въ тотъ краткій моментъ, когда, опираясь на городской пролетаріатъ, оно дѣйствительно стремилось стать выразителемъ интересовъ низшихъ классовъ, удержало запрещеніе всякихъ союзовъ и коалицій между рабочими.

«Спросъ на рабочія руки всегда ниже предложенія, конкуренція между рабочими всегда стремится понижать заработную плату до того предѣла, когда рабочій, видя полную невозможность существовать ею, предпочитаетъ нищенство», говоритъ Кенэ. Массы нищихъ кормили монастыри, которые въ умахъ всей интеллигенціи были осуждены на исчезновеніе, между прочимъ, —за поощреніе нищенства. Изъ взглядовъ Кенэ ясно слѣдовало, что безъ союзовъ, уничтожающихъ конкуренцію въ средѣ рабочихъ, и безъ монастырей, поощряющихъ нищенство, единственной задержкой стремленію собственниковъ къ совершенству остается вымираніе части рабочихъ, ослабляющее конкуренцію между живыми.

Но для просвѣтителей не было никакой возможности удержаться на точкѣ зрѣнія Кенэ по вопросу о положеніи наемныхъ рабочихъ, которымъ отводилось такое широкое мѣсто въ будущемъ царствѣ законовъ природы. Заинтересовавшись общественными вопросами, обсуждая ихъ съ точки зрѣнія «должнаго», они не могли оставить въ сторонѣ вопроса о справедливости. Кенэ, въ смыслѣ «должнаго», имѣлъ въ виду прежде всего спасеніе государственныхъ финансовъ. Лейбъ-медикъ Людовика XV, онъ близко видѣлъ ихъ отчаянное положеніе. Эта высшая для него цѣль могла избавить его умъ отъ потреб-

ности хитрить съ открытыми имъ «законами природы», стараться приписать ихъ осуществленію такія хорошія послѣдствія, которыя «очевидны» не были.

III.

Но не всѣмъ же были близки интересы казны. Для большинства писателей въ ихъ проектахъ будущаго, на первомъ планѣ стояло не царство Людовика XV, а само «царство разума», торжество его велѣній надъ всѣми неразумными переживаніями феодальнаго строя. А сколько ни толкуй о природѣ, у которой разумъ исполняетъ лишь должность секретаря, пишущаго законы подъ ея диктовку—царство разума все же остается царствомъ разумныхъ, просвѣщенныхъ слоевъ населенія, т. е. своимъ собственнымъ царствомъ. Но кому же желательно (а въ общемъ даже психически возможно) основывать въ проектахъ будущаго, въ этой области свободы воли по преимуществу, *свое* господство, *свое* счастіе на чужихъ страданіяхъ? А въ голой схемѣ Кенэ дѣло имѣетъ именно такой видъ.

Чѣмъ упорнѣе занималась мысль просвѣщенныхъ людей проектами будущаго, тѣмъ настоятельнѣе становилась психическая необходимость ввести въ свое царство гармонію интересовъ, представить себѣ самимъ свое господство надъ неразумными не только неизбѣжнымъ по приговору природы, но въ тоже время и справедливымъ, а дальше полезнымъ, благодѣтельнымъ для самихъ неразумныхъ. Идея господства превращалась такимъ образомъ въ идею служенія общему благу. Лишній толчокъ этому стремленію «оправдываться» дали, повидимому, и первыя произведенія Руссо. Онъ, конечно, софистъ, но... но..... Все же хочется найти самыя справедливыя основанія господству носителей разума.

Всего меньше труда стоило украшеніе будущаго ближайшимъ послѣдователямъ Кенэ—физіократамъ. Экономическій характеръ ихъ произведеній и авторитетъ

учителя, дѣйствительно уловившаго реальныя, необходимыя черты ближайшаго будущаго, не давалъ разыгрываться ихъ фантазіи. Справедливость и гармонія интересовъ достигаются у нихъ главнымъ образомъ измѣненіемъ тона, введеніемъ нѣсколькихъ терминовъ. Мы видѣли уже у Мерсье-де-ла-Ривьера, какой пріятный, какой справедливый видъ получаетъ мрачный у Кенэ вопросъ объ уровнѣ заработной платы въ зависимости отъ конкуренціи, отъ одного только установленія, рядомъ съ движимой и недвижимой собственностью, третьяго вида собственности «личной» и надѣленія ею рабочаго.

«Собственность есть исключительное право владѣнія чѣмъ нибудь» говоритъ Дюпонъ-де-Немуръ... «Собственность должна быть исключительной, для того чтобы пользованіе (jouissance) было общимъ»... Въ производствѣ недвижимая собственность даетъ землю, «движимая беретъ на себя расходы, а личная—трудъ. Вотъ каково общество, законы котораго вытекаютъ изъ природы [38])». Это тожо звучитъ очень гармонично и почти по братски.

Какъ это повышеніе пролетарія въ чинъ собственника, такъ и многіе другіе пріемы «добрыхъ» писателей XVIII вѣка въ настоящее время кажутся на первый взглядъ не болѣе, какъ хитростью. Но всмотрѣвшись попристальнѣе въ произведенія этихъ оптимистовъ ясно чувствуешь, что если это хитрости, то хитрости такъ сказать самого разума, самого духа эпохи, не имѣющія ничего общаго съ умышленными передержками, такъ часто встрѣчающимися у современныхъ апологетовъ буржуазнаго строя.

Люди XVIII вѣка строили утѣшительныя перспективы, подыскивали аргументы для себя самихъ, да развѣ иногда для уязвленія Руссо. Имъ еще и некого было обманывать; чтобы заинтересованный въ дѣлѣ «собственникъ своей особы» могъ услышать ихъ,—это пока еще не приходило имъ въ голову.

---

[38]) Collect. des princip. économ. II. «Abrégé des principes de l'économie politiques» стр. 369, 370, 371.

Въ особенности изобильныя и часто совершенно несогласимыя между собой блага несетъ человѣчеству торжество разума у Гольбаха, который ухитряется въ своихъ идеалахъ будущаго соединить всѣ блага трехъ различныхъ общественныхъ строевъ.

Главнѣйшей политической особенностью возвѣщеннаго физіократами строя, по отношенію къ большинству населенія, было требованіе свободы труда и равенства передъ закономъ, т. е. прекращенія всякаго прямого подчиненія личности производителя съ цѣлью присвоенія продуктовъ его труда въ какомъ бы то ни было видѣ: оброка, налога или десятины [39]).

Гольбахъ внесъ въ свою систему всѣ свободы физіократовъ: свободу собственности, личности, всѣхъ занятій и промысловъ. Все это установлено самой природой и составляетъ естественнѣйшія права человѣка, которыхъ никто ни въ какомъ случаѣ не долженъ стѣснять. Но, повторивши это нѣсколько разъ, какъ въ своей «Politique naturelle», такъ и въ «Système social» [40]), онъ въ

---

[39]) Исторически особенностью политическихъ взглядовъ физіократовъ осталось ихъ требованіе «легальнаго деспотизма», монархической власти, неограниченной ничѣмъ, кромѣ просвѣщеннаго разума монарха, подчиняющагося «законамъ природы». Но изъ сущности ихъ системы вытекало одно лишь это «подчиненіе законамъ природы» т. е. полное невмѣшательство власти въ экономическія отношенія: laissez faire, laissez passer. Предпочтеніе же неограниченной монархіи вытекало не изъ сути ихъ взглядовъ, а изъ положенія дѣлъ во Франціи въ данный моментъ. Совершенно разоривши крестьянъ налогами, правительство находилось въ безвыходномъ финансовомъ положеніи и можно было надѣяться, что въ поискахъ за спасеніемъ, оно призоветъ въ министерство физіократа. Отъ парламентовъ-же и всякихъ представителей мѣстныхъ правъ, отъ всѣхъ тѣхъ элементовъ, которые мѣшали водворенію полнаго деспотизма во Франціи, нельзя было ожидать ничего, кромѣ сопротивленія и всякихъ помѣхъ необходимымъ реформамъ, что и оправдалось на дѣлѣ.

[40]) Эти два произведенія представляютъ собою, повидимому, два варіанта одной и той же книги, причемъ одни отдѣлы подробнѣе развиты въ одномъ, другіе въ другомъ сочиненіи. Мы останавливаемся на этихъ произведеніяхъ не потому, чтобы они сами по себѣ представляли что нибудь замѣчательное. Голь-

другихъ отдѣлахъ тѣхъ же книгъ забываетъ объ этихъ правахъ и свободахъ и награждаетъ народъ несовмѣстимыми съ ними благами.

Кругъ энциклопедистовъ, къ которому принадлежалъ Гольбахъ, былъ также живо заинтересованъ борьбой съ суевѣріями, какъ и Вольтеръ. Но не довольствуясь разрушеніемъ и не останавливаясь на деизмѣ, Гольбахъ и его пріятели пытались противопоставить старому міросозерцанію новую систему взглядовъ, дающихъ отвѣтъ на всѣ вопросы, занимавшіе въ то время образованное общество. Какъ въ борьбѣ со старымъ, такъ и въ построеніи новаго міросозерцанія имѣлъ огромное значеніе пересмотръ вопроса о душѣ и противопоставленіе этому понятію новаго матеріалистическаго взгляда на человѣческую природу. А въ разсужденіяхъ объ этой природѣ самымъ интереснымъ пунктомъ былъ вопросъ о происхожденіи «нравственнаго зла», о порокѣ и добродѣтели. Выводы просвѣтителей относительно этого пункта Гольбахъ

бахъ—писатель, не отличающійся ни выдающейся силой мысли, ни талантомъ. При этомъ его литературная извѣстность все же болѣе основывается на его «Système de la Nature», чѣмъ на его нравственно политическихъ трактатахъ. Но Гольбахъ по своему положенію былъ центромъ обширнаго и вліятельнаго круга писателей и вообще образованныхъ людей, причемъ его книги, именно вслѣдствіе отсутствія въ немъ умственной оригинальности, являлись нѣкоторымъ образомъ сводомъ мнѣній, высказывавшихся въ его салонахъ. Онѣ до извѣстной степени писались сообща, что вредно отзывалось, конечно, на стройности произведеній, но дѣлало изложенные въ нихъ взгляды типичными для цѣлаго вліятельнаго круга тогдашней интеллигенціи. И это именно тотъ кругъ, съ которымъ у Руссо было всего болѣе связей, всего болѣе сперва пріятельскихъ, затѣмъ враждебныхъ отношеній. «Les Holbachiens» было кличкой, которою онъ окрестилъ всѣхъ враждебныхъ ему философовъ Парижа. Мы не забываемъ, конечно, и того, что обѣ вышеупомянутыя книги появились въ печати позднѣе главнѣйшихъ произведеній Руссо. Въ нихъ попадаются даже фразы, направленныя очевидно противъ него. Но Руссо не даромъ говоритъ въ «Эмилѣ», что изъ разговоровъ въ Парижскихъ салонахъ, взгляды писателей узнаются полнѣе, чѣмъ изъ книгъ. При чрезвычайной возбужденности и высокомъ умственномъ уровнѣ тогдашней общественной жизни Парижа, идеи, прежде чѣмъ попасть въ книги, долго дебатировались въ безконечныхъ разговорахъ, затѣмъ читались въ рукописяхъ и наконецъ уже предавались тисненію гдѣ нибудь заграницей, въ большинствѣ случаевъ голландскими книгопродавцами. Во всякомъ случаѣ изъ произведеній Руссо видно, что весь строй мыслей, выразившійся въ книгахъ Гольбаха, былъ ему хорошо знакомъ.

перенесъ въ свою соціальную систему и построилъ на нихъ свою «естественную политику».

Человѣкъ по природѣ не можетъ не стремиться къ счастью, не можетъ не искать наслажденія, но, какъ его понятіе о счастьи, такъ и способы, которыми онъ его добивается, чрезвычайно различны и зависятъ отъ умственныхъ способностей и просвѣщенія. Добродѣтель вытекаетъ изъ познанія истиннаго счастья и вѣрнѣйшихъ средствъ для его достиженія, а порокъ — изъ ложнаго взгляда, какъ на счастіе, такъ и на ведущіе къ нему пути. Онъ заключается въ легкомысленномъ предпочтеніи минутнаго наслажденія—прочному благополучію.

Мы видѣли уже, какъ «поразительно непропорціонально» распредѣлила природа умственныя способности между людьми. А такъ какъ добродѣтель есть знаніе, пониманіе, то нравственное неравенство должно по необходимости совпадать съ умственнымъ. Очень характерно обрисовываетъ этотъ взглядъ слѣдующая параллель, проводимая Гольбахомъ между артистическимъ и нравственнымъ чувствомъ или вкусомъ. «Нравственный вкусъ», говоритъ онъ, «ничѣмъ не отличается отъ тонкаго артистическаго вкуса: этотъ послѣдній предполагаетъ дарованіе, заключающееся въ особой тонкости органовъ чувствъ, получаемой отъ природы и требующей соотвѣтствующаго упражненія.... Нравственный вкусъ тоже предполагаетъ природное дарованіе, заключающееся въ деликатности и чувствительности ума и сердца, которое при цѣлесообразномъ упражненіи посредствомъ воспитанія даетъ намъ возможность быстро понимать выгодныя или вредныя послѣдствія нашихъ дѣйствій... Мы становимся такимъ образомъ *знатоками* (connaisseurs—курсивъ Гольбаха) нравственности, какъ становимся знатоками живописи, скульптуры, архитектуры и проч.» [41]).

«Все наше поведеніе, хорошее или дурное, зависитъ отъ вѣрныхъ или ложныхъ идей, которыя мы имѣемъ о счастіи. Хорошимъ человѣкомъ будетъ тотъ, кто пойметъ, что

---

[41]) Système sociale т. I стр.90.

его счастіе зависитъ отъ уваженія и благоволенія другихъ людей. Людямъ, впрочемъ, свойственно желать уваженія, славы, авторитета, власти наконецъ. Только религія могла стремиться извратить ихъ природу, внушая имъ смиреніе и самоуниженіе». Честолюбіе и властолюбіе наоборотъ являются величайшими источницами добродѣтели. Но невѣжество мѣшаетъ людямъ знать, въ чемъ заключается истинный путь къ удовлетворенію этихъ стремленій. А онъ заключается въ томъ, чтобы приносить людямъ пользу, дѣлать имъ добро. «Какъ бы ни было пристрастно наше мнѣніе о себѣ самихъ.... мы вынуждены признать себя ниже тѣхъ, которые приносятъ больше пользы, больше выгоды обществу, или намъ самимъ, чѣмъ мы сами можемъ доставить или пріобрѣсти. Вотъ естественный и законный источникъ всякой власти и подчиненія... Власть есть право управлять нашими дѣйствіями, которое мы признаетъ за тѣми, кого считаемъ способнѣе насъ самихъ доставить намъ счастіе... Таковы естественныя основанія подчиненія бѣдныхъ и слабыхъ— богатымъ и сильнымъ, дѣтей—родителямъ, слугъ—господамъ [42]).

Власть, не доставляющая никакихъ благъ подчиненнымъ, есть насиліе, тиранія, несправедливость, противъ которой протестуетъ человѣческая природа. Но не менѣе противно этой природѣ, не менѣе несправедливо, когда приносимая людямъ польза, оказанное благодѣяніе, остается безъ награды. Это было бы въ высшей степени вредно для общаго блага, такъ какъ изсушило бы самый источникъ добродѣтели. А между тѣмъ отъ существованія сильныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ добродѣтельныхъ людей зависитъ благополучіе народа.

Самъ народъ не можетъ знать, въ чемъ заключается его счастіе. Онъ не можетъ жить безъ руководителей. «Онъ употребилъ бы свою власть безразсудно, необдуманно, часто противъ самыхъ дорогихъ своихъ интересовъ»... «Слишкомъ большая свобода не замедлила бы

---

[42]) Ibid. стр. 133—134.

выродиться у него въ распущенность. Его необходимо поэтому сдерживать и гарантировать отъ его собственнаго безумія (folie) или неопытности» [43]). Его не слѣдуетъ слишкомъ обременять, но не слѣдуетъ также и допускать его предаваться праздности. «Дѣти и народъ могутъ лишь злоупотреблять свободой къ своему собственному вреду».

Словомъ, вопреки заимствованнымъ у физіократовъ «свободамъ» народъ Гольбаха не можетъ обходиться безъ самой назойливой и всесторонней опеки. Для его блага необходимо только, чтобы верхнія ступени общественной лѣстницы были заняты людьми добродѣтельными, чтобы заслуги и благодѣянія всегда находили награду. Слѣдуя за природой, создавшей людей неравными, общество также должно ради своего благосостоянія дѣлать различія между своими членами и соразмѣрять свое уваженіе, любовь и награды съ полезностью людей, то есть съ ихъ способностями и добродѣтелью». Народъ вынужденный работать для своего пропитанія, долженъ доставлять также средства «какъ для пропитанія, такъ и для украшенія жизни тѣмъ, кто обязывается за это управлять имъ, обезпечивать ему спокойствіе, *мыслить* за него, заниматься его нуждами... такимъ образомъ тѣ граждане, которые служатъ обществу, могутъ пользоваться болѣе счастливымъ существованіемъ, чѣмъ люди, по отношенію къ которымъ общество не имѣетъ подобныхъ обязательствъ».... [44]).

«Уплачивать долги общества людямъ, приносящимъ ему пользу, должны государи» (les souverains, les princes). Самолюбіе, личные интересы, желаніе отличій свойственны всѣмъ».

«Способные люди стремятся къ власти. Государи должны направлять эти страсти на служеніе общему благу, давая власть, титулы, знаки отличія и другія награды полезнымъ обществу людямъ». На этой обязанности госуда-

---

[43]) „Politique Naturelle“ т. I. стр. 73, 183.
[44]) Ibid. стр. 172, 173.

рей Гольбахъ настаиваетъ по нѣсколько разъ въ каждомъ изъ названныхъ нами произведеній.

Такое вмѣшательство государей въ естественный путь къ счастію посредствомъ добродѣтели бросается въ глаза своей «искуственностью». Но въ сущности оно составляетъ совершенно необходимое добавленіе къ изображенному Гольбахомъ особаго рода идеальному феодализму, къ благодѣтельной опекѣ надъ народомъ наиболѣе разумныхъ и сильныхъ. Если государи не будутъ награждать этихъ опекуновъ, опекуны сильно рискуютъ остаться ненагражденными. Люди охотно подчиняются тѣмъ, кого считаютъ способнѣе себя самихъ доставить имъ счастіе. Доставленіе другимъ людямъ счастія является поэтому естественнымъ путемъ къ своему собственному: къ почету и власти. Такъ говоритъ Гольбахъ, но въ тоже время онъ утверждаетъ, что народъ не знаетъ своихъ истинныхъ интересовъ и именно поэтому нуждается въ опекѣ, а разъ онъ ихъ не знаетъ, онъ не можетъ и оцѣнить по достоинству заслугъ тѣхъ, кто заботится о его благополучіи. Свобода вредна для него, праздность еще вреднѣе, равенство противоестественно и попытки установить его—гибельны, а между тѣмъ исторія всѣхъ демократическихъ республикъ показываетъ Гольбаху, что ихъ идеаломъ является именно равенство, любовь къ которому порождается завистью.

Граждане такихъ республикъ отличаются недовѣріемъ къ талантамъ, къ заслугамъ, къ самой добродѣтели. Они вѣчно опасаются, какъ бы, опираясь на свои заслуги, добродѣтельные граждане не поработили ихъ. Поэтому, предаваясь распущенности и анархіи, они угнетаютъ добродѣтель и отличаются неблагодарностью, [45]) которая въ глазахъ Гольбаха, была едва ли не худшимъ изъ всѣхъ пороковъ. Характеризуя въ I-омъ томѣ «Système sociale» различные пороки, онъ аттестуетъ неблагодарность, какъ свойство, «очевидно, несправедливое, отвратительное и преступное.... Неблагодарные содѣйствуютъ уничтоженію

---

[45]) „Politique naturelle“ т. I стр. 68, 69. „Système Sociale“ т. II, стр. 34.

благотворительности, щедрости, человѣколюбія—качествъ наиболѣе полезныхъ обществу». Въ концѣ характеристики выражается даже сомнѣніе, «чтобы могло быть что нибудь возмутительнѣе» не только неблагодарности за полученное благодѣяніе, но даже простаго отказа отъ предлагаемато, простаго «отталкиванія протянутой руки» благотворителя [46]).

Послѣднее сужденіе до того строго, что по всему вѣроятію написано спеціально для Руссо, упорно отталкивавшаго всѣ протянутыя съ благодѣяніями руки и рѣшившагося къ тому же въ переполненной благодарностью литературѣ XVIII вѣка выступать защитникомъ неблагодарности [47]).

---

[46]) стр. 127, 128.

[47]) Благодарность дѣйствительно является любимѣйшей добродѣтелью, добродѣтелью par excellence въ литературѣ XVIII вѣка. Захочетъ ли Вольтеръ показать, что есть нравственныя правила, обязательныя на всемъ земномъ шарѣ, у него, вмѣстѣ съ платежомъ долговъ (Вольтеръ имѣлъ много неаккуратныхъ должниковъ) непремѣнно фигурируетъ благодарность. Говоритъ ли Монтескье въ своей знаменитой книгѣ о вѣчныхъ нравственныхъ законахъ, предшедствующихъ положительнымъ, въ примѣръ такого закона приводится обязанность благодарности для существа, получившаго благодѣяніе. Меньше другихъ толкуютъ о благодарности физіократы. Въ ихъ системѣ «совершенное поведеніе» само несло свою награду и не нуждалось въ поощреніи посредствомъ благодарности. Тѣмъ шире разростается она зато у остальныхъ просвѣтителей и получаетъ у Гольбаха значеніе краеугольнаго камня «естественной политики». Слѣдующая тирада въ 4-ой книгѣ «Эмиля» кажется направленной именно противъ этой теоріи: «неблагодарность встрѣчалась бы гораздо рѣже, еслибы разсчитанныя на барышъ благодѣянія не были такъ обычны... Гораздо чаще встрѣчаются барышники - благодѣтели, чѣмъ неблагодарные облагодѣтельствованные. Если вы продаете мнѣ свое благодѣяніе, такъ прежде сторгуемся о цѣнѣ; если же вы дѣлаете видъ, что дарите мнѣ его, чтобы потребовать произвольно назначенную вами плату, вы мошенничаете: благодѣяніе безцѣнно, но лишь пока оно даровое... Рыбакъ предлагаетъ рыбѣ приманку, и та довѣрчиво беретъ ее, но пойманная на скрытый крючокъ и почувствовавъ, что ее тянутъ, старается убѣжать. Былъ ли рыбакъ благодѣтелемъ рыбы? Оказалась ли рыба неблагодарной»? Озлобленная страстность этой тирады кажется совершенно не соотвѣтствующей тому поводу, къ которому она прицѣплена (совѣтъ воспитателю не требовать отъ ребенка благодарности). Но Руссо писалъ для современниковъ и зналъ, что его слова дойдутъ по настоящему адресу. «Могущественные благодѣтели», говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, «причиняютъ тысячи дѣйствительныхъ золъ, чтобы сдѣлать одно кажущееся добро». Предчувствуя бѣду, народъ, по его мнѣнію, заранѣе стонетъ, какъ только услышитъ, что ему собираются благодѣтельствовать.

Но во всякомъ случаѣ, какъ ни возмутительна неблагодарность, она всетаки существуетъ: просвѣщенный разумъ говоритъ людямъ, что заботы объ общемъ благѣ являются единственнымъ путемъ къ почету, власти и къ счастію, но нельзя не видѣть, что было бы слишкомъ рискованно ждать отъ самого народа оправданія этихъ внушеній разума. Остается одно: уговорить государей взяться за поощреніе добродѣтели. И какъ же усердно Гольбахъ ихъ уговариваетъ! То обращается къ нимъ самимъ, то, говоря о нихъ въ третьемъ лицѣ, изображаетъ всю ту славу, которая ожидаетъ какъ при жизни, такъ и за гробомъ монарховъ, направляющихъ человѣческія страсти на служеніе общему благу. «Справедливое распредѣленіе наградъ и наказаній даетъ государю возможность царствовать подобно богамъ. Обладая этими двумя великими пружинами правительства, онъ употребитъ ихъ для поощренія добродѣтели, заслугъ, талантовъ» [48]). И далеко не одинъ Гольбахъ возлагаетъ свои лучшія надежды на эти «пружины». Онѣ же являются главнѣйшимъ средствомъ распространенія добродѣтели и у Гельвеція. Совершенно сходится съ Гольбахомъ въ этомъ отношеніи и Морелли, у котораго «законы природы» такъ отличны отъ Гольбаховскихъ по своему содержанію. «Чины, достоинства, почести», говоритъ онъ, «должны бы соразмѣряться со степенью усердія, способностей, полезности и заслугъ каждаго гражданина.... Если бы было установлено, что каждый будетъ пользоваться могуществомъ и почетомъ соразмѣрно своей добродѣтели, и почетъ будетъ расти пропорціонально совершенствованію человѣка, между людьми не было бы иного соперничества, кромѣ соревнованія въ заботахъ объ общемъ счастіи» [49]). И у него основаніемъ власти служитъ «естественный авторитетъ благодѣтеля надъ получившимъ благодѣяніе», хотя его «гипотеза не исключаетъ и строгой власти, которая сломитъ первоначальное отвра-

---

[48]) «Politique naturelle». часть 1, стр. 128.
[49]) «Code de la Nature» стр. 28.

щеніе» такихъ племенъ, которые не захотятъ подчиниться разумнымъ совѣтамъ и наставленіямъ [50]).

Въ числѣ сторонниковъ «доктрины», обаяніе которой стремился разрушить Руссо, мы не разъ упоминали Мабли, хотя по очень распространенному мнѣнію онъ считается послѣдователемъ Руссо. Для этого мнѣнія можно, пожалуй, подъискать кое какія историческія основанія, но, во всякомъ случаѣ, ни тѣни—теоретическихъ. Въ основахъ своихъ общественныхъ взглядовъ, въ методѣ мышленія, онъ по меньшей мѣрѣ такъ же далекъ отъ Руссо, какъ и Гольбахъ.

Эклектикъ до мозга костей Мабли составляетъ свои пожеланія людямъ (именуемыя законами природы) изъ кусковъ, такъ же плохо согласованныхъ между собою, какъ и у Гольбаха, но при этомъ онъ заимствуетъ кое что,—скорѣе всего слова, пожалуй и симпатіи, но ни въ какомъ случаѣ не идеи—между прочимъ, и у Руссо. Онъ тоже много толкуетъ о равенствѣ, но это совсѣмъ не то равенство, о которомъ говоритъ знаменитый женевецъ. По Мабли, природа съ самаго начала одарила людей такими же различными вкусами и талантами, какъ и у Гольбаха, но сдѣлала она это лишь съ цѣлью связать ихъ въ коммунистическое общество (заимствованное у Морелли), въ которомъ равные, могущіе обходиться другъ безъ друга люди не такъ легко заняли бы назначенныя имъ мѣста. Въ отличіе отъ Морелли, полагавшаго, что люди могли бы подчиниться законамъ природы, и лишь сомнѣвавшагося въ томъ, чтобы они пожелали это сдѣлать, Мабли былъ убѣжденъ, что уничтоженіе частной собственности уже невозможно. Разъ она существуетъ, ее слѣдуетъ считать основой порядка и строго охранять ея права. Несчастія древнихъ республикъ произошли именно оттого, что права собственности не были тамъ достаточно священны [51]).

---

[50]) Ibid. стр. 63.

[51]) «De la legislation ou principes des lois» стр. 91, «Oeuvres», изданіе 1789 г.

Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ стремиться по возможности къ осуществленію видовъ провидѣнія, обуздывая въ законодательномъ порядкѣ противящіяся имъ страсти. Въ особенности ужасна жадность, «une passion furieuse», причиняющая наибольшее зло. Бороться съ нею въ самомъ ея источникѣ было бы вредно. Нельзя мѣшать пріобрѣтенію богатствъ и ихъ накопленію, но Мабли думаетъ, что было бы очень полезно мѣшать ихъ расходованію. Законъ долженъ строго регламентировать мебель, квартиры, столъ, прислугу, одежду: «пренебрегши чѣмъ нибудь вы оставляете дверь открытой. Чѣмъ строже регламентація, тѣмъ менѣе опасности будетъ представлять неравенство богатствъ»... [52]). Богатые, не надѣясь отличиться роскошью, будутъ искать лучшихъ путей для пріобрѣтенія значенія; бѣдные будутъ менѣе унижены, не видя проявленій недоступной имъ роскоши. «Когда бѣдный будетъ доволенъ своей бѣдностью, и богатый не найдетъ никакой выгоды въ своемъ богатствѣ, а добродѣтель будетъ приносить человѣку больше пользы и доставлять ему больше почета, чѣмъ титулы и богатства».... это будетъ служить лучшимъ признакомъ того, что законы сообразуются съ видами природы [53]).

Но кто же будетъ издавать всѣ эти надоѣдливые для богатыхъ законы? Не народъ во всякомъ случаѣ. Къ демократіи Мабли относится такъ же враждебно, какъ и Гольбахъ, онъ полагаетъ, что «народъ всегда презираетъ тѣ законы, которые самъ постановитъ» [54]). Въ другомъ мѣстѣ онъ утверждаетъ даже, что въ демократіи законы не могутъ быть обязательны для разумныхъ гражданъ.

«Dois-je humilier mon sens commun jusqu'au point de le soumettre aveuglement aux decrets d'une assemblée qui n'est

---

[52]) Ibid. стр. 113.

[53]) Ibid. стр. 84. Эта мысль очень понравилась Робеспьеру, часто повторявшему ее въ своихъ рѣчахъ: «Мы хотѣли лишь сдѣлать бѣдность почетной». «Владѣйте своими презрѣнными богатствами». «Аристидъ не позавидуетъ Крезу». и проч.

[54]) Стр. 244. «De la legislation».

qu'une cohue»? [55]). Но «деспотизма», хотя бы и «легальнаго», Мабли тоже не желаетъ и въ своемъ возраженіи Мерсье-де-ла-Ривьеру противопоставляетъ этому деспотизму «смѣшанное правленіе», которое «предупредитъ злоупотребленія или излишества какъ власти, такъ и свободы» [56]). Въ статьѣ же «О законодательствѣ» онъ предлагаетъ вручить законодательную власть «людямъ, которыхъ каждое изъ сословій выберетъ въ свои представители» [57]). Они будутъ, по его мнѣнію, «естественно стремиться заслужить расположеніе своихъ довѣрителей». Но почему Мабли надѣется, что въ переполненномъ «бѣшенной» жадностью мірѣ въ представители попадутъ люди, расположенные ее обуздывать, или какимъ образомъ, взявшись ее обуздывать, они заслужатъ расположеніе своихъ жадныхъ довѣрителей, издавъ противъ нихъ такіе несносные законы (даже пообѣдать не дадутъ по вкусу! Столъ регламентируютъ!)—это остается не выясненнымъ.

IV.

Какъ Мабли, Морелли, такъ и физіократы нерѣдко употребляютъ, въ совершенно томъ же смыслѣ, вмѣсто слова: «природа»,—слова «Божество», «Провидѣніе». Здѣсь дѣло не въ однихъ выраженіяхъ. Идея природы, предписывающей людямъ правила общественнаго устройства и личной морали (двѣ области, которыя философы старались объединить), была въ теоретическомъ отношеніи дѣйствительно видоизмѣненіемъ прежняго понятія о Волѣ Божества и въ тоже время попыткой распространенія на область положительнаго законодательства и морали того общаго измѣненія критерія истины, которое совершалось въ другихъ областяхъ знанія: въ по-

---

[55]) «Droits et devoirs des citoyens».

[56]) «Doutes proposés aux philosophes» стр. 215.

[57]) стр. 244. Не желаетъ «легальнаго деспотизма» и Гольбахъ. Предоставивъ монархамъ «царствовать подобно богамъ» посредствомъ наградъ и наказаній, онъ въ тоже время желаетъ и представительства, но подъ вліяніемъ физіократовъ предлагаетъ надѣлить правомъ голоса при выборахъ однихъ землевладѣльцевъ.

нятіяхъ о происхожденіи и устройствѣ вселенной, о свойствахъ матеріи и проч.

Въ общемъ можно сказать, что въ теченіе среднихъ вѣковъ все, что нужно было людямъ знать, какъ объ этихъ отвлеченныхъ для нихъ предметахъ, такъ и о велѣніяхъ Божества относительно ихъ собственной жизни, почерпалось ими изъ записаннаго преданія и писаній отцовъ церкви. Если индивидуальная мысль прорывалась за эти предѣлы, то это было исключеніемъ, легко превращавшимся въ преступленіе. Существованіе извѣстнаго текста служило рѣшающимъ моментомъ, несомнѣннымъ ручательствомъ, что такъ именно слѣдуетъ думать о данномъ предметѣ, что такова именно воля Божія.

Также точно и въ области гражданскаго права существованіе такого-то обычая, которому слѣдовали отцы, такого-то акта, которымъ они обязались дѣлать то-то и то-то, служило несомнѣннымъ ручательствомъ справедливости, законности этихъ дѣйствій, преступности и постыдности уклоненія отъ нихъ. И эти акты и обычаи также связывали сильныхъ міра сего, какъ и трудящуюся массу.

Съ теченіемъ вѣковъ смыслъ какъ текстовъ писанія, такъ и обычаевъ постепенно измѣнялся, приноравливаясь къ измѣнившимся условіямъ существованія, но измѣнялся такъ медленно, такъ непроизвольно, что эти измѣненія не проникали въ сознаніе, и для каждаго поколѣнія мысль и воля отцовъ оставались рѣшающимъ авторитетомъ въ области общаго міросозерцанія, нравственности и права. Но уже задолго до занимающей насъ эпохи индивидуальная мысль и воля принялись подтачивать со всѣхъ сторонъ опиравшійся на преданіе и обычаи средневѣковой строй. Формально, оффиціально и тексты, и обычаи продолжали пользоваться общимъ признаніемъ. Но, съ одной стороны, личная, индивидуальная мысль завладѣла толкованіемъ текстовъ, съ другой стороны, они все чаще и чаще молчаливо отбрасывались въ сторону при всякихъ разсужденіяхъ. Въ области же права въ половинѣ XVIII вѣка во Франціи только тотъ не извращалъ, не нарушалъ, не передѣлы-

валъ въ свою пользу старыхъ обычаевъ, у кого не хватало на это матеріальной силы или предпріимчивости. Дѣйствительнаго же уваженія къ нимъ у всего просвѣщеннаго дворянства и буржуазіи оставалось не больше, чѣмъ уваженія къ текстамъ у іезуитовъ.

Философы XVIII вѣка открыто возстали, наконецъ, при помощи голландскихъ книгопечатенъ, противъ всѣхъ текстовъ и всякихъ ссылокъ на мнѣніе отцовъ, во всѣхъ областяхъ знанія. Но если въ области природовѣдѣнія для открытія истинныхъ законовъ природы слѣдовало изучать существующее, если въ этой области для устраненія ложной, невѣжественной мысли отцовъ достаточно было противопоставить ей *то, что есть*, то въ области права, политики и морали этого было недостаточно. Здѣсь мысль отцовъ воплотилась въ самихъ фактахъ, кристализовалась въ законахъ, обычаяхъ и учрежденіяхъ. Презираемая всѣми просвѣщенными людьми, эта застывшая мысль продолжала тѣмъ не менѣе извращать жизнь, стѣснять дѣятельность. Въ этой области *то, что есть*, не можетъ соотвѣтствовать законамъ природы, оно соотвѣтствуетъ лишь невѣжеству и предразсудкамъ. Въ этихъ нелѣпыхъ законахъ и обычаяхъ истинные законы мудрой природы выражаются такъ же мало, какъ выражались они въ средневѣковомъ объясненіи движенія небесныхъ тѣлъ. А между тѣмъ, чтобы быть достойными вѣчной мудрости и не составлять какого-то нелѣпаго исключенія,—какъ законы государствъ, такъ и правила морали должны настолько же удовлетворять просвѣщенный разумъ, какъ удовлетворяетъ его философія Ньютона. Поэтому въ сферѣ «наукъ нравственныхъ и политическихъ» законы природы могутъ быть узнаны не столько изъ изученія того, что есть, сколько изъ размышленія надъ тѣмъ, что должно быть. Надо придумать систему законовъ, соотвѣтствующую вѣчной мудрости, выражающейся какъ въ движеніи небесныхъ тѣлъ, такъ и въ устройствѣ организмовъ, и вычеркнуть изъ существующаго все, противорѣчащее этой мудрости. «Не могло же Провидѣніе связать человѣческаго счастія съ жад-

ностью и честолюбіемъ», говорилъ Мабли. «Не могла же природа предписать людямъ обставлять свое производство такими условіями, при которыхъ получается всего меньше продукта», говорили физіократы. Надо придумать самый полезный сводъ законовъ, и его достоинства будутъ ручаться за то, что его предписала сама природа. Это превращеніе законовъ природы, изъ законовъ, которые она «налагаетъ сама на себя», въ повелѣнія разумнымъ существамъ, придавало природѣ характеръ провидѣнія даже у атеистовъ.

Относительно Руссо, деистическихъ воззрѣній котораго мы въ этомъ очеркѣ касаться не будемъ, замѣтимъ теперь же, что, хотя по его убѣжденію міръ въ своемъ законченномъ совершенствѣ и со своими неизмѣнными законами былъ устроенъ сознательной волей, но эта воля, одаривъ людей способностью измѣняться и измѣнять окружающее, въ самый ходъ этихъ измѣненій не вмѣшивается, предоставивъ его взаимодѣйствію между неизмѣнными законами природы и измѣняющимися усиліями людей вырывать у нея ея дары. Такимъ образомъ, въ историческихъ идеяхъ Руссо совершенно отсутствуетъ понятіе о провидѣніи, о какихъ бы то ни было планахъ и цѣляхъ «Природы» по отношенію къ ходу исторіи. Въ исторіи и для исторіи природа какъ самихъ людей, такъ и окружающей ихъ организованной и неорганизованной матеріи является у него лишь тѣмъ матеріаломъ, надъ которымъ работалъ (портилъ его) «искуственный», передѣлавшій себя, «тиранъ»—человѣкъ. Дуалистъ въ области философіи, Руссо является монистомъ во взглядахъ на исторію и притомъ—какъ увидимъ дальше—несомнѣннымъ матеріалистомъ въ своемъ объясненіи процесса развитія человѣчества.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Взгляды Руссо на развитіе человѣчества.

I.

Тема Дижонской академіи, на которую Руссо писалъ свое «Разсужденіе о неравенствѣ», заключала въ себѣ кромѣ вопроса о происхожденіи неравенства еще другой, о томъ, «одобряется ли оно (est elle autorisée) закономъ природы?» Въ предисловіи къ произведенію, отвѣчавшему на эти вопросы, Руссо пытается выяснить, какъ слѣдуетъ, или вѣрнѣе, какъ не слѣдуетъ понимать выраженіе «законы природы», по отношенію къ человѣческимъ обществамъ, и при этомъ мимоходомъ мѣтко характеризуетъ распространившійся въ то время способъ составленія такихъ законовъ.

«Римскіе юрисконсульты», говоритъ онъ, «подчиняли закону природы безразлично какъ людей, такъ и всѣхъ остальныхъ животныхъ, потому что подъ этимъ закономъ они подразумѣвали не повелѣнія природы кому бы то ни было, а скорѣе тѣ законы, которые она налагаетъ сама на себя». По отношенію къ людямъ и животнымъ «они употребляли, повидимому, слово *законъ* для выраженія общихъ отношеній, установленныхъ природой между всѣми живыми существами для ихъ общаго сохраненія [58]). Новѣйшіе писатели называютъ закономъ лишь

---

[58]) Напр.: половыя отношенія, отношенія матерей къ дѣтямъ и т. п.

правило, предписанное моральному, то есть разумному и свободному существу, разсматриваемому въ его отношеніяхъ съ другими существами; компетенція закона природы распространяется для нихъ поэтому лишь на животное, одаренное разумомъ, то есть на человѣка».... Но на этомъ ограниченіе компетенціи законовъ природы у новѣйшихъ писателей еще не останавливается. «Опредѣляя эти законы каждый по своему, они всѣ устанавливаютъ ихъ на принципахъ, до такой степени метафизическихъ, что даже между нами очень мало людей способныхъ, хотя бы только понять эти принципы, не говоря уже о возможности самимъ открыть ихъ. Такимъ образомъ, всѣ опредѣленія этихъ ученыхъ людей, всегда противорѣчащія одно другому, сходятся лишь въ томъ, что закона природы нѣтъ никакой возможности понять, а слѣдовательно, и повиноваться ему, не будучи очень большимъ резонеромъ и глубокимъ метафизикомъ». Принимаясь за составленіе этихъ законовъ, ученые люди «начинаютъ съ пріискиванія полезныхъ правилъ, относительно которыхъ было бы желательно, чтобы люди пришли между собою къ соглашенію; а затѣмъ коллекціи этихъ правилъ дается названіе закона природы безъ всякихъ иныхъ доказательствъ его естественности, кромѣ предполагаемаго блага, которое произошло бы отъ введенія его во всеобщую практику. Вотъ по истинѣ очень удобный способъ сочинять опредѣленія и объяснять природу вещей посредствомъ почти произвольнаго понятія удобства. Но пока мы не знаемъ естественнаго человѣка, наше желаніе опредѣлить тотъ законъ, который онъ получилъ или который всего лучше соотвѣтствуетъ его организму, совершенно напрасно. Очень ясно для насъ относительно этого закона лишь то, что уже для того одного, чтобы онъ былъ закономъ, необходимо, чтобы люди могли знать его и согласились подчинять ему свою волю, для того-же, чтобы этотъ законъ могъ считаться еще и закономъ природы, необходимо кромѣ того, чтобы онъ и говорилъ людямъ непосредственнымъ голосомъ самой природы».

Такимъ непосредственнымъ голосомъ самой природы является для Руссо инстинктъ. Безпрекословно повинуясь ему, существуютъ всѣ животныя, существовалъ когда-то и человѣкъ.

Многіе философы, говоритъ Руссо во вступленіи къ тому же произведенію, разсуждали объ естественномъ состояніи и, не колеблясь, приписывали людямъ въ этомъ состояніи понятіе о справедливости, собственности, власти. «Безпрестанно говоря о нуждѣ, жадности, угнетеніи, желаніяхъ и гордости, они переносили въ естественное состояніе идеи, взятыя ими изъ общественной жизни: говорили о дикарѣ, а рисовали цивилизованнаго человѣка».

Руссо думалъ, наоборотъ, что нельзя иначе представить себѣ естественнаго, повинующагося лишь голосу природы человѣка, какъ взявъ его до начала его человѣческаго развитія. Было бы важно, по его мнѣнію, прослѣдить также тѣ физическія измѣненія, «которыя должны были происходить какъ во внѣшнемъ, такъ и во внутреннемъ устройствѣ человѣческаго тѣла по мѣрѣ того, какъ человѣкъ дѣлалъ изъ своихъ органовъ новое употребленіе и переходилъ къ новымъ родамъ пищи». Но для этого нѣтъ достаточныхъ данныхъ. «Сравнительная анатомія сдѣлала еще слишкомъ мало успѣховъ, наблюденія натуралистовъ еще слишкомъ неточны, чтобы можно было построить на такомъ основаніи солидныя разсужденія» [59]). Поэтому онъ вынужденъ предположить человѣка организованнымъ съ самаго начала такъ же, какъ и теперь.

«Отдѣливъ отъ этого существа... всѣ тѣ искусственныя свойства, которыя оно могло пріобрѣсти лишь путемъ долгаго прогресса... я вижу животное, менѣе сильное, чѣмъ одни, менѣе проворное, чѣмъ другія животныя, но въ общемъ организованное выгоднѣе всѣхъ» [60]). Оно живетъ въ лѣсу, питается древесными плодами, утоляетъ жажду изъ перваго попавшагося ручья, ночуетъ подъ

---

[59]) Начало I-ой части „Разсужденіе о неравенствѣ“, а въ примѣчаніи (c) Руссо приводитъ аргументы за и противъ предположенія, что человѣкъ былъ когда-то четвероногимъ, и приходитъ къ заключенію, что, по всему вѣроятію, онъ былъ всегда двуногимъ.

[60]) Ibid.

тѣмъ же деревомъ, на которомъ пообѣдало, и вотъ всѣ его потребности удовлетворены. Оно не умѣетъ говорить, не знаетъ употребленія огня, не имѣетъ никакихъ орудій, кромѣ попадающихся подъ руки камней и палокъ. Въ одномъ изъ примѣчаній [61]) онъ разбираетъ свѣдѣнія, сообщаемыя путешественниками объ орангутангахъ, понго и другихъ большихъ человѣкообразныхъ обезьянахъ, и приходитъ къ тому заключенію, что ихъ слишкомъ поспѣшили отнести къ породѣ обезьянъ, что это еще не доказано, и при болѣе точныхъ свѣдѣніяхъ они могутъ оказаться первобытными людьми, не подвергшимися еще никакому прогрессу.

Такіе первобытные люди были, по мнѣнію Руссо, настолько же равны между собою, какъ дикія животныя одной породы, и такъ же здоровы, какъ всѣ неприрученные и не преслѣдуемые человѣкомъ звѣри. Они имѣли острый слухъ, обоняніе и зрѣніе и были очень ловки, потому что, «не зная иныхъ орудій кромѣ собственнаго тѣла, они дѣлали изъ него такое разнообразное употребленіе, къ которому мы, за отсутствіемъ упражненія, потеряли способность» [62]).

Въ нравственномъ отношеніи первобытный человѣкъ одаренъ двумя чувствами, независимыми отъ развитія разума даже и у современныхъ людей, изъ которыхъ одно: чувство себялюбія, служащее для сохраненія индивидуума, заставляетъ его удовлетворять свои потребности и избѣгать страданій, другое-же, необходимое для сохраненія рода, чувство естественной жалости, наблюдаемое даже у животныхъ, вызываетъ тяжелое ощущеніе при видѣ чужихъ страданій и мѣшаетъ сильному дикарю отнять пищу у слабаго, у ребенка, разъ онъ можетъ достать ее въ другомъ мѣстѣ. Изъ этихъ двухъ чувствъ, непосредственно внушаемыхъ самой природой, развились и всѣ добрыя чувства людей и всѣ ихъ злыя свойства. «Хотя быть можетъ Сократу и подобнымъ ему умамъ

---

[61]) Примѣчаніе „I“ къ первой части „Разсужденіе о нерав.“.

[62]) „Разсужд. о нерав.“ часть I.

свойственно черезъ разумъ достигать добродѣтели, но родъ человѣческій давно исчезъ бы, если бы его сохраненіе зависѣло лишь отъ разсужденій тѣхъ, изъ кого онъ состоитъ», замѣчаетъ мимоходомъ Руссо по адресу своихъ современниковъ, склонныхъ приписывать все хорошее, что случалось съ человѣческимъ родомъ, разсужденіямъ его членовъ, а дурное—недостатку таковыхъ.

Изъ естественной жалости развилось, по мнѣнію Руссо, все то, что люди называютъ добродѣтелью. «Что составляетъ», спрашиваетъ онъ, «сущность великодушія, милосердія, человѣколюбія, какъ не состраданіе въ его различныхъ примѣненіяхъ къ слабымъ, къ виновнымъ или ко всему человѣческому роду?» [63]).

Въ первобытномъ состояніи жалость является не добродѣтелью, а простымъ инстинктомъ, но въ такомъ же неразвитомъ состояніи находится и себялюбіе. Въ свирѣпую, всепоглащающую страсть оно развилось лишь вмѣстѣ съ ростомъ цивилизаціи.

Первобытные люди, по предположенію Руссо, питались по преимуществу древесными плодами, орѣхами, желудями и жили въ лѣсахъ, изобилующихъ этого рода пищей. При такихъ условіяхъ драки за нее не могли быть часты, а если и случались, то дѣло кончалось легко и быстро, такъ какъ въ него не замѣшивались чувства гордости и униженія, представленія о собственности и справедливости. «Они смотрѣли на насиліе, которое имъ случалось испытать, какъ на легко поправимое зло, а не какъ на оскорбленіе, требующее наказанія, и не знали иной мести, кромѣ мгновенной, машинальной, какъ у собаки, кусающей брошенный въ нее камень».

Кровожадная мстительность, замѣченная у современныхъ дикарей и внушившая нѣкоторымъ писателямъ поспѣшный выводъ относительно природной жестокости человѣка, могла, по мнѣнію Руссо, явиться лишь въ результатѣ цѣлаго ряда успѣховъ и уже значительнаго развитія.

---

[63]) „Разсужд. о неравенствѣ“ часть I.

Джонъ Морлей неправъ, утверждая въ своей книгѣ о Руссо, будто большая половина «Разсужденія о неравенствѣ» посвящена фантастическому изображенію жизни людей въ естественномъ состояніи. Положительныя утвержденія, что люди въ этомъ состояніи жили такъ-то и такъ-то занимаютъ, наоборотъ, незначительную часть книги, большая-же часть ее посвящена не столько прямому изображенію, сколько опроверженію чужихъ изображеній и доказательствамъ полнѣйшей невозможности для первобытныхъ людей тѣхъ бѣдствій, которыя, по основанному на аналогіи предположенію, должны были испытывать бѣдняки, лишенные знаній, промышленности, законовъ, опредѣляющихъ ихъ права, и попечительнаго начальства, ихъ охраняющаго.

Руссо старательно доказываетъ, что отсутствіе всѣхъ этихъ благъ не причиняло страданій первобытнымъ людямъ. Дикая лошадь сильнѣе и здоровѣе прирученной, не смотря на отсутствіе удобствъ конюшни. Пока люди размножались въ жаркомъ климатѣ, даже отсутствіе одежды и жилища, не говоря уже о всемъ прочемъ, не было для нихъ лишеніемъ. Нельзя желать того, о чемъ не имѣешь никакого понятія. «Если я вѣрно понимаю слово несчастный (misérable)», говоритъ Руссо, «оно не можетъ означать ничего иного, кромѣ мучительныхъ лишеній, страданій тѣлесныхъ или душевныхъ: если такъ, то пусть же мнѣ объяснятъ, какого рода несчастія могли терзать свободное существо съ спокойнымъ сердцемъ и здоровымъ тѣломъ... Ничто, наоборотъ, не могло бы быть несчастнѣе дикаря, плѣненнаго блескомъ просвѣщенія, терзаемаго страстями, разсуждающаго о положеніи, отличающемся отъ своего» [64]). Современный человѣкъ въ положеніи дикаря былъ бы несчастнѣйшимъ изъ смертныхъ, но въ томъ-то и дѣло, что дикарь не имѣлъ понятія о положеніи, отличномъ отъ своего, не зналъ ни просвѣщенія, ни страстей,—а одни инстинкты.

«Я слышу постоянныя утвержденія, что сильные (при отсутствіи законовъ и властей) угнетали слабыхъ. Но

---

[64]) „Разсужд. о неравенствѣ“ часть I.

растолкуйте же мнѣ, проситъ Руссо, что слѣдуетъ понимать подъ словомъ угнетеніе. Положеніе, при которомъ одни насильственно господствуютъ, а другіе стонутъ, подчиняясь ихъ произволу? Это именно то, что я вижу у насъ, но не могу понять, въ какомъ смыслѣ можно говорить объ угнетеніи у дикарей, которымъ даже растолковать было бы очень трудно, что значитъ подчиненіе и господство. Одинъ можетъ отнять у другого сорванные имъ плоды, пойманную добычу, можетъ прогнать его изъ его убѣжища, но какими способами заставитъ онъ его повиноваться себѣ? Какія цѣпи зависимости могутъ существовать между людьми, ничѣмъ не владѣющими? Сгонятъ меня съ одного дерева, вся бѣда ограничится тѣмъ, что придется перелѣзть на другое; мучатъ меня въ одномъ мѣстѣ, кто помѣшаетъ мнѣ уйти подальше?» Если бы даже нашелся силачъ, которому вздумалось бы насильно заставить другого дикаря доставлять себѣ пищу, ему пришлось бы для этого ни на минуту не разставаться со своимъ плѣнникомъ и сторожить его, не спуская глазъ, т. е. взять на себя большій трудъ, чѣмъ тотъ, отъ котораго хотѣлъ избавиться. «Безполезно было бы», продолжаетъ Руссо, «растягивать эти подробности; каждому должно быть ясно, что такъ какъ узы порабощенія образуются лишь изъ взаимной зависимости людей, изъ связывающей ихъ нужды другъ въ другѣ, то нельзя поработить человѣка, не поставивъ его предварительно въ такое положеніе, при которомъ онъ лишенъ возможности обходиться безъ другого. Отсутствіе такого положенія въ естественномъ состояніи оставляетъ всѣхъ свободными и не допускаетъ господства наиболѣе сильныхъ» [65]).

II.

Какъ ни широко распространено то мнѣніе, что Руссо «идеализировалъ» первобытнаго человѣка и рисо-

---

[65]) Ibid.

валъ «фантастическія картины» его блаженства [66]), онъ тѣмъ не менѣе самымъ добросовѣстнымъ образомъ рисовалъ звѣря, правда, звѣря избавленнаго отъ всѣхъ бѣдствій, терзавшихъ современныхъ французовъ, но все же звѣря, которому не приписывалъ ровно ничего такого, что звѣрю было бы несвойственно, что можно было бы отнять у орангутанга.

Но у счастливаго звѣря было одно специфическое свойство, которое постепенно выдѣлило его изъ ряда другихъ животныхъ. Это свойство заключается не въ умѣ собственно, а въ способности не повиноваться инстинкту, въ способности «хотѣть или вѣрнѣе выбирать» независимо отъ внушеній природы. «Всякое животное имѣетъ представленіе, такъ какъ имѣетъ органы чувствъ; до извѣстной степени оно даже комбинируетъ свои представленія: въ этой области человѣкъ отличается отъ животнаго лишь въ количественномъ отношеніи. Нѣкоторые философы утверждаютъ даже, что между отдѣльными

---

[66]) Это мнѣніе досталось намъ, повидимому, въ наслѣдство отъ современныхъ Руссо парижанъ, привыкшихъ къ той мысли, что разъ дѣло идетъ о чьемъ нибудь счастьи, то это уже само по себѣ является приглашеніемъ для французовъ завести его у себя. Въ качествѣ же практическаго проекта для парижанъ, изображенія Руссо были дѣйствительно „фантастичны". Съ другой стороны, мысль Руссо искать въ жизни животныхъ данныхъ для представленія о человѣкѣ раньше первыхъ открытій и изобрѣтеній была слишкомъ нова и осталась непонятой его современниками. Вѣдь первобытный человѣкъ сведенъ на положеніе звѣря лишь въ наше время, лишь во второй половинѣ XIX-го вѣка. Если Вольтеръ объявлялъ бразильцевъ существами не доразвившимися еще до человѣка, то представлялъ онъ ихъ себѣ все же въ родѣ современныхъ ему французовъ изъ низшихъ классовъ, только еще бѣднѣе и невѣжественнѣе. А для бѣдняка, лишеннаго даже той хижины, тѣхъ лохмотьевъ, какими пользовался французскій крестьянинъ, для невѣжды, знающаго меньше любаго поденщика, первобытный человѣкъ, изображенный Руссо, былъ дѣйствительно и слишкомъ счастливъ и недостаточно золъ—словомъ „идеализированъ".

Читателю припомнятся, быть можетъ, дикари, произносящіе въ діалогахъ и иныхъ полубеллетристическихъ произведеніяхъ XVIII-го вѣка очень мудрыя рѣчи и отличающіеся отъ философовъ только отсутствіемъ одежды. Но такіе дикари на ряду съ китайцами, персіанами и проч. выводились въ большинствѣ случаевъ вовсе не въ серьезъ, не ради ихъ самихъ, а лишь для посрамленія ихъ невинными устами суевѣрій и предразсудковъ. Пріемъ былъ такъ удобенъ въ виду условій печати (я, молъ, не отвѣчаю за дикаря, не озареннаго свѣтомъ истиннаго ученія), что къ нему прибѣгалъ и самъ Вольтеръ.

людьми различія этого рода значительнѣе, чѣмъ между иными людьми и нѣкоторыми животными. Не въ умѣ, слѣдовательно, заключается специфическая особенность человѣка отъ животнаго, а въ свободѣ воли. Природа повелѣваетъ всѣмъ животнымъ, и звѣрь повинуется. Человѣкъ тоже чувствуетъ ея внушенія, но онъ сознаетъ свою свободу подчиняться этимъ внушеніямъ или сопротивляться имъ... Но если трудности, окружающіе эти вопросы, оставляютъ нѣкоторое мѣсто для спора, то есть другое специфическое отличіе человѣка отъ животнаго, относительно котораго не можетъ быть сомнѣнія; это способность совершенствоваться, которая при помощи обстоятельствъ постепенно развиваетъ всѣ другія его способности и свойственна какъ индивидууму, такъ и всему человѣческому роду; тогда какъ животное черезъ нѣсколько мѣсяцевъ становится тѣмъ, чѣмъ будетъ въ теченіе всей жизни, а его порода въ концѣ тысячелѣтія остается такою, какою была въ первый годъ этого тысячелѣтія... Печально быть вынужденнымъ признать эту отличительную и почти безграничную способность человѣка источникомъ всѣхъ его несчастій, признать, что именно она силою времени постепенно вывела его изъ первобытнаго спокойнаго и невиннаго состоянія и, взростивши въ теченіе вѣковъ его познанія и заблужденія, его пороки и добродѣтели, сдѣлала его въ концѣ долгаго развитія тираномъ и себя самого и всей природы[67]).

Руссо, видимо, склоненъ думать, что способность совершенствоваться заключается именно въ способности сопротивляться голосу инстинкта; не желая однако останавливаться на спорномъ метафизическомъ вопросѣ о свободѣ воли, онъ прямо указываетъ на результатъ, на совершившееся усовершенствованіе.

Но способность совершенствоваться не могла, по мнѣнію Руссо, начать дѣйствовать въ человѣкѣ сама собою. Ее могли разбудить лишь внѣшніе импульсы, лишь препятствія, встрѣченныя людьми въ удовлетвореніи своихъ

---

[67]) «Разсужд. о Нер.» часть I.

естественныхъ, общихъ съ другими животными, потребностей. Даже значительно усовершенствовавшійся человѣческій родъ продолжаетъ развиваться лишь подъ дѣйствіемъ своихъ тоже развивавшихся потребностей. Тѣмъ необходимѣе былъ этотъ импульсъ для начала развитія.

«Что бы ни говорили моралисты, человѣческій умъ многимъ обязанъ страстямъ, которыя, по общему признанію, тоже многимъ ему обязаны: подъ ихъ-то дѣйствіемъ и совершенствуется нашъ разумъ; мы стараемся знать лишь потому, что желаемъ пользоваться... Страсти же возникаютъ изъ нашихъ потребностей, а развиваются вслѣдствіе знаній, такъ какъ желать или бояться какого нибудь предмета можно лишь или на основаніи составленнаго о немъ понятія, или подъ дѣйствіемъ простого физическаго импульса. Лишенный всякихъ познаній дикарь испытываетъ лишь страсти послѣдняго рода; его желанія равняются его физическимъ потребностямъ: единственныя извѣстныя ему въ мірѣ блага заключаются въ пищѣ, самкѣ и отдыхѣ, а единственныя извѣстныя бѣдствія въ боли и голодѣ... Мнѣ было бы не трудно, если бы понадобилось, подтвердить эти мысли фактами и показать, что у всѣхъ націй міра умственный прогрессъ былъ строго пропорціоналенъ ихъ нуждамъ, даннымъ самой природой или навязаннымъ обстоятельствами, а слѣдовательно страстямъ, толкавшимъ ихъ къ удовлетворенію этихъ нуждъ. Я показалъ бы, что искусства зародились и распространились въ Египтѣ, вмѣстѣ съ разлитіемъ Нила, я прослѣдилъ бы ихъ прогрессъ въ Греціи, гдѣ они привились, разрослись и поднялись до небесъ среди скалъ и песковъ Аттики, не смогши укрѣпиться на плодородныхъ берегахъ Европы; я замѣтилъ бы, что народы сѣвера вообще промышленнѣе южанъ, потому что имѣютъ меньше возможности обходиться безъ промышленности...» Но Руссо убѣжденъ, что, и «не прибѣгая къ сомнительнымъ свидѣтельствамъ исторіи» (а тогда они были дѣйствительно очень сомнительны), нельзя не видѣть, что, пока легко удовлетворялись ничтожныя потребности дикаря, все удаляло отъ него возможность развитія. «Онъ былъ слишкомъ далекъ отъ степени знанія, необходимой

для того, чтобы пожелать знать больше... Не у него слѣдуетъ искать философіи, необходимой человѣку, чтобы умѣть наблюдать то, что видишь каждый день. Его душа, которую ничто не волновало, отдавалась лишь ощущеніямъ текущаго существованія безъ всякой мысли о будущемъ...» [68]). Но люди размножались. Пока природа давала, въ готовомъ видѣ, человѣку съ голыми руками все, что было ему нужно, этому человѣку не могло прійти въ голову «вооружаться, чтобы вырывать у нея дары». Но по мѣрѣ размноженія, по мнѣнію Руссо, очень сильнаго въ естественномъ состояніи, люди съ голыми руками начали встрѣчать различныя затрудненія.

Выйдя за предѣлы тѣхъ лѣсовъ, которые служили имъ первоначальнымъ жилищемъ, они могли быть вынуждены измѣнить свой образъ жизни. Продолжительныя зимы, лѣтнія засухи должны были заставить ихъ прибѣгнуть къ непривычнымъ родамъ пищи и привели къ первымъ изобрѣтеніямъ.

Удочки по берегамъ рѣкъ, лукъ и стрѣлы въ лѣсахъ, умѣнье поддерживать, а затѣмъ и воспроизводить огонь, внесли уже множество недоступныхъ раньше понятій въ головы людей и закрѣпили ихъ превосходство надъ животными. Крики, жесты, звукоподражанія образовали зачатки языка. Множество вѣковъ понадобилось на первые, медленно слѣдовавшіе одни за другими успѣхи, которые, накопляясь, вели къ дальнѣйшему прогрессу. При помощи каменныхъ топоровъ люди выучились строить первыя жилища, приведшія къ образованію семьи, которую Руссо сразу же воображаетъ соотвѣтствующей по размѣрамъ современной моногамической семьѣ. Досугъ, который должны были доставить людямъ съ такими ограниченными потребностями изобрѣтенныя ими орудія, повелъ къ изобрѣтенію новыхъ приспособленій, новыхъ удобствъ, безъ которыхъ обходились прежнія поколѣнія. «Это было первое ярмо, которое, не сознавая того, наложили на себя люди и первый источникъ бѣдствій, ко-

---

[68]) Ibid.

торый они приготовили своимъ потомкамъ», такъ какъ эти новые удобства, ослабивъ съ теченіемъ времени организмъ, «выродились въ насущныя потребности, неудовлетвореніе которыхъ вызывало страданія гораздо сильнѣйшія, чѣмъ доставляемое ими удовольствіе» [69]).

Жилище, семья, сношенія съ сосѣдями, которыя у людей, имѣвшихъ много досуга, должны были привести къ частымъ сборищамъ и играмъ, измѣнили первоначальный характеръ человѣка—животнаго. Онъ пріобрѣлъ уже нѣкоторыя нравственныя понятія, узналъ любовь и вражду, желаніе отличиться, самолюбіе и униженіе. Всякій, добровольно нанесенный однимъ человѣкомъ другому ущербъ пересталъ быть только ущербомъ, а превратился въ оскорбленіе, требующее мести—отсюда жестокость.

Тѣмъ не менѣе, пока люди могли еще, каждый независимо отъ другихъ, удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ; пока не изобрѣли еще производствъ, требующихъ содѣйствія многихъ; пока не дошли до открытія, что одному очень выгодно имѣть запасъ пищи на нѣсколькихъ, они оставались, по мнѣнію Руссо, свободными, счастливыми людьми, среди которыхъ равенство не потерпѣло еще никакихъ серьезныхъ ущербовъ. Это «молодость» человѣчества и въ то же время самая устойчивая ступень въ его развитіи.

Металлургія и земледѣліе были роковыми пріобрѣтеніями, сдвинувшими человѣчество съ этой ступени развитія, вынудившими его на непрестанный трудъ, «превратившими обширные лѣса въ смѣющіяся поля, поливаемыя человѣческимъ потомъ, на которыхъ скоро вмѣстѣ съ жатвами начали произрастать рабство и нищета... Желѣзо и хлѣбъ цивилизовали людей и погубили человѣческій родъ. Оба предмета были неизвѣстны дикарямъ Америки, поэтому они и оставались всегда дикарями; кажется даже, что другіе народы оставались на степени варварства, пока производили лишь одинъ изъ этихъ

---

[69]) „Разсужд. о нер.“ часть II.

продуктовъ. И, быть можетъ, главнѣйшая причина, почему Европа была, если не раньше, то постояннѣе и полнѣе цивилизована, чѣмъ другія части свѣта, заключается именно въ томъ, что въ ней одновременно всего изобильнѣе встрѣчается желѣзо и всего лучше произростаютъ зерновые хлѣба» [70]).

Руссо думалъ, что въ принципѣ земледѣліе было извѣстно людямъ гораздо раньше, чѣмъ они начали практиковать его въ большихъ размѣрахъ. Трудно, постоянно имѣя дѣло съ растеніями, не замѣтить, наконецъ, какъ они произрастаютъ. Дикари могли даже, достигнувъ извѣстной степени искусства, сажать кое-какія сѣмена и корни около хижинъ. Но одного знанія не могло быть достаточно, чтобы побѣдить свойственное дикарямъ «смертельное отвращеніе къ продолжительному труду», требуемому земледѣліемъ въ большихъ размѣрахъ, и ихъ безпечность относительно будущаго.

«Изобрѣтеніе другихъ искусствъ было, слѣдовательно, необходимо, чтобы вынудить человѣческій родъ къ земледѣлію. Когда понадобились люди для обработки желѣза, другіе люди должны были кормить ихъ. Чѣмъ многочисленнѣе становились первые, тѣмъ меньше оставалось рукъ, занятыхъ добываніемъ общей пищи, при прежнемъ количествѣ ртовъ для ея потребленія; и такъ какъ однимъ нужна была пища въ обмѣнъ за ихъ желѣзо, другіе нашли наконецъ способъ употреблять желѣзо для увеличенія количества хлѣба» [71]).

Обработка земли необходимо вела за собою ея присвоеніе, хотя бы только до жатвы, но, повторяясь изъ года въ годъ, такое владѣніе легко превращается въ собственность.

Лишь при такомъ усложненіи человѣческихъ отношеній, лишь съ началомъ раздѣленія труда, съ началомъ обмѣна и собственности, болѣе сильные, ловкіе, хитрые получили возможность, трудясь не больше другихъ, извлекать изъ

---

[70]) Ibid.

[71]) Ibid.

своихъ естественныхъ преимуществъ значительныя выгоды по сравненію съ остальными. «Такимъ образомъ, естественное неравенство постепенно развертывается вмѣстѣ съ неравенствомъ комбинацій, и различія между людьми, развиваясь подъ вліяніемъ различія въ обстоятельствахъ, становятся все болѣе чувствительными, ведутъ за собою болѣе постоянныя слѣдствія и начинаютъ все сильнѣе и сильнѣе вліять на судьбу отдѣльныхъ людей». [72]).

Когда населеніе страны, ставшей земледѣльческой, настолько размножилось, что не оставалось уже свободныхъ земель для захвата, среди имущаго населенія должно было образоваться неимущее, которое могло теперь получать средства существованія только отъ имущихъ: грабить ихъ или служить имъ. Къ грабежу шаекъ бѣдняковъ присоединились насилія богатыхъ, которые употребляли силы своихъ рабовъ на грабежъ и подчиненіе себѣ сосѣдей. Между правомъ силы и правомъ перваго захвата происходили непрерывныя столкновенія, разрѣшавшіяся лишь драками и убійствами.

Такая непрерывная борьба, отъ которой богатые терпѣли несравненно больше бѣдныхъ, рисковавшихъ только жизнью, тогда какъ первые рисковали и жизнью, и имуществомъ, должна была привести къ учрежденію государства, по иниціативѣ богатыхъ. Тѣснимые необходимостью обезпечить свое вѣчно нарушаемое владѣніе, они должны были наконецъ прійти къ «мудрѣйшему проэкту, когда либо представлявшемуся человѣческому уму», проэкту заключавшемуся въ томъ, чтобы превратить своихъ противниковъ въ защитниковъ и охранителей, убѣдивъ ихъ заключить общій договоръ, гарантирующій каждому его имущество и личную безопасность отъ нападеній. «Таково было или должно было быть происхожденіе общества и законовъ, которые создали новые путы для слабыхъ, придали новыя силы богатымъ, безвозвратно уничтожили естественную свободу, навсегда закрѣпили законъ собственности и неравенства, превра-

---

[72]) Ibid.

тили ловкую узурпацію въ неотъемлемое право и въ пользу нѣсколькихъ честолюбцевъ подчинили труду, рабству и нищетѣ весь родъ человѣческій. Легко понять, какимъ образомъ установленіе одного общества сдѣлало необходимымъ установленіе и всѣхъ другихъ, вынужденныхъ объединяться, чтобы противиться объединенной силѣ [73]).

Когда мы будемъ говорить о политическихъ взглядахъ Руссо, намъ придется еще возвратиться къ этой части «Разсужденія», которое, по собственнымъ словамъ его автора, заключаетъ уже все, что есть смѣлаго въ «Contrat social». Теперь замѣтимъ только, что, прервавъ безсознательный и неизбѣжный, хотя и обязанный своимъ происхожденіемъ свободѣ воли индивидуумовъ, процессъ развитія человѣчества и замѣнивъ его въ моментъ образованія государства единовременнымъ осуществленіемъ «обдуманнаго проэкта», Руссо тотчасъ же отдаетъ само образовавшееся государство во власть неизбѣжнаго развитія. Отъ добровольнаго соглашенія, заключавшагося лишь въ отказѣ отъ насилій и гарантіи каждому того, чѣмъ онъ владѣетъ въ данный моментъ, прогрессирующее государство неизбѣжно переходитъ къ устраненію народныхъ массъ, сперва—отъ участія въ управленіи, затѣмъ

---

[73]) Ibid. Замѣтимъ мимоходомъ, что мнѣніе будто Руссо заставилъ дикарей изобрѣсти «Общественный договоръ» такъ же невѣрно, какъ и большая часть повторяемыхъ о немъ мнѣній. Представленіе Руссо о происхожденіи государства было, конечно, ошибочно, но не эту сдѣлалъ онъ ошибку.

Періодъ дикости кончается, по Руссо, съ распространеніемъ обработки металловъ, которая вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими искусствами необходимо предшествовала, по его мнѣнію, распространенію земледѣлія, какъ главнаго источника пропитанія. Страна же, гдѣ впервые образуется государство, такъ давно и всецѣло перешла къ земледѣлію, что въ ней нѣтъ уже свободныхъ земель. Неравенство, несовмѣстимое съ дикостью, проявляющееся лишь по мѣрѣ усложненія человѣческихъ отношеній вслѣдствіе развитія собственности, раздѣленія труда, обмѣна, въ данной странѣ уже такъ велико, что вынуждаетъ неимущихъ отдаваться въ рабство. Слѣдовательно, идею «общественнаго договора» Руссо вложилъ не въ «плоскую голову дикаря» (flat headed savage), какъ утверждаетъ Джонъ Морлей, а въ головы богачей уже очень развитой страны. Лишь по ея примѣру и изъ страха завоеванія перешли къ государственному строю также и такія племена, которыя были еще близки къ дикости, не утратили первобытнаго равенства и образовали изъ себя демократіи.

отъ законодательства. Правительство, почерпающее все большую и большую силу въ дальнѣйшемъ ростѣ неравенства и цивилизаціи, которому въ свою очередь содѣйствуетъ, становится, наконецъ, выше законовъ, вытекавшихъ изъ первоначальнаго соглашенія, и замѣняетъ ихъ произволомъ, возвращаясь тѣмъ самымъ къ простому праву силы, для обузданія котораго былъ заключенъ общественный договоръ.

«Чтобы понять необходимость этого прогресса», говоритъ Руссо, «нужно разсматривать не столько мотивы, приведшіе къ установленію политическаго общества, сколько тѣ формы, въ какихъ оно осуществляется и тѣ послѣдствія, какія ведетъ за собою, такъ какъ тѣ самые пороки, которые создаютъ необходимость общественныхъ учрежденій, создаютъ также и неизбѣжность злоупотребленія ими» [74]).

Сдѣлавшись необходимымъ, вслѣдствіе развитія неравенства, государство само развивается и въ свою очередь поддерживаетъ и усиливаетъ неравенство всей своей сконцентрированною силою. «Отъ общественнаго строя и роскоши, которую этотъ строй развиваетъ, плодятся искусства свободныя и механическія, торговля, литература и всѣ эти ненужности (inutilités), отъ которыхъ процвѣтаетъ промышленность, богатѣютъ и гибнутъ государства». Причина этой гибели очевидна: «по мѣрѣ распространенія и процвѣтанія промышленности и искусствъ презираемый земледѣлецъ, отягощенный налогами, необходимыми для поддержанія роскоши, осужденный проводить всю жизнь между трудомъ и голодомъ, покидаетъ поля, чтобы искать въ городахъ того хлѣба, который долженъ бы туда нести. Чѣмъ больше восхищенія

---

[74]) Ibid. Руссо неоднократно замѣчаетъ по различнымъ поводамъ, что писатели, разъ опредѣливши, чѣмъ должно быть то или другое: наука, правительство, цивилизація, дальше разсуждаютъ такъ, какъ будто данное явленіе въ дѣйствительности соотвѣтствуетъ тому, чѣмъ оно должно быть по ихъ мнѣнію. Замѣчаніе какъ нельзя лучше, подходящее къ разсужденіямъ русской литературы о благодѣтельности принципа, противоположнаго правилу: «laissez faire, laissez passer», о пользѣ прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ и проч. и проч.

тупой публики вызываютъ столицы, тѣмъ сильнѣе должно бы сжиматься сердце при видѣ покинутыхъ деревень, запущенныхъ полей и большихъ дорогъ, наполненныхъ несчастными гражданами, ставшими нищими или ворами»[75]).

«Внимательный читатель», говоритъ Руссо въ концѣ «Разсужденія о неравенствѣ», пойметъ, что «человѣческій родъ одной эпохи не таковъ, какимъ онъ былъ въ другую, и что Діогенъ не находилъ человѣка потому, что искалъ между своими современниками человѣка прошедшей эпохи... Читатель объяснилъ себѣ, какъ, путемъ незамѣтныхъ измѣненій, стала иною самая, такъ сказать, природа человѣческой души и страстей; почему съ теченіемъ времени измѣнились объекты нашихъ потребностей и удовольствій; почему первобытный человѣкъ, исчезнувъ постепенно, уступилъ мѣсто обществу искусственныхъ людей съ искусственными страстями, не имѣющими дѣйствительныхъ основаній въ природѣ, но выработанными въ людяхъ всѣми этими новыми отношеніями».

Изъ существа, которое «пообѣдавши находилось въ мирѣ со всей природой» и ничего больше не искало, человѣкъ въ своей наиболѣе усовершенствованной части превратился въ существо, потребности котораго безграничны и никогда не могутъ быть удовлетворены вполнѣ. «Когда онъ имѣетъ необходимое, онъ стремится къ излишку; затѣмъ слѣдуютъ наслажденія, громадныя богатства, подчиненные, рабы; онъ не знаетъ ни минуты успокоенія. Въ особенности замѣчательно то обстоятельство, что, чѣмъ менѣе настоятельны и естественны потребности, тѣмъ больше страсти въ погонѣ за ихъ удовлетвореніемъ и, что всего хуже, тѣмъ больше могущества удовлетворять ихъ...» «Что же могло до такой степени извратить человѣка, какъ не измѣненія въ его положеніи, совершенный имъ прогрессъ, пріобрѣтенныя имъ знанія? Сколько бы ни восхищались человѣческимъ обществомъ, отъ этого не измѣнится та истина, что оно вынуждаетъ людей ненавидѣть другъ друга въ той мѣрѣ, въ какой

---

[75]) «Разсужд. о Нер.» примѣч. «i».

сталкиваются ихъ интересы, оказывать другъ другу кажущіяся услуги и дѣлать въ сущности всевозможное зло. Что можно думать о такихъ отношеніяхъ, гдѣ разумъ всякаго отдѣльнаго человѣка диктуетъ ему правила, прямо противуположныя той морали, которая публично проповѣдуется всему обществу (т. е. христіанской) и гдѣ каждый видитъ свою выгоду въ убыткахъ другого... гдѣ люди родятся врагами по обязанности и лицемѣрами изъ выгоды».

«Я замѣчаю» говоритъ Руссо въ другомъ мѣстѣ [76]), «что теперь мода на коротенькія положенія (petites maximes), прельщающія простаковъ своимъ лже-философскимъ видомъ и очень удобныя въ спорахъ, которые при помощи такихъ положеній можно заканчивать значительнымъ и важнымъ тономъ, не вдаваясь въ разсмотрѣніе самаго содержанія вопросовъ. Таково положеніе: «люди всюду одарены одинаковыми страстями, всюду руководствуются самолюбіемъ и выгодой, слѣдовательно, люди всюду одинаковы». Полу-философъ дѣлаетъ изъ этого тотъ выводъ, что дикарь и цивилизованный европеецъ одинаковы въ нравственномъ отношеніи; человѣкъ же, внимательно всмотрѣвшійся въ сущность вопроса, увидитъ, что цивилизованный европеецъ не можетъ достигать своей выгоды безъ вреда другихъ, что всѣ условія его существованія повелѣваютъ ему безпрерывно дѣлать зло». «Голосъ личной выгоды», продолжаетъ Руссо, «также силенъ у дикарей, какъ и у европейцевъ, да говоритъ-то онъ имъ совсѣмъ другое... Слово *собственность*, стоющее столькихъ преступленій нашимъ честнымъ людямъ, не имѣетъ среди нихъ почти никакого смысла, между ними нѣтъ спорныхъ интересовъ... Дикарь легко можетъ совершить дурной поступокъ, но не можетъ привыкнуть дѣлать зло, потому что зло совершенно безполезно для него...»

---

[76]) Въ предисловіи къ комедіи „Нарцисъ“

III.

«Внимательнаго читателя», о которомъ мечталъ Руссо, когда писалъ свое «Разсужденіе о неравенствѣ», у него не оказалось. Нѣсколько появившихся возраженій оспаривали это произведеніе лишь съ теологической точки зрѣнія, непримѣнимой къ нему по существу. «Во всей Европѣ», говоритъ Руссо въ «Исповѣди», «нашлось очень мало читателей, которые поняли «Разсужденіе о неравенствѣ», и изъ этихъ немногихъ никто не заговорилъ о немъ».

Охваченное желѣзнымъ кольцомъ совершенно иного строя мыслей, увѣренное, что для благоденствія человѣческихъ обществъ всего важнѣе выбрать самый разумный изъ предлагаемыхъ рецептовъ ихъ переустройства, французское общество пробѣжало «Разсужденіе о неравенствѣ» именно съ этой точки зрѣнія и, найдя рецептъ несерьезнымъ (не ходить же въ самомъ дѣлѣ парижанамъ на четверенкахъ!), отложило его въ сторону. Къ этому самому продуманному, но въ тоже время и самому непригодному для извлеченія практическихъ совѣтовъ, произведенію Руссо продолжали относиться свысока даже и тогда, когда достигшая апогея слава его автора заставила говорить обо всемъ, имъ написанномъ.

Сужденія объ этомъ произведеніи всегда заключаютъ признаніе въ немъ «красотъ», «краснорѣчивыхъ страницъ», но его содержаніе упорно разсматривается съ точки зрѣнія выполнимости или даже желательности выполненія той мнимой программы, которую хотѣли въ немъ видѣть, не смотря на протесты самого Руссо и на очевидность безсмыслицы, приписываемой человѣку, котораго въ то же время расхваливали за умъ.

Вотъ, напримѣръ, какую нотацію читаетъ только что умершему Руссо Лагарпъ въ «Mercure de France» отъ 5-го октября 1778 года: «Вмѣсто того, чтобы совѣтовать, ради уничтоженія злоупотребленій (рѣчь идетъ о собственности, государствѣ и проч.), уничтожить самое употребленіе, слѣдуетъ наоборотъ стараться реформировать злоупотребленія посредствомъ лучше понятаго употребленія.

Такова задача истинной философіи, не той, которая ввела въ заблужденіе Руссо, когда онъ тратилъ столько искусства и ума на обоснованіе своихъ блестящихъ, но ложныхъ предположеній (въ «Разсужденіи о неравенствѣ»), а той, которая одушевляла его, когда онъ писалъ Эмиля». Въ заключеніе, Лагарпъ совѣтуетъ читателямъ «Разсужденія о неравенствѣ» «не утруждать себя сущностью вопросовъ, а схватывать лишь тѣ красоты (les beautés), которыя встрѣчаются по пути».

Съ той же точки зрѣнія аргументируетъ и Мирабо, будущій ораторъ національнаго собранія, который еще при жизни Руссо, въ «Essai sur le Despotisme», говоритъ въ видѣ возраженія противъ «Разсужденія о неравенствѣ», что такъ какъ уничтожить общество невозможно, то слѣдуетъ просвѣщать его, вмѣсто того, чтобы доказывать, какъ это дѣлаетъ Руссо, что оно должно перестать существовать.

Совѣту Лагарпа не затрудняться, при чтеніи «Разсужденія о неравенствѣ», сущностью вопросовъ, а лишь пользоваться встрѣчающимися въ немъ красотами, видимо, послѣдовала и M-me de Staël, написавшая восторженную брошюру о Руссо. Выразивъ сперва удивленіе, какъ могъ писатель, отличавшійся такими знаніями и такимъ геніемъ, стремиться довести умъ и сердце человѣка до состоянія, близкаго къ животному, перейдя затѣмъ къ восторгу предъ его краснорѣчіемъ, посредствомъ котораго онъ умѣлъ внушать «справедливыя чувства ненависти къ пороку и любви къ добродѣтели», она замѣчаетъ, что онъ въ своемъ «Разсужденіи» краснорѣчивъ лишь мѣстами, что онъ то поднимается въ немъ, то опускается; но умѣетъ наполнять «par des pensées ingénieuses les intervalles de son éloquence» [77]).

Такимъ образомъ, страницы, на которыхъ Руссо излагаетъ свои идеи, казались Мадамъ-де-Сталь лишь умѣлымъ «наполненіемъ промежутковъ» между краснорѣчи-

---

[77]) „Lettres sur les écrits et le caract. de Rousseau" изданіе 1814 г. стр. 6, 7 и 8. Первое изданіе этой брошюры появилось въ 1788 году.

выми тирадами, возбуждавшими въ ней «чувства ненависти къ пороку и любви къ добродѣтели».

Но вернемся къ «промежуткамъ».

IV.

Отнесшись, какъ мы видѣли, въ предисловіи къ «Разсужденію о неравенствѣ», совершенно отрицательно къ новѣйшему способу составленія «законовъ природы», долженствующихъ служить руководствомъ для человѣческихъ обществъ, Руссо уже болѣе не возвращается къ прямой полемикѣ противъ этого все шире разроставшагося понятія. У него встрѣчаются даже фразы, которыя не разъ истолковывались въ смыслѣ признанія существованія такихъ вѣчныхъ и обязательныхъ законовъ. Но формальное согласіе съ современниками по этому пункту всегда сопровождается у него категорическимъ отрицаніемъ всякаго значенія ихъ метафизическихъ законовъ для конкретныхъ человѣческихъ обществъ. Такъ въ «Общественномъ договорѣ», мы находимъ такую тираду: «то, что хорошо и сообразно съ порядкомъ, является таковымъ по самой природѣ вещей, независимо отъ человѣческихъ договоровъ. Всякая справедливость исходитъ отъ Бога, онъ ея единственный источникъ; но если бы мы умѣли получать ее съ такой высоты, намъ не нужно было бы ни правительствъ, ни законовъ. Есть, конечно, всемірная справедливость, вытекающая изъ одного разума, но чтобы быть допущенной между нами, эта справедливость должна быть взаимной. Разсматривая же вещи съ человѣческой точки зрѣнія, законы справедливости не имѣютъ значенія между нами... Въ гражданскомъ обществѣ всѣ права опредѣляются закономъ положительнымъ. Но что же, наконецъ, значитъ слово *законъ?* Пока съ этимъ словомъ будутъ связывать лишь метафизическія идеи, до тѣхъ поръ будутъ продолжать разсуждать о немъ, не приходя къ соглашенію; и когда объявятъ, наконецъ, что такое законъ природы, это еще ни на шагъ не подвинетъ нашего знанія того, что такое за-

коны государства?» [78]). И вслѣдъ затѣмъ Руссо даетъ свое дѣйствительно не метафизическое опредѣленіе законовъ государства, какъ выраженія общей воли всѣхъ гражданъ въ буквальномъ смыслѣ слова, безъ всякаго отношенія къ содержанію этихъ законовъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда больной Руссо, вернувшись изъ Англіи, нашелъ очень любезное гостепріимство у физіократа маркиза де-Мирабо и, по настойчивому требованію хозяина (самъ Руссо считалъ себя въ это время не въ правѣ писать, а поэтому и читать, «чтобы не будить своихъ заснувшихъ идей»), взялъ для прочтенія знаменитую книгу Мерсье-де-ла-Ривьера, онъ въ письмѣ къ восхищавшемуся книгой маркизу обращаетъ главное вниманіе на вопросъ объ «очевидности» законовъ, ручавшейся, по мнѣнію физіократовъ, за то, что рекомендуемый ими «деспотизмъ» будетъ подчиняться велѣніямъ «Природы».

«Мнѣ кажется», пишетъ Руссо, «что ни естественные, ни политическіе законы никогда не могутъ быть очевидны иначе, какъ въ абстракціи. Въ примѣненіи къ опредѣленному государству, состоящему изъ столькихъ различныхъ элементовъ, эта очевидность неизбѣжно исчезаетъ. Государственная наука является лишь наукой комбинацій, примѣненій, исключеній, смотря по времени, мѣсту и обстоятельствамъ» [79]). Поставить законы выше людей кажется ему задачей такой же неразрѣшимой, какъ найти квадратуру круга.

Но если Руссо очень скупъ на прямыя заявленія своего мнѣнія о смыслѣ, вложенномъ современными ему писателями въ слово «естественный» въ его примѣненіяхъ къ человѣческимъ обществамъ, то тѣмъ опредѣленнѣе и разностороннѣе развиваетъ онъ свое собственное понятіе о естественномъ, во многихъ отношеніяхъ противоположное господствовавшему.

По господствовавшему понятію, которое мы пытаемся

---

[78]) Книга II, глава VI озаглавленная „О законѣ“.
[79]) Письмо къ маркизу де-Мирабо отъ 26 іюля 1767 г.

очертить въ первой главѣ, «естественность» въ области «морали и политики» почти совпадала съ просвѣщенностью, разумностью, полезностью.

Руссо, какъ мы видѣли, называетъ естественнымъ то состояніе, въ которомъ люди жили прежде, чѣмъ начали «вооружаться, чтобы вырывать у природы ея дары». Съ самыхъ первыхъ открытій и изобрѣтеній; съ первыхъ орудій, сдѣланныхъ самимъ человѣкомъ, начинается постепенное, сперва медленное, затѣмъ все ускоряющееся измѣненіе «естественнаго состоянія» въ искусственное, созданное самимъ человѣческимъ родомъ въ процессѣ его развитія. Причемъ человѣкъ пріобрѣталъ не одно лишь искусство и знаніе, создалъ не одну лишь свою матеріальную и моральную обстановку—вещи и учрежденія, а пересоздалъ и себя самого, свои потребности, чувства, свое отношеніе къ другимъ людямъ «самую, такъ сказать, природу человѣческой души и страстей».

Что его опредѣленіе понятія «естественный», хотя болѣе объективное и конкретное, чѣмъ понятіе его противниковъ, имѣетъ тѣмъ не менѣе лишь относительное значеніе, вѣрно лишь съ извѣстной «человѣческой» точки зрѣнія, это Руссо и самъ отлично зналъ.

Въ своемъ возраженіи на статью женевскаго ученаго Шарля Боннэ, утверждавшаго, что, такъ какъ общественная жизнь является непосредственнымъ результатомъ способностей человѣка и, слѣдовательно, его природы, то относиться къ ней отрицательно значитъ не желать, чтобы человѣкъ былъ человѣкомъ и возставать противъ дѣла самого творца, Руссо отвѣчаетъ, что и по его мнѣнію общественная жизнь такъ же естественна для человѣческаго рода, какъ старость для индивидуума, а искусства, законы правительства также нужны для него, какъ костыль для старика. Вся разница въ томъ, что старость индивидуума вытекаетъ единственно изъ его природы, развитіе же человѣческаго рода вытекаетъ изъ его природы не непосредственно, а лишь при помощи извѣстныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, которые могутъ быть или не быть или, по меньшей мѣрѣ, могутъ прійти

раньше или позже и могутъ, слѣдовательно, ускорить или замедлить прогрессъ. Правильно понятый оптимизмъ («tout est bien» Попа), по мнѣнію Руссо, ровно ничего не говоритъ ни за, ни противъ его собственной теоріи. Оптимизмъ учитъ лишь, что все, что существуетъ во вселенной, необходимо для существованія цѣлаго. Есть общества, значитъ нужно, чтобы они были, нѣтъ, значитъ нужно, чтобы ихъ не было. Но понятія добра и зла выводятся изъ отношеній между вещами и непримѣнимы къ ихъ природѣ. Совершенство цѣлаго мірозданія ничуть не препятствуетъ частному злу являться самымъ реальнымъ зломъ для тѣхъ, кто отъ него страдаетъ.

И дѣйствительно, съ точки зрѣнія необходимости всего существующаго, которой Руссо не оспаривалъ, никакая классификація явленій человѣческой жизни на естественныя и неестественныя не имѣетъ смысла. Если же заниматься такой классификаціей,—а ею была полна литература, — то нельзя возражать съ точки зрѣнія необходимости или совершенства всего существующаго на предложенное Руссо противопоставленіе естественнаго—искусственному, обязаннаго своимъ происхожденіемъ одной природѣ—созданному самимъ человѣкомъ.

Но этотъ простой смыслъ, вложенный Руссовъ слово «естественный», отнималъ у него всю его практическую цѣнность, устранялъ претензіи разума открывать «законы природы», примѣнимые къ человѣческимъ обществамъ. Какъ ни прекрасно все естественное, но именно потому, что оно естественно, оно и невозможно для передѣлавшихъ себя людей. Вернуться къ первобытному состоянію невозможно не только для современнаго цивилизованнаго человѣка, но даже для дикаря, не знающаго еще ни земледѣлія, ни обработки металловъ, но уже привыкшаго къ употребленію огня, каменныхъ орудій, стрѣлъ и грубыхъ жилищъ. И не только возвращеніе назадъ невозможно для начавшаго развиваться человѣчества, но невозможно было, по изображенію самого Руссо, оставаться въ первобытномъ состояніи и звѣрю-человѣку,

не переставъ быть довольнымъ, удовлетворяющимъ всѣ свои потребности звѣремъ.

Съ различныхъ сторонъ, подробно и обстоятельно доказавъ въ первой части «Разсужденія о неравенствѣ», что ничто кромѣ препятствій, встрѣченныхъ человѣкомъ при удовлетвореніи своихъ животныхъ потребностей, не могло разбудить его умственныхъ способностей, его изобрѣтательности, Руссо во второй части «Разсужденія» указываетъ въ размноженіи причину того, что человѣкъ съ голыми руками встрѣтилъ наконецъ эти препятствія. Размноженіе-же, какъ въ «Разсужденіи о неравенствѣ», такъ и въ другихъ произведеніяхъ Руссо, не разъ фигурируетъ въ качествѣ вѣрнѣйшаго признака и необходимаго слѣдствія удовлетворенія потребностей.

Въ произведеніяхъ Руссо много фразъ, которыя, взятыя въ отдѣльности, легко поддаются всевозможнымъ толкованіямъ, но поддаются онѣ имъ лишь для людей, знакомыхъ съ ними по цитатамъ или для читателей, которые, по совѣту Лагарпа, не затрудняются сущностью вопросовъ, а интересуются лишь «красотами» и добродѣтелью. Такова знаменитая фраза, которою начинается вторая часть «Разсужденія о неравенствѣ». Она цитировалась и цитируется безчисленное множество разъ и въ видѣ отдѣльной цитаты получаетъ тотъ смыслъ, будто, по мнѣнію Руссо, собственность возникла лишь благодаря ошибкѣ, недогадливости современниковъ перваго человѣка, присвоившаго себѣ клочекъ земли, что обличи они этого перваго собственника, и человѣчество было бы избавлено отъ послѣдовавшихъ бѣдствій. Такая постановка вопроса совершенно входитъ въ кругъ идей просвѣтителей XVIII вѣка и утопистовъ XIX, но противорѣчитъ всему способу мышленія Руссо. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно дочитать до конца ту самую страницу, изъ которой берутся знаменитыя строчки. Онѣ нужны были Руссо, чтобы оттѣнить громадное значеніе собственности въ развитіи человѣчества и причинную зависимость возникновенія государства отъ развитія собственности. Подчеркнувъ свою мысль яркой фразой, Руссо

тотчасъ-же опровергаетъ тотъ смыслъ, который она могла бы имѣть въ отдѣльности. «Но по всему вѣроятію, въ это время дѣло дошло уже до того, что вещи не могли оставаться въ прежнемъ положеніи: вѣдь идея собственности сформировалась не сразу. Ея возникновеніе зависѣло отъ множества предшествующихъ идей, которыя не могли зараждаться иначе какъ въ постепенной послѣдовательности: нужно было совершить большой прогресъ, пріобрѣсти много промышленности и знаній и передавать ихъ, увеличивая въ теченіе долгаго ряда поколѣній, прежде чѣмъ дойти до этого послѣдняго предѣла естественнаго состоянія».

Оговорившись такимъ образомъ, Руссо намѣчаетъ затѣмъ тѣ успѣхи и изобрѣтенія, которые шагъ за шагомъ должны были неизбѣжно привести къ возникновенію собственности, а затѣмъ и государства.

Взгляды Руссо вносили въ пониманіе исторіи идею развитія, совершающагося путемъ пріискиванія, изобрѣтенія и распространенія новыхъ способовъ удовлетворенія потребностей, — развитія, въ которомъ каждый шагъ, кромѣ непосредственнаго результата, даетъ множество побочныхъ и, закрѣпившись «силою времени», измѣняетъ самихъ людей: ихъ мысли чувства и взаимныя отношенія.

То исключительное, по преимуществу книжное культивированіе разума высшихъ классовъ, которое главнымъ образомъ занимаетъ другихъ философовъ XVIII вѣка, когда они говорятъ о развитіи, является у Руссо лишь позднимъ результатомъ уже сильно развившагося неравенства.

V.

Въ «Разсужденіи о неравенствѣ» Руссо изложилъ свой взглядъ на вѣроятный ходъ развитія человѣческаго рода, взятаго какъ цѣлое. Изъ другихъ произведеній мы можемъ составить себѣ понятіе о его взглядѣ на условія,

ускорявшія развитіе отдѣльныхъ частей этого, такъ неравномѣрно прогрессировавшаго, цѣлаго.

Въ каждомъ обособленномъ человѣческомъ обществѣ самостоятельный процессъ развитія долженъ былъ совершаться, по мнѣнію Руссо, крайне медленно, встрѣчая могучаго противника въ національныхъ нравахъ, обычаяхъ, понятіяхъ и закрѣпляющей все это національной религіи, какими были всѣ языческія и еврейская. Такіе, выросшіе вмѣстѣ съ народомъ, нравы и обычаи обладаютъ громадной устойчивостью и препятствуютъ возникновенію въ его средѣ новыхъ неосвященныхъ обычаемъ способовъ достигать обогащенія. Самые законы такихъ народовъ, совпадая съ обычаями, такъ же мало измѣняются и нарушаются какъ и обычаи. Поэтому уже съ давнихъ временъ главнѣйшей силой, выводящей отсталые народы изъ ихъ неподвижнаго состоянія, являются международныя сношенія, знакомящія ихъ съ нравами, обычаями, потребностями и изобрѣтеніями сосѣднихъ народовъ. Науки, «просвѣщеніе» придаютъ въ новѣйшей Европѣ иностранному вліянію небывалую быстроту и силу, вслѣдствіе той легкости, съ какою онѣ вытравляютъ въ высшихъ слояхъ отсталыхъ странъ всякое уваженіе къ нравамъ и обычаямъ своей невѣжественной родины и тѣмъ развязываютъ имъ руки на всякіе новые способы обогащенія.

Свой взглядъ на значеніе національныхъ нравовъ и на разрушительное дѣйствіе иностраннаго вліянія вообще и просвѣщенія, въ частности, Руссо впервые ясно высказалъ въ маленькомъ полемическомъ произведеніи, напечатанномъ въ 1753 году, въ видѣ предисловія къ комедіи «Нарциссъ».

Читатель замѣтитъ, быть можетъ, что *въ первый разъ* Руссо писалъ объ этихъ вопросахъ гораздо раньше въ своемъ «Разсужденіи» на заданную Дижонской академіей тему: «Содѣйствовало ли возстановленіе наукъ и искусствъ очищенію нравовъ?» Но дѣло въ томъ, что въ этомъ первомъ «Разсужденіи» трудно найти какія бы то ни было мысли, что бы то ни было кромѣ декламаціи. Самъ

его никогда не отличавшійся скромностью авторъ говоритъ [80]).объ этомъ произведеніи, что оно «едва посредственно... совершенно лишено логики и порядка»; что изъ всего имъ написаннаго оно «самое слабое по мысли, самое бѣдное относительно мѣры и гармоніи». «Но», добавляетъ въ свое извиненіе Руссо, «съ какимъ бы талантомъ ни родился человѣкъ, онъ не можетъ сразу выучиться писать».

«Разсужденіе», дѣйствительно, состоитъ почти сплошь изъ похвалъ добродѣтели, которая носитъ здѣсь по преимуществу военный характеръ, и изъ ничего не объясняющихъ, иногда наивныхъ по своему субъективизму, порицаній цивилизаціи [81]). Поэтому, если бы судить объ умственныхъ способностяхъ Руссо на основаніи его біографіи, написанной г. Южаковымъ, въ которой о содержаніи «Разсужденія о вліяніи наукъ и искуствъ» говорится больше, чѣмъ объ «Разсужденіи о неравенствѣ», «Общественномъ договорѣ» и «Эмилѣ», вмѣстѣ взятыхъ, то пришлось бы вполнѣ согласиться съ авторомъ біографіи, сообщающемъ намъ, что Руссо былъ «натура болѣе эмоціональная, нежели интеллектуальная», «болѣе художникъ, нежели мыслитель», «художникъ и проповѣдникъ», отличавшійся главнымъ образомъ тѣмъ, «что французы называютъ le sublime» [82]).

---

[80]) Въ заявленіи предпосланномъ первому «Разсужденію», въ собраніи сочиненій, вышедшемъ при жизни автора.

[81]) Однимъ изъ главныхъ ея прегрѣшеній выставляются здѣсь изученныя манеры, приличія и любезность, мѣшающія различать среди людей, составляющихъ изъ себя свѣтское общество, добродѣтельныхъ отъ порочныхъ и друзей отъ враговъ. Одинъ изъ оппонентовъ Руссо, замѣтилъ ему на это, что принимать хорошія манеры за добродѣтель, а любезность за дружбу, конечно, не слѣдуетъ, но что никто и не впадаетъ въ такую ошибку.

Люди, съ дѣтства вращавшіеся въ свѣтскомъ обществѣ, дѣйствительно не смѣшивали этихъ вещей, и Вольтеръ никогда не ошибался въ друзьяхъ. Но Руссо, попавшій въ него очень поздно, да и то на особомъ положеніи, ошибался на каждомъ шагу и принималъ любезное любопытство за дружбу до тѣхъ самыхъ поръ, когда, ударившись въ противуположную крайность, началъ видѣть повсюду однихъ враговъ.

[82]) Біограф. библіот. Ф. Павленкова, стр. 47, 49, 53, 54. Слѣдуетъ замѣтить, впрочемъ, что г. Южаковъ лишаетъ Руссо названія мыслителя, лишь

Но за четыре года, отдѣляющіе «Предисловіе къ Нарциссу» отъ перваго «Разсужденія», Руссо вдумался въ тотъ вопросъ, относительно котораго сперва сумѣлъ выразить только чувства, овладѣлъ своимъ талантомъ и выучился писать.

Замѣтивъ въ началѣ этого «Предисловія», (ничего, впрочемъ, общаго съ комедіей «Нарциссъ» не имѣющаго), что въ теченіе всей полемики, вызванной «Разсужденіемъ о вліяніи наукъ и искусствъ», его противники опровергали и прекрасно опровергли лишь то, чего онъ не говорилъ, а именно будто невѣжество неразлучно съ добродѣтелью, и будучи возстановлено во Франціи, должно превратить всѣхъ французовъ въ честныхъ людей, Руссо продолжаетъ: «Среди людей существуютъ тысячи источниковъ развращенія, и хотя науки представляютъ, быть можетъ, самый, изобильный и быстрый изъ нихъ,—онъ далеко не единственный.... Все, что облегчаетъ сношенія между различными націями, портитъ нравственность, раз-

---

дойдя въ своемъ изложеніи до періода его литературной дѣятельности. За то въ первой главѣ, повторивъ отъ своего имени сдѣланное Жоржъ Зандъ (въ предисловіи къ одному изъ изданій «Исповѣди») раздѣленіе великихъ людей на дѣятелей и мыслителей, г. Южаковъ, вслѣдъ за Жоржъ Зандъ, зачисляетъ Руссо въ послѣднюю категорію и въ концѣ этой вступительной главы обѣщается «постараться по возможности» оттѣнить душевный процессъ, «нарисовавшій намъ во весь ростъ благородную фигуру великаго мыслителя». (ст. 17). «Нашимъ мыслителемъ» (ст. 45) Руссо остается еще и во второй главѣ, посвященной его дѣтству и молодости, и превращается въ «натуру болѣе эмоціональную, нежели интелектуальную» лишь принявшись, наконецъ, за литературную дѣятельность. Но даже въ области «эмоціи» онъ не стоитъ на высотѣ требованій г. Южакова и такъ плохо заканчиваетъ «Новую Элоизу», что вынуждаетъ своего біографа придѣлать къ этому роману совсѣмъ другой, болѣе чувствительный конецъ. «Цѣлый рядъ драматическихъ положеній, разсказываетъ г. Южаковъ, приводитъ Юлію къ рѣшимости принести въ жертву единственному истинному чувству ея жизни свою семью, но въ послѣднюю минуту, наоборотъ, она семьѣ приноситъ въ жертву свое чувство... (точки г. Южакова) цѣною однако жизни. Она умираетъ съ растерзаннымъ и разбитымъ сердцемъ». (ст. 58) Въ «Новой Элоизѣ», написанной самимъ Руссо, все обстоитъ какъ разъ наоборотъ: Юлія ни на минуту не допускаетъ и мысли о принесеніи семьи въ жертву чувству, умираетъ неумышленно и съ совершенно спокойнымъ сердцемъ.

Способъ изложенія г. Южакова заставляетъ подозрѣвать, что въ немъ самомъ преобладаетъ не интелектуальность, а эмоціональность съ примѣсью того, что французы называютъ le vulgaire.

рушая старые обычаи»... Въ средневѣковой Европѣ, которую противники Руссо приводили въ примѣръ порочности при невѣжествѣ, нравы были уже расшатаны задолго до возрожденія наукъ и искусствъ. «Варварскія племена, разрушившія римскую имперію, смѣшиваясь съ римлянами и между собою, неизбѣжно теряли при этомъ свои первоначальные, своеобразные нравы и обычаи (переставали быть германцами Тацита, древними франками и проч.) Крестовые походы, торговля, открытіе Индіи, путешествія и другія причины, которыхъ я не хочу называть [83]) разрушали нравы Европы... Не науки, слѣдовательно, сдѣлали все зло... имъ спеціально принадлежитъ главнымъ образомъ способность украшать зло, придавать ему нѣкоторый видъ честности»... Цивилизованной Европѣ, Франціи въ особенности, науки, по мнѣнію Руссо, не могли уже причинить никакого вреда, но народу, сохранившему цѣльные, прочные нравы науки могутъ сдѣлать громадное зло: «Догматическія сентенціи ученыхъ людей скоро научили бы его презирать обычаи и законы своей страны, а такое презрѣніе неразлучно съ испорченностью. Малѣйшее измѣненіе обычаевъ, будь оно даже полезно въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, всегда вредно въ нравственномъ, такъ какъ нравственность народа—это его обычаи. Какъ только онъ перестаетъ уважать ихъ, у него уже нѣтъ другого руководства кромѣ страстей другой узды, кромѣ законовъ, которые могутъ иногда сдерживать злыхъ, но никогда не дѣлаютъ ихъ добрыми. Къ тому-же, разъ философія научила людей презирать свои обычаи, они скоро выучиваются обходить и законы».

А по какимъ бы причинамъ народъ ни утратилъ свою нравственность т. е. цѣльные, прочные, одинаковые для всего населенія нравы и обычаи, онъ, по мнѣнію Руссо, уже никогда не можетъ возвратиться къ нимъ; начавшееся развращеніе будетъ продолжаться съ большей или меньшей быстротою.

---

[83]) Вслѣдствіе условій печати, «Нарциссъ» печатался во Франціи.

Въ своихъ набросках проэкта законовъ для Корсики, Руссо конкретно, на историческомъ примѣрѣ швейцарцевъ до и послѣ борьбы за независимость, бѣгло очерчиваетъ выступленіе отсталаго народа на путь прогресса или развращенія, подъ вліяніемъ сношеній съ сосѣдями.

Въ прежнее время, разсказываетъ онъ, въ гористой Швейцаріи каждая семья, отдѣленная на зиму отъ остальнаго міра снѣгами и всегда потоками, сама производила все для себя необходимое: всѣ были каменьщиками, плотниками, столярами и сами дѣлали свои незатѣйливые экипажи.

Такая семья была совершенно независима, не только отъ внѣшняго міра, но даже отъ ближайшихъ сосѣдей. Ей не было надобности заключать съ ними иныхъ контрактовъ, кромѣ брачныхъ.

Это былъ бѣдный [84]) народъ, но у него не было неудовлетворенныхъ потребностей. Они не могли бы опредѣлить, что такое добро или справедливость, но были добры или справедливы. Одинаковость образа жизни всего населенія замѣняла ему законы.

Геройская борьба за независимость, изъ которой швейцарцы вышли побѣдителями, положила начало ихъ развитію и развращенію. До этой борьбы они знали только свои горы да избы, борьба и побѣда открыла для нихъ цѣлый міръ. Пріобрѣтенная ими репутаціи чрезвычайной храбрости внушила сосѣднимъ правительствамъ стремленіе привлекать ихъ на свою службу. Тамъ познакомились они съ жизнію развитыхъ странъ, узнали цѣну денегъ и тогда только замѣтили, что бѣдны. У выдающихся людей между швейцарцами проснулась предпріимчивость, явилось честолюбіе. Они начали устраивать на своей родинѣ различныя промышленныя предпріятія,

---

[84]) То есть *бѣдный* въ общеупотребительномъ смыслѣ слова. Руссо-же не разъ замѣчаетъ въ другихъ своихъ произведеніяхъ, что бѣдность и богатство— это явленія, обусловливающія другъ друга. Гдѣ нѣтъ богатыхъ, тамъ нѣтъ и бѣдныхъ, а также и наоборотъ: безъ бѣдныхъ не можетъ быть богатыхъ.

заводить торговыя сношенія. Все это поставило ихъ въ зависимость и другъ отъ друга, и отъ правительства.

Дѣйствительная бѣдность, т. е. нужда, лишенія, появилась въ Швейцаріи лишь вмѣстѣ съ деньгами, которыя внесли разнообразіе въ источники существованія гражданъ и неравенство въ ихъ имущественное положеніе [85]). Деньги сдѣлались могучимъ средствомъ наживы,

---

[85]) Интересно сравнить этотъ взглядъ Руссо на зависимость нравственности народа отъ неизмѣнности всѣхъ условій его существованія со взглядомъ Г. И. Успенскаго на ея зависимость отъ „власти земли". „Народъ, который мы любимъ... до тѣхъ поръ сохраняетъ свой могучій и кроткій типъ, покуда надъ нимъ царитъ *власть земли*... Разъ онъ дѣлаетъ такъ, какъ *велитъ* его хозяйка—земля, онъ ни за что не отвѣчаетъ... онъ ни въ чемъ не виноватъ: а главное, какое счастье не выдумывать себѣ жизни, не разыскивать интересовъ и ощущеній... вѣковѣчный трудъ—это и есть жизнь и интересъ жизни". (От. З. 1882 г. № 1). Оторвавшись отъ земли, попавши служить на вокзалъ, въ примѣрѣ г. Успенскаго, крестьянинъ мгновенно теряетъ свою нравственность, для него „настаетъ душевная пустота, полная воля". Но эти „пустота" и „воля" появляются и въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьянинъ, не покидая земледѣлія, тутъ же находитъ выгодный заработокъ (нанявшись прессовать сѣно зарабатываетъ больше, чѣмъ на своемъ надѣлѣ), или только вводитъ новыя выгодныя отрасли въ свое допотопное хозяйствованіе („выпоитъ теленка—продастъ за сорокъ цѣлковыхъ")—уже отъ одного этого онъ „балуется". Морализирующее дѣйствіе имѣетъ не само земледѣліе, а лишь традиціонное, *обычное* хозяйствованіе безъ всякой возможности сравненія или выбора. „Народъ—это тотъ человѣкъ, который, по изгнаніи изъ рая непокорнаго собрата, предпочелъ остаться тамъ... Сказано: не касайся древа—онъ и не касается... довольствуясь *готовымъ* умомъ природы...Какъ созданіе божіе только, онъ превосходенъ, красивъ и совершененъ, вотъ какъ это развѣсистое дерево, этотъ кленъ, но если маленькій топоръ валитъ огромный дубъ, который валится и падаетъ безъ ропота, то и нашего крестьянина также валитъ всякая малость... Рубль, свистъ машины и глядишь—образчикъ будущаго развалился прахомъ" („Безъ своей воли". О. З—82 г. № 2).

Въ такія эпохи, въ такихъ странахъ, гдѣ всѣ отрасли экономической жизни надолго застаивались на извѣстной ступени развитія, въ опредѣленные нравственно и умственно законченные типы складывались не земледѣльцы только, но и ремесленники, даже торговцы или воины. И они жили „готовымъ умомъ". „ни за что *не отвѣчая*, ничего *не придумывая*", а лишь „слушаясь" вѣковаго обычая. И по всей Европѣ именно „рубль" (денежное хозяйство) расшаталъ и извратилъ всѣ законченные, сложившіеся въ теченіе среднихъ вѣковъ традиціонные типы, а „свистъ машины" окончательно вымелъ изо всѣхъ уголковъ нравственнаго и умственнаго міра европейцевъ все традиціонное, законченное, святое. На нашего крестьянина, этого послѣдняго представителя традиціоннаго типа въ сферѣ дѣйствія европейской цивилизаціи, сразу въ полномъ развитіи своей энергіи набросились обѣ разрушительныя силы: и „рубль" и „свистъ машины"... Подъ этотъ „свистъ" уже не складывается, не можетъ

недоступнымъ для неимущихъ. Въ то же время промышленность и торговля, отвлекши населеніе отъ земледѣлія и заставивъ сосредоточиться въ опредѣленныхъ наиболѣе удобныхъ мѣстахъ, лишили его возможности обходиться безъ чужихъ, пріобрѣтаемыхъ лишь за деньги, продуктовъ. Деньги, корыстолюбіе сдѣлалось преобладающей страстью швейцарцевъ [86]).

VI.

Смѣшеніе точки зрѣнія Руссо съ противоположной «интеллигентной» точкой зрѣнія, распространявшейся въ то время среди его современниковъ, долго жившей затѣмъ среди потомства и теперь сохранившейся въ цѣлости лишь среди части русскихъ писателей и читателей, вызывало и вызываетъ то похвалы, то обвиненія Руссо за то, что онъ будто бы въ примѣненіи къ дѣйствительности отступаетъ отъ своихъ «идеальныхъ принциповъ»: въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ «требуетъ» слишкомъ

складываться ни традиціонныхъ нравственныхъ типовъ, ни традиціонныхъ мыслей. Люди попрежнему, конечно, повинуются своей „хозяйкѣ"—экономической необходимости, слушаются тѣхъ условій, при которыхъ живутъ, какъ слушался крестьянинъ „хозяйки земли". Но дѣло въ томъ, что въ былыя времена хозяйка цѣлыми вѣками твердила почти одно и тоже. Люди поэтому до такой степени приноравливались къ духу ея приказаній, что съ дѣтства и до смерти каждую минуту наизусть знали, чего имъ ждать, чего желать, какъ поступать, и въ каждой группѣ населенія всѣ знали одно и тоже. Теперь же хозяйка кричитъ на разные голоса, безпрерывно мѣняетъ свои приказанія, даетъ все новыя и новыя. Приноровить къ нимъ разъ навсегда свой нравственный міръ отдѣльному человѣку страшно трудно, знать наизусть ничего нельзя, надо выбирать и „придумывать" каждому для себя. Неизвѣстно и то, какъ поступятъ съ тобой сосѣди, вѣдь и они слушаются не одинаковаго для всѣхъ обычая, а текущихъ внушеній усложнившихся экономическихъ условій. Исчезнувъ изъ сферы добыванія средствъ къ жизни, традиція исчезаетъ и изъ другихъ сферъ, до увеселеній включительно. Надо „наполнять себя нравственно чѣмъ попало". Но среди этого разноголосаго хаоса личной выдумки, ради личной наживы, необходимость создала обширный классъ людей, лишенныхъ всякой возможности заниматься личной выдумкой, ради личной карьеры. Знать наизусть и имъ ничего нельзя, но выдумывать можно лишь сообща.

[86]) Oeuvres et corresp. inédites de J. J. Rousseau publiées par G. Streckeisen-Moulton. Paris 1861 г. Отъ 77 до 81 стр.

многого, за то въ другихъ «дѣлаетъ уступки» и готовъ иной разъ удовольствоваться чистѣйшими пустяками. Намъ случалось даже не разъ встрѣчать такое изображеніе хода развитія Руссо. Въ началѣ онъ требовалъ естественнаго состоянія, «хлопоталъ» о возвращеніи въ лѣса («Разсужденіе о неравенствѣ»), затѣмъ согласился удовлетвориться демократической республикой («Общественный договоръ»), а состарѣвшись, сдѣлавшись практичнымъ, онъ примирился съ польской конституціей и уже ничего большаго не требовалъ.

Съ точки зрѣнія всесилія «идей» и ихъ носительницы интеллигенціи, признавать зломъ или добромъ то или другое явленіе человѣческой жизни равносильно, конечно, предъявленію требованія къ «образованному обществу» или «просвѣщенному правительству» заняться уничтоженіемъ зла и водвореніемъ добра. Но Руссо не зналъ такого блага, которое, будучи благомъ на одной ступени развитія, не становилось бы невозможностью или не превращалось бы въ зло—на другой, а кромѣ того не допускалъ и возможности для какого бы то ни было облеченнаго законодательной властью меньшинства, въ особенности же для просвѣщеннаго, устраивать благо всего населенія данной страны. Поэтому, разсматривая взгляды Руссо съ интеллигентной точки зрѣнія [87]), въ нихъ нельзя найти ничего, кромѣ сплошнаго противорѣчія, никакого сколько нибудь связнаго смысла, который не былъ бы совершенно произвольно вложенъ въ нихъ самимъ изслѣдователемъ. Но, принимая во вниманіе точку зрѣнія самого Руссо, нельзя не видѣть, что его дальнѣйшія произведенія не только не заключаютъ въ себѣ отказа отъ идей, высказанныхъ въ «Разсужденіи о неравенствѣ», а являются, наоборотъ, развитіемъ этихъ идей въ примѣненіи къ отдѣльнымъ сторонамъ жизни. Его политическіе взгляды, въ частности, находятся въ такой тѣсной зависимости отъ его теоріи постепеннаго измѣненія нравствен-

---

[87]) Образцомъ противорѣчивыхъ безсмыслицъ, которыя удается открыть въ нихъ съ этой точки зрѣнія, можетъ служить краткое резюме взглядовъ Руссо, сдѣланное г. Карѣевымъ. Мы приводимъ его ниже (гл. третья, IV).

ности—«человѣческой души и страстей»—путемъ развитія способовъ удовлетворенія потребностей совершенствующимся человѣчествомъ, что мы считаемъ необходимымъ еще разъ остановиться на этихъ взглядахъ прежде, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію «Общественнаго договора».

Мы видѣли уже, что къ общепризнанному природному чувству всякаго животнаго — себялюбію, заставляющему его удовлетворять свои потребности, Руссо прибавляетъ такое же инстинктивное чувство естественной жалости, внушающее индивидууму стремленіе удовлетворять ихъ съ возможно меньшимъ вредомъ для себя подобныхъ.

Все развитіе человѣчества совершилось подъ дѣйствіемъ перваго чувства. Препятствія, встрѣченныя человѣкомъ, удовлетворявшимся готовыми продуктами природы, разбудили его способности и заставили вооружаться, чтобы вырывать у нея ея дары. Пріискивая и создавая все новыя и новыя средства удовлетворенія своихъ потребностей, люди попутно пересоздавали и самихъ себя.

Въ началѣ, пока человѣкъ могъ добывать все для себя нужное независимо отъ другихъ людей и направлялъ свои усилія лишь на подчиненіе себѣ внѣшней природы и главнымъ образомъ остальныхъ животныхъ, его успѣхи еще не мѣшали ему «достигать своей пользы съ возможно меньшимъ вредомъ для другихъ», а начавшееся развитіе ума и воображенія побуждало его искать общества этихъ другихъ, ради доставляемаго имъ удовольствія, игръ и увеселеній. Но постепенно человѣкъ начинаетъ нуждаться въ другихъ людяхъ ради удовлетворенія своихъ потребностей. Когда «одному человѣку стало выгодно имѣть запасъ пищи на нѣсколькихъ», когда возникла собственность и среди имущаго населенія появилось неимущее, самъ человѣкъ превратился для другихъ людей въ одно изъ средствъ и, наконецъ—для цивилизованныхъ людей,—въ единственное средство удовлетворенія ихъ потребностей. «Дикари», замѣчаетъ Руссо, «преслѣдуютъ лишь звѣрей, которыми питаются. Но мы, которымъ необхо-

дима цивилизованная жизнь, уже не можемъ не ѣсть людей» [88]).

Люди по прежнему стремятся лишь къ удовлетворенію своихъ потребностей; къ безполезному для себя злу; они по прежнему чувствуютъ отвращеніе, но область зла, необходимаго для удовлетворенія почти безграничныхъ потребностей цивилизованнаго человѣка, разрослась до громадныхъ розмѣровъ.

«Человѣкъ добръ отъ природы, лишь наши учрежденія дѣлаютъ людей злыми»,—это изреченіе, въ которомъ, по мнѣнію г. Южакова [89]), «сжато и точно формулированъ основной нервъ истины», «апостоломъ» которой былъ Руссо, принадлежитъ къ той дюжинѣ фразъ знаменитаго женевца, которая вотъ уже второе столѣтіе извѣстна всему читающему міру. Но въ эту фразу, какъ почти во всякую краткую формулировку слишкомъ сложнаго содержанія, можно вложить самый различный смыслъ; въ ней съ одинаковымъ правомъ можно выразить взгляды на нравственность Гольбаха, Морелли или физіократовъ [90]). Споръ между ними возникъ бы лишь о томъ, какова именно была природная доброта человѣка, какія учрежденія дѣлаютъ его злымъ, а отчасти и о смыслѣ слова: злой.

Категорически, въ формѣ предписанія, Руссо въ «Исповѣди» выразилъ свой взглядъ на нравственность слѣдующимъ образомъ. «Великое правило нравственности, быть можетъ единственное пригодное на практикѣ, заключается въ томъ, чтобы избѣгать такихъ положеній, при которыхъ наши обязанности сталкиваются съ нашей выгодой и

---

[88]) «Ж. Ж. Руссо». Біогр. библ. Ф. Павленкова ст. 50.

[89]) «Эмиль» книга V, послѣдній отдѣлъ «Les voyages».

[90]) Что люди злы отъ природы и лишь абсолютная власть способна удерживать ихъ отъ взаимнаго истребленія,—это утверждалъ Гоббсъ, но всѣ современники Руссо съ негодованіемъ отвергали «гоббизмъ». Что люди родятся порочными, учила церковь, основываясь на догматѣ грѣхопаденія. Но ужъ изъ того одного, что такъ учила католическая церковь, можно бы a priori заключить, что всѣ вліятельные писатели второй половины XVIII вѣка должны были придерживаться обратнаго мнѣнія.

наша польза зависитъ отъ чужого вреда. Можно быть увѣреннымъ, что въ такомъ положеніи, какъ бы искренно ни любилъ человѣкъ добродѣтель, онъ рано или поздно опустится, самъ того не замѣчая, и сдѣлается несправедливымъ и злымъ на дѣлѣ, не переставъ быть добрымъ и справедливымъ въ душѣ». Руссо говоритъ далѣе, что съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе убѣждался въ глубокой основательности своей философіи нравственности и старался «съ различныхъ сторонъ, различными способами показать ее читателямъ во всѣхъ своихъ позднѣйшихъ произведеніяхъ, но легкомысленная публика не сумѣла ее замѣтить въ нихъ» [91]),

Что «человѣкъ добръ отъ природы», это, по Руссо, только то и значитъ, что онъ не склоненъ къ злу для зла, чувствуетъ къ нему отвращеніе всегда, когда не заинтересованъ въ немъ и наоборотъ все доброе нравится ему само по себѣ. Онъ ненавидитъ добро лишь тогда, когда оно ему вредно. У людей, принадлежащихъ къ верхнимъ слоямъ цивилизованнаго общества, польза которыхъ зависитъ исключительно отъ чужого вреда и вынуждаетъ ихъ быть несправедливыми и злыми на дѣлѣ, любовь къ добру, чувство состраданія могутъ свободно проявляться лишь въ областяхъ, не соприкасающихся съ ихъ реальными интересами. Потерявъ свою непосредственность, это чувство направляется по другимъ каналамъ, услужливо предлагаемымъ искусствомъ въ фиктивныхъ объектахъ для состраданія и наукой въ разсужденіяхъ объ общемъ благѣ, въ различныхъ системахъ морали и проч. «Это естественное чувство», говоритъ Руссо, «такъ сильно, что окончательно уничтожить его не могутъ самые испорченные нравы, и въ нашихъ театрахъ ежедневно умиляются и проливаютъ слезы надъ страданіями несчастныхъ такіе люди, которые, будь они на мѣстѣ тирана пьесы, мучили бы своихъ враговъ хуже его самого, подобно кровожадному Суллѣ, чрезвычайно чувстви-

---

[91]) «Исповѣдь» часть I, книга II.

тельному къ тѣмъ страданіямъ, которыхъ не причинялъ» [92]).

Слезы въ театрахъ были тогда такъ обычны, что Вольтеръ считалъ трагедію провалившейся, если зрители не рыдали. Наблюденіе надъ этой чрезвычайной чувствительностью французскаго общества въ театрахъ, за книгами, въ салонахъ, при полной нечувствительности къ реальнымъ страданіямъ крестьянъ, необходимымъ для процвѣтанія этихъ салоновъ или даже для удовлетворенія такой несущественной потребности, какъ охота, видимо сильно интересовало Руссо. Очень рѣдко повторяясь въ своихъ произведеніяхъ, онъ въ «Письмѣ къ Даламберу», а затѣмъ въ «Исповѣди Савойскаго викарія», снова приводитъ слезы въ театрахъ, какъ доказательство способности къ состраданію, проявляющейся у самыхъ злыхъ на дѣлѣ людей, когда ихъ интересы остаются въ сторонѣ. Руссо находилъ даже, что именно въ парижскомъ обществѣ, существованіе котораго оплачивалось такой массой реальнаго зла, было больше, чѣмъ гдѣ либо, отвлеченной любви къ добродѣтели и самаго искренняго восторга предъ добрыми чувствами, изображенными въ книгахъ [93]). Эти наблюденія могли лишь подтвердить убѣжденіе Руссо, что практическое поведеніе людскихъ массъ въ общемъ зависитъ не отъ ихъ отвлеченныхъ разсужденій, не отъ ихъ хотя бы и искренней любви къ добру, а отъ ихъ положенія; что то зло, которое людямъ выгодно, они будутъ дѣлать, не могутъ не дѣлать, пока будутъ нуждаться въ немъ, и этому ни въ какомъ случаѣ не помѣшаетъ ни моральная проповѣдь, способная лишь порождать лицемѣріе, ни просвѣщеніе, которое, разрушая обычаи, лишь развязываетъ, наоборотъ, руки высшимъ классамъ для новыхъ видовъ извлеченія пользы изъ низшихъ.

Просвѣтители тоже учили, что человѣкъ по самой природѣ своей не можетъ не искать наслажденій, что вся его дѣятельность направлена къ достиженію своей

---

[92]) «Разсужд. о нерав.», часть I.
[93]) «Исповѣдь», часть II, книга XI.

пользы. Но за этимъ, какъ мы видѣли у Гольбаха, тотчасъ же слѣдовало утвержденіе: «Все наше поведеніе, хорошее или дурное, зависитъ отъ вѣрныхъ или ложныхъ идей, которыя мы имѣемъ о счастіи», а изъ этого явствовало, что всеобщее благополучіе будетъ достигнуто, если мы убѣдимъ богатыхъ и сильныхъ въ томъ, что ихъ счастіе заключается въ заботахъ о бѣдныхъ и подвластныхъ.

Для Руссо, отрицавшаго силу моральныхъ разсужденій надъ практическимъ поведеніемъ людей, изъ той же, признаваемой имъ съ извѣстнымъ дополненіемъ, первой посылки просвѣтителей вытекало отрицаніе всякой возможности такого господства меньшинства надъ большинствомъ, при которомъ господствующіе не употребляли бы власти въ свою пользу и во вредъ подвластнымъ. Отдѣльнымъ же личностямъ изъ высшихъ классовъ, помышляющимъ о благодѣяніяхъ, слѣдовало бы, по его мнѣнію, поставить выше всего правило: не дѣлай зла. «Правило: дѣлай добро, не подчиненное этому первому правилу», говоритъ Руссо въ «Эмилѣ», «опасно, ложно и противорѣчиво. Кто не дѣлаетъ добра? Всѣ его дѣлаютъ, злые какъ и добрые,—надѣляютъ одного на счетъ сотни другихъ бѣдняковъ; отсюда-то и вытекаютъ наши бѣдствія». Съ точки зрѣнія Руссо, величайшимъ добромъ со стороны «les grands et les riches», которыхъ призывала къ благотворительности просвѣтительная философія, было бы не дѣлать зла. А не дѣлать зла, какъ мы знаемъ, можно было, по его мнѣнію, лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы матерьяльныя средства, которыми располагаетъ человѣкъ, не являлись ни прямо, ни косвенно результатомъ лишеній, налагаемыхъ на другихъ [94]). Но ставъ въ

---

[94]) Что подъ положеніями, при которыхъ „наша польза зависитъ отъ чужого вреда“, Руссо понималъ не какія нибудь исключительныя положенія, а чуть не всѣ тѣ, въ которыя образованный человѣкъ могъ стать въ то время, не прослывъ сумашедшимъ, видно изъ слѣдующихъ же строкъ „Исповѣди“, гдѣ онъ сообщаетъ намъ, что, примѣнивъ, хотя и поздно, это правило на практикѣ ко всему своему поведенію, онъ пріобрѣлъ „самый странный, самый сумасшедшій

такое положеніе, человѣкъ прежде всего лишился бы возможности благодѣтельствовать однимъ «на счетъ сотень другихъ бѣдняковъ».

Такова сущность отвѣта, который въ «Эмилѣ» Руссо даетъ своимъ французскимъ читателямъ, искавшимъ въ его произведеніяхъ выполнимыхъ для себя практическихъ проектовъ. «Мнѣ не перестаютъ твердить», говоритъ онъ въ предисловіи къ «Эмилю», «что я долженъ давать выполнимые совѣты. Это тоже самое, какъ если бы мнѣ говорили: совѣтуйте дѣлать то, что дѣлается, или, по крайней мѣрѣ, предлагайте такое добро, которое можно бы соединить съ существующимъ зломъ. Послѣднее предложеніе, относительно нѣкоторыхъ предметовъ, гораздо химеричнѣе моихъ: такъ какъ въ соединеніи со зломъ добро портится, не исправляя зла. Я предпочелъ бы ужъ ни въ чемъ не отступать отъ общепринятой практики, чѣмъ измѣнять ее на половину. Въ первомъ случаѣ въ человѣкѣ оказалось бы меньше противорѣчій; онъ не можетъ сразу стремиться къ двумъ противуположнымъ цѣлямъ. Отцы и матери, выполнимо лишь то, что вы желаете выполнять. Обязанъ ли я выражать ваши желанія?»

Тѣмъ не менѣе въ первыхъ главахъ «Эмиля», посвященныхъ первоначальному, главнымъ образомъ, физическому воспитанію, оказалось много выполнимыхъ совѣтовъ, которымъ тысячи дѣтей богатыхъ классовъ были обязаны потомъ болѣе здоровымъ и счастливымъ дѣтствомъ.

видъ въ глазахъ публики и въ особенности своихъ знакомыхъ. Меня обвинили въ желаніи оригинальничать, въ стремленіи отличаться отъ всѣхъ другихъ".

Если основные взгляды Руссо были и остаются мало извѣстными публикѣ, то его біографія, въ особенности же обстоятельства его ссоры съ знакомыми, разработаны до мельчайшихъ подробностей, и мы знаемъ, что сперва душевнымъ разстройствомъ, странностями, а когда наросло озлобленіе, тщеславіемъ и стремленіемъ, во что бы то ни стало, отличаться отъ всѣхъ другихъ, объясняли знакомые Руссо его отказъ отъ мѣста кассира, отказы отъ всякихъ пенсій, подарковъ и благодѣяній и упорное стремленіе не зависѣть въ средствахъ къ жизни ни отъ чего, кромѣ ремесла переписчика.

Другое дѣло сама въ высшей степени искусственная, сложная и химерическая [95]) система воспитанія, которую онъ начертилъ. Цѣль ея воспитать (т. е. показать читателю) человѣка, который могъ бы въ тогдашней Франціи прожить свободнымъ какъ отъ необходимости дѣлать зло другимъ, такъ и отъ подчиненія чужимъ прихотямъ. Эмиль свободенъ отъ всѣхъ потребностей, порождаемыхъ принадлежностью къ высшему классу порабощенной и цивилизованной страны. Онъ презираетъ общественное мнѣніе, не способенъ къ тщеславію, не стремится стать выше другихъ, власти ему не нужно, роскошь не можетъ ему доставить ни малѣйшаго удовольствія. Воспитаніе развило въ немъ силу, ловкость, выносливость, дало привычку къ физическому труду. Онъ знаетъ нѣсколько ремеселъ и основательно обучился столярному, работая въ мастерскихъ, какъ поденщикъ [96]). Столь богато вооруженный для удовлетворенія своихъ ничтожныхъ потребностей, онъ можетъ прожить, никому не дѣлая зла и не утрачивая врожденной любви къ добру.

Намъ кажется несомнѣннымъ, что эта «химерическая» сторона «Эмиля» была въ глазахъ самого Руссо не столько руководствомъ къ воспитанію, сколько попыткой еще разъ объяснить читателямъ свой взглядъ на нравственность, котораго они еще разъ «не замѣтили».

До такой степени не замѣтили, что даже у горячихъ поклонниковъ Руссо можно встрѣтить того же Эмиля, фигурирующимъ въ видѣ подкрѣпленія противо-

---

[95]) Руссо самъ же старательно подчеркиваетъ ея невыполнимость. „Надо бы, чтобы воспитатель былъ нарочно воспитанъ для своего воспитанника... чтобы всѣ, соприкасающіеся съ ребенкомъ люди, получили тѣ впечатлѣнія, которыя должны передавать ему, нужно бы отъ воспитанія къ воспитанію подняться неизвѣстно куда“.

Условія, необходимыя для удачи подобнаго воспитанія, возможны лишь въ предположеніи, „такъ какъ кто же можетъ надѣяться вполнѣ направлять слова и дѣйствіе всѣхъ, кто окружаетъ ребенка?“ („Эмиль“ книга I).

[96]) Самымъ полезнымъ, а потому и самымъ почетнымъ трудомъ Руссо считаетъ земледѣльческій, но не желалъ бы видѣть Эмиля земледѣльцемъ. „Положеніе ремесленника“, говоритъ онъ, „самое независимое отъ случая и людей. Онъ зависитъ единственно отъ своей работы. Онъ настолько же свободенъ, на-

положнаго взгляда о могуществѣ «идей» въ области нравственности. Для полноты этого могущества считалось, какъ извѣстно, очень важнымъ придать морали точность и доказательность математическихъ наукъ. Для человѣка, воспитаннаго какъ Эмиль, думаетъ г-жа де-Сталь, которому не внушали никакихъ вѣрованій и всегда сообщали истину, «нравственныя идеи уподобятся геометрическимъ теоремамъ и будутъ въ его умѣ вытекать одна изъ другой въ теченіе всей жизни» [97]).

Будто въ отвѣтъ на эту, написанную черезъ 10 лѣтъ послѣ его смерти, фразу начинаетъ Руссо свое продолженіе «Эмиля». Въ «Исповѣди» онъ высказываетъ надежду пояснить въ этомъ продолженіи свое «единственное правило нравственности» такимъ разительнымъ примѣромъ, что читатель будетъ наконецъ вынужденъ обратить на него вниманіе. Это произведеніе осталось неоконченнымъ, но изъ перваго же письма Эмиля, изображающаго свое нравственное состояніе послѣ двухъ лѣтъ, проведенныхъ въ парижскихъ салонахъ, ясно видно много ли силы приписывалъ Руссо нравственнымъ идеямъ, какъ бы хорошо ни вытекали онѣ одна изъ другой. «Мое сердце незамѣтно изнашивалось», пишетъ Эмиль своему бывшему воспитателю, «оно становилось холоднымъ и безсильнымъ... Моральный и чувствительный жаргонъ занялъ у меня мѣсто дѣйствительнаго чувства. Я сталъ человѣкомъ любезнымъ безъ нѣжности, стоикомъ безъ добродѣтели, мудрецомъ, занятымъ глупостями, отъ вашего Эмиля во мнѣ не оставалось ничего, кромѣ имени да фразъ [98]).

сколько земледѣлецъ является рабомъ, потому что привязанъ къ своему полю, жатва котораго находится во власти другихъ. Врагъ, правитель, могущественный сосѣдъ могутъ ее отнять; посредствомъ его поля, крестьянина можно мучить на тысячу ладовъ, повсюду, гдѣ захотятъ мучить ремесленника, его багажъ тотчасъ же уложенъ: онъ уноситъ съ собою свои руки“ („Эмиль“, книга III).

[97]) Lettres sur les écrits et le car. де J. J. Rousseau изд. 1814 г. стр. 42.

[98]) „Emile et Sophie ou les solitaires“.

Замѣчательна эта неукоснительная послѣдовательность Руссо. Вѣдь тѣ чувства, тѣ убѣжденія, отъ которыхъ у Эмиля остался «чувствительный жаргонъ» да «фразы», были убѣжденіями самого Руссо. Но Руссо былъ убѣжденъ въ томъ, что всякія нравственныя убѣжденія постепенно превращаются въ моральный жаргонъ у человѣка, ставшаго въ несоотвѣтствующее имъ положеніе, и съ неподкупнымъ безпристрастіемъ онъ показываетъ на «примѣрѣ», что при этомъ условіи его собственные взгляды также легко превращаются въ пустыя фразы, какъ и всякіе другіе [99]).

Въ «Эмилѣ» Руссо пытается изобразить нравственный типъ «естественнаго человѣка», дикаря (какимъ онъ представлялъ его себѣ), искусственно выращеннаго въ разложившемся цивилизованномъ государствѣ. Но вмѣстѣ со всѣмъ тогдашнимъ образованнымъ міромъ онъ преклонялся предъ совершенно противоположнымъ типомъ гражданина. Въ «Эмилѣ» онъ проводитъ между этими двумя типами слѣдующую параллель:

«Естественный человѣкъ существуетъ самъ по себѣ; онъ есть абсолютное цѣлое, имѣющее отношеніе лишь къ самому себѣ или къ подобнымъ себѣ отдѣльнымъ индивидуумамъ. Гражданинъ есть лишь часть цѣлаго... каковымъ является для него общественное тѣло. Хороши тѣ общественныя учрежденія, которыя всего полнѣе измѣняютъ природу человѣка и уничтожаютъ его абсолютное существованіе, чтобы дать ему относительное, перенося его *я* въ общественное цѣлое; такъ что каждый человѣкъ чувствуетъ себя не отдѣльнымъ существомъ, а частью цѣлаго, чувствительной лишь въ этомъ цѣломъ».

---

[99]) Къ тому времени, впрочемъ, когда Руссо писалъ свое продолженіе „Эмиля“ „моральный и чувствительный жаргонъ“ à la Руссо былъ уже значительно распространенъ въ обществѣ и въ немъ вращалось уже не мало Эмилей, докладывавшихъ то лично, то письменно о своемъ существованіи не признававшему ихъ автору. Цитированныя признанія Эмиля направлялись, вѣроятно, также и по ихъ адресу.

Добродѣтель (la vertue) есть именно подчиненіе личныхъ интересовъ общественнымъ.

«Естественный человѣкъ» только не золъ, самое большее добръ (beau), добродѣтель же возможна лишь для гражданина. Руссо показываетъ также обратную сторону гражданской добродѣтели: чѣмъ тѣснѣе объединено государство, чѣмъ солидарнѣе его граждане, тѣмъ полнѣе противупоставляютъ они свою республику всему остальному человѣчеству. «Всякій патріотъ суровъ по отношенію къ иностранцамъ: они ничто въ его глазахъ, они только люди. Этотъ недостатокъ неизбѣженъ, но онъ и не такъ значителенъ. Гораздо важнѣе быть добрымъ съ тѣми, съ кѣмъ находишься въ безпрерывныхъ сношеніяхъ».

Свободная республика съ ея цѣльной общей волей и суровымъ патріотизмомъ—это та форма объединенія, которой Руссо сочувствуетъ, въ которой находитъ гораздо больше хорошихъ, чѣмъ злыхъ, сторонъ, но она далеко не единственная. Объединенія людей въ отдѣльныя отъ окружающей среды группы, преслѣдующія свои отдѣльные интересы,—это явленіе гораздо болѣе общее и принимающее на извѣстной ступени развитія самыя разнообразныя формы. Католическое духовенство, напримѣръ, представлялось Руссо могучимъ интернаціональнымъ государствомъ, направляющимъ свою строго объединенную общую волю противъ всѣхъ національныхъ государствъ. Затѣмъ, по мѣрѣ развитія государственной жизни и роста имущественнаго неравенства, внутри каждаго государства образуются меньшія болѣе или менѣе объединенныя группы, преслѣдующія свои, общіе для данной группы, но частные по отношенію къ остальнымъ согражданамъ интересы. Всѣ эти частныя коллективности, главнѣйшей изъ которыхъ является выдѣленное изъ среды гражданъ правительство, порождаютъ чувства прямо противоположныя гражданскимъ и при значительномъ развитіи способствуютъ уничтоженію свободныхъ республикъ. Въ большихъ цивилизованныхъ государствахъ Европы нѣтъ ни у кого оте-

чества, нѣтъ и быть не можетъ общественныхъ союзовъ, образующихъ гражданъ. «Слова *отечество* и *гражданинъ* должны быть вычеркнуты изъ новыхъ языковъ. Я знаю причины этого, но не хочу сказать», добавляетъ Руссо. Выясненіе этихъ причинъ относилось къ предмету «Общественнаго договора», вышедшаго мѣсяца за два до «Эмиля».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Политическіе взгляды Руссо.

I

Главнѣйшей ошибкой Руссо въ его схематическомъ изображеніи развитія человѣчества до появленія государства въ современномъ значеніи этого слова, было, очевидно, предположеніе, что звѣри—люди бродили въ одиночку, а въ теченіе «молодости человѣчества» жили отдѣльными, независимыми семьями, по величинѣ и типу соотвѣтствовавшими современной моногамической семьѣ. Такимъ образомъ, эти крайніе индивидуалисты, совершенно не нуждавшіеся другъ въ другѣ и сходившіеся лишь для удовольствія, были, по его предположенію, впервые тѣсно связаны между собою лишь явившимися въ результатѣ постепеннаго роста имущественнаго неравенства, злыми цѣпями, цѣпями необходимости удовлетворять свои потребности на счетъ другихъ людей, цѣпями соперничества, господства и рабства, безпрерывно разрываемыми посредствомъ грабежей и убійствъ и, наконецъ, закрѣпленными наложеніемъ прочныхъ оковъ государственнаго строя.

Объясненіе происхожденія государства изъ сознанной

необходимости прекратить посредствомъ договора борьбу между индивидуумами принадлежитъ не Руссо. Оно уже давно было высказано Гоббсомъ и повторялось многими авторитетными писателями. Мы видѣли, что и у Локка образованіе государства объясняется необходимостью обезпечить собственность, охраняемую раньше лишь единичными силами самихъ собственниковъ. Другая, тоже многочисленная, группа писателей считала общественность — «sociabilité»,—первоначальнымъ свойствомъ человѣческаго рода, поставленнаго самой природой въ невозможность обходиться безъ общественнаго строя. Но средство, которое употребила природа для обезпеченія за человѣческимъ родомъ благъ государственности, заключалось, какъ мы видѣли, въ большомъ первоначальномъ неравенствѣ силъ и способностей, и въ разнообразіи склонностей, заставившемъ каждаго добровольно стать на свое мѣсто: умныхъ начать руководить, управлять, благодѣтельствовать, а глупыхъ повиноваться и работать. Руссо справедливо считалъ все это изображеніемъ цивилизованныхъ людей подъ именемъ дикарей и присоединился къ первому объясненію, казавшемуся ему болѣе вѣроятнымъ.

И въ самомъ дѣлѣ, хотя sociabilité людей,—ихъ стадность—досталась имъ по всему вѣроятію отъ ихъ человѣкообразныхъ предковъ, тѣмъ не менѣе то содержаніе, которое вкладывали противники Руссо въ свою sociabilité, ихъ объясненіе происхожденія государства было чистѣйшей фантазіей, тогда какъ мнѣніе, котораго держался Руссо, улавливало, хотя и въ извращенномъ видѣ, одинъ изъ моментовъ дѣйствительности. Оно грѣшило тѣмъ, что моментъ перехода разлагающейся родовой организаціи къ зачаткамъ государственнаго строя въ современномъ значеніи этого слова принимало за первое образованіе какого бы то ни было прочнаго союза между людьми. Но въ то же время оно совершенно вѣрно указывало въ начавшемся раздѣленіи труда, въ широкомъ распространеніи земледѣлія и въ вызванномъ этими успѣхами производства имущественномъ неравен-

ствѣ и невольничествѣ причины, вызвавшія необходимость принудительной власти, охраняющей собственность и способствующей дальнѣйшему развитію всѣхъ этихъ основъ цивилизаціи.

Между двумя періодами: полной независимости всѣхъ людей и полнаго подчиненія большинства законамъ, издаваемымъ меньшинствомъ, Руссо помѣщаетъ переходный періодъ подчиненія всего народа законамъ, вотированнымъ всѣмъ народомъ, — періодъ, большая или меньшая продолжительность котораго зависитъ отъ состоянія населенія данной страны въ моментъ перехода къ общественному строю и отъ большей или меньшей мудрости принятыхъ имъ законовъ. Этому-то переходному періоду посвященъ главнымъ образомъ «Общественный договоръ», которому—его началу въ особенности—суждена была такая громкая роль въ бурную эпоху конца прошлаго вѣка во Франціи.

«Человѣкъ родился свободнымъ, а онъ повсюду въ цѣпяхъ... Какъ произошло это измѣненіе? Я не знаю. Что можетъ сдѣлать *его законнымъ* (légitime)? Я считаю возможнымъ разрѣшить этотъ вопросъ». Общественный порядокъ, лишившій людей ихъ естественной свободы, является основнымъ правомъ, на которое опираются всѣ другія права. «Между тѣмъ, оно вытекаетъ не изъ природы и слѣдовательно основано на соглашеніяхъ. Задача въ томъ, чтобы узнать, каковы эти соглашенія. Но прежде чѣмъ приступить къ ней, я долженъ доказать то, что только что высказалъ». Таково содержаніе первой очень коротенькой главы первой книги «Общественнаго договора». Въ трехъ слѣдующихъ главахъ Руссо разбираетъ и отвергаетъ различныя теоріи, выводившія «право» на господство однихъ людей надъ другими изъ родительской власти, изъ естественнаго неравенства между людьми, изъ права побѣдителя надъ побѣжденнымъ и проч. Фактически господство основывается на силѣ. Попытки прибавить къ силѣ еще и *право*, превратить неизбѣжное подчиненіе ей въ *обязанность* приводятъ, по мнѣнію Руссо, къ полнѣйшей безсмыслицѣ, «un galima-

thias inexplicable». «Уступать силѣ есть актъ необходимости, а не воли; это самое большее—актъ благоразумія. Но въ какомъ смыслѣ можетъ онъ стать обязанностью?.. Если сила создаетъ право, то оно и исчезаетъ вмѣстѣ съ нею: всякая сила, пересилившая первую, наслѣдуетъ и ея право... Такъ какъ сила всегда право, то изъ этого только и слѣдуетъ, что надо стараться быть всегда сильнѣйшимъ. Очевидно, что слово *право* ничего не прибавляетъ къ силѣ; оно въ этомъ случаѣ не имѣетъ ровно никакого смысла» [100]). Господство силы основывается не на правѣ въ нравственномъ смыслѣ этого слова, но „La loi du plus fort, является, по мнѣнію Руссо, «ненарушимѣйшимъ изъ законовъ природы» («Consid. sur le Gouv. de la Pologne» гл. XII.), которому нельзя противупоставить ничего, кромѣ силы.

Въ шестой главѣ Руссо переходитъ, наконецъ, къ своей задачѣ, къ выясненію содержанія общественнаго договора, являющагося по его мнѣнію единственной основой «права», единственнымъ источникомъ законной власти, повиновеніе которой нравственно обязательно, а не только необходимо, или благоразумно. Предъидущія главы, являются такимъ образомъ лишь вступленіемъ, расчисткой почвы отъ загромождавшихъ ее теорій. Тѣмъ не менѣе, на основаніи этихъ главъ, въ особенности же первой фразы: «L'homme est né libre», считается чуть ли не «общепризнаннымъ», что Руссо «требовалъ» политической и гражданской свободы, свободы для людей, живущихъ въ государствахъ, на томъ основаніи, что «человѣкъ родился свободнымъ», что для него общественная свобода «вытекала» изъ естественной, «основывалась» на «естественномъ правѣ», на той свободѣ, съ которой человѣкъ «родился» и проч. [101]). На самомъ

---

[100]) „Contrat Social“ кн. I, гл. III.

[101]) „Люди рождаются свободными, равными и „непорочными“—это основная идея книги“, говоритъ объ „Обществ. Договорѣ“ г. Южаковъ („Ж. Ж. Р. его жизнь и литерат. дѣят. ст. 60). Такой хотя и взятой г. Южаковымъ въ ковычки, фразы въ „Общ. Дог.“ не имѣется. Новорожденными людьми этотъ

же дѣлѣ, если Руссо выводилъ что-нибудь изъ «естественной свободы», то ужъ никакъ не общественную гражданскую или политическую свободу, а лишь отсутствіе всякаго смысла въ теоріяхъ, пытавшихся украсить фактическое господство меньшинства надъ большинствомъ идейнымъ титуломъ болѣе или менѣе «естественнаго» (а слѣдовательно неизмѣннаго и вѣчнаго) права.

«Для Руссо... свобода вытекаетъ изъ естественнаго права». «Нечего говорить, что онъ (Руссо) проповѣдывалъ свободу во имя естественнаго права», вѣщаетъ и г. Карѣевъ, ссылаясь на „Общественный договоръ» [102]), чтобы уличить затѣмъ автора этого «договора» въ самыхъ вопіющихъ противорѣчіяхъ съ навязанными ему взглядами. И далеко не одинъ г. Карѣевъ, а цѣлый рядъ писателей, навязавъ Руссо заимствованные у его противниковъ взгляды на «естественный порядокъ», «естественные законы», и проч., примѣняемые къ общественному строю, разводятъ затѣмъ руками надъ противорѣчіями Руссо, придерживавшагося совершенно противоположнаго взгляда.

Не «проповѣдь», конечно, но изображеніе «естественной свободы» первобытныхъ дикарей имѣется въ «Разсужденіи о неравенствѣ». Въ «Общественномъ договорѣ» рѣчь идетъ о тѣхъ условіяхъ матеріальныхъ и нрав-

---

трактатъ вовсе не занимается. Въ фигуральномъ смыслѣ (первобытное состояніе) они составляютъ предметъ первой части „Разсужд. о нер.“, а въ буквальномъ— первой книги „Эмиля“. „Основная идея книги“ видимо почерпнута г. Южаковымъ изъ первой фразы ея первой главы, улучшенной измѣненіемъ прошедшаго времени въ настоящее и расширенной добавленіемъ „равенства и непорочности“. Джонъ Морлей съ своей стороны тратитъ цѣлыхъ двѣ страницы (125—126. Rousseau by John Morley vol. II) на отрицаніе свободы новорожденныхъ. Гдѣ же они свободны? Всюду находятся въ полнѣйшей зависимости отъ родителей. У грековъ, у римлянъ, у древнихъ евреевъ родители имѣли даже право убивать ихъ и проч. Какъ будто не ясно, что въ знаменитой фразѣ слово „человѣкъ“ употреблено вмѣсто „человѣчество“, а утвержденіе, что онъ родится свободнымъ, является простымъ резюме первой части „Разсужденія о Неравенствѣ“, гдѣ Руссо доказываетъ, что въ первобытномъ состояніи люди не могли зависѣть другъ отъ друга, и всѣ „цѣпи“ пріобрѣли путемъ развитія.

[102]) „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи“, стр. 267, 268.

ственныхъ, при которыхъ народъ, вышедшій изъ дикаго состоянія и тѣмъ самымъ вынужденный отказаться отъ естественной свободы, образуетъ изъ себя коллективную силу, достаточную для того, чтобы при общественномъ строѣ подчиняться не чужой, а своей же собственной коллективной волѣ.

Та свобода, съ которою «человѣкъ родился» была свободой, ограниченной лишь размѣрами личной силы, ни въ комъ не нуждающагося и самодавлѣющаго индивидуума, какимъ представлялъ себѣ Руссо (и представлялъ ошибочно) первобытнаго человѣка. Какъ только, вслѣдствіе успѣховъ производства, самодавлѣющіе индивидуумы начали нуждаться другъ въ другѣ, ихъ свобода начала превращаться въ господство сильнѣйшихъ, въ безпрерывную борьбу за господство между экономической силой имущихъ и физической—неимущихъ [103]). Конецъ этой борьбѣ кладетъ общественный договоръ, которымъ «каждый» отдаетъ свою личность и все свое могущество подъ верховное руководство общей воли" [104])

«Условія этого договора... не смотря на то, что. быть можетъ, никогда не были формально высказаны, повсюду одинаковы, повсюду молчаливо принимаются (sont partout tacitement admises) и признаются до того времени, когда, съ нарушеніемъ общественнаго договора, каждый снова вступаетъ въ свои первоначальныя права, снова возвращается къ естественной свободѣ, теряя ту условную свободу, ради которой отказался отъ нея» [105]).

Нарушается общественный договоръ по теоріи Руссо въ тотъ моментъ, когда верховная, законодательная власть ускользаетъ изъ рукъ народа, который изъ собранія гражданъ превращается, такимъ образомъ, въ толпу подданныхъ.

Основанный на договорѣ общественный строй, обезпечивающій гражданскую свободу, гораздо основательнѣе уничтожаетъ «естественную» индивидуалистическую сво-

---

[103]) См. вторую часть „Разсужд. о Нер.".
[104]) „Общ. догов." книга I, гл. VI.
[105]) Ibid.

боду, чѣмъ самый суровый деспотизмъ. Такой строй могучъ и проченъ лишь постольку, поскольку вытравляетъ ее изъ психической жизни гражданина, «перенося его *я* въ общественное цѣлое», деспотизмъ же—нравственно, психически—возвращаетъ *я* всѣ его индивидуалистическія свойства, ограничивая его естественную свободу лишь посредствомъ внѣшней для него, хотя теперь уже организованной и прочной, силы.

II.

«Общественный договоръ» отличается отъ другихъ произведеній Руссо тѣмъ, что въ немъ ясныя, конкретныя, глубоко продуманныя мысли во многихъ главахъ заслонены, загорожены чисто абстрактными опредѣленіями государства, народа, правительства и отношеній всего этого между собою и съ территоріей страны, тоже абстрактно выраженныхъ математическими уравненіями и проч. Это въ то же время самое нецѣльное, незаконченное изъ произведеній Руссо [106]).

Въ «Contrat social» наиболѣе существенной и въ то же время оригинальной мыслью Руссо, вытекающей изъ всего его міросозерцанія и рѣзко расходящейся съ міросозерцаніемъ его современниковъ является выясненіе разницы между закономъ, какъ выраженіемъ общей воли всѣхъ лицъ, на которыхъ распространяется его дѣйствіе, и носящими имя закона повелѣніями, получаемыми сверху, а таке выясненіе тѣхъ условій, при которыхъ народъ можетъ имѣть законы, и тѣхъ, въ особенности, при которыхъ онъ не можетъ имѣть ихъ.

---

[106]) Эти особенности „Cont. Soc.“ объясняются, повидимому тѣмъ способомъ какимъ онъ былъ написанъ. Всѣ другія произведенія Руссо писались сразу, подъ вдохновеньемъ. Трактатъ же объ "Institutions sociales", отрывокъ изъ котораго былъ обнародованъ впослѣдствіи подъ заглавіемъ „Contrat social", былъ задуманъ, по словамъ Руссо, еще въ Венеціи, раньше чѣмъ выработался его самостоятельный и цѣльный образъ мыслей. Этому произведенію онъ никогда не отдавался вполнѣ, работалъ надъ нимъ лишь урывками—„en bonne fortune", какъ говоритъ въ Исповѣди—пока не увидѣлъ, наконецъ, что оно ему не подъ силу и не сжегъ написаннаго, выдѣливъ изъ него лишь отрывокъ, которымъ особенно дорожилъ.

О томъ, что законы должны соотвѣтствовать общей волѣ, можно прочесть не у одного Руссо, но съ тѣмъ простымъ смысломъ, который онъ вкладывалъ въ слова «общая воля», не былъ согласенъ никто изъ его современниковъ. Гольбахъ тоже говорилъ: «c'est par les lois que le souverain exprime la volonté génèrale», [107]) мѣриломъ же того, выражаютъ-ли дѣйствительно законы общую волю, должна служить по его мнѣнію ихъ разумность, а слѣдовательно полезность, такъ какъ все разумное полезно, а народъ не можетъ не желать своей пользы. Съ этимъ, въ той или иной формѣ, были согласны всѣ передовые писатели XVIII вѣка, какъ бы сильно ни расходились они въ представленіи о томъ, въ чемъ именно должна заключаться та польза, которой не можетъ не желать народъ. Но еще единодушнѣе были они въ томъ, что никоимъ образомъ не дѣло простого народа рѣшать вопросъ о соотвѣтствіи или несоотвѣтствіи закона его пользѣ и волѣ. Это право и обязанность просвѣщенныхъ людей.

Всего больше заботившійся о пользѣ народа и даже о «равенствѣ» Мабли былъ въ то же время и самымъ горячимъ противникомъ вмѣшательства народа въ вопросы о своей пользѣ и волѣ. Выраженіе «volonté génèrale» употреблялось большинствомъ писателей въ иносказательномъ смыслѣ, какъ это часто случалось (безсознательно даже) и со словами «nation», «peuple».

Руссо бралъ выраженіе «общая воля» въ его точномъ буквальномъ смыслѣ воли *всѣхъ* (или большинства) взрослыхъ гражданъ данной страны, выраженной на ихъ общемъ законодательномъ собраніи и всѣхъ ихъ одинаково связывающей. Такое опредѣленіе закона стояло, конечно, въ полнѣйшемъ противорѣчіи съ открытыми разумомъ естественными законами, могущими осчастливить всѣ народы. Согласно опредѣленію закона, какъ выраженія общей воли гражданъ, всякое постановленіе, хотя бы самое разумное и полезное, предписывающее

---

[107]) „La politique naturelle". часть I, стр. 91.

чтобы то ни было населенію, не участвовавшему въ его обсужденіи и голосованіи, будетъ не закономъ, а лишь приказомъ, декретомъ. Съ другой стороны, хотя и невѣроятно, чтобы весь народъ постановилъ на общемъ собраніи нѣчто, противорѣчащее интересамъ большинства этого народа, но, если бы это случилось, такое рѣшеніе все же было бы обязательнымъ для всѣхъ закономъ, пока не было бы отмѣнено. Для коллективной воли народа не можетъ быть также никакихъ неприкосновенныхъ, стоящихъ выше ее законовъ. Народъ хорошо дѣлаетъ, конечно, если, постановивъ хорошіе законы, ихъ не мѣняетъ, но «во всякомъ случаѣ, народъ всегда можетъ измѣнить свои законы, хотя бы и самые лучшіе; такъ какъ, разъ онъ желаетъ сдѣлать зло самому себѣ, кто же вправѣ помѣшать ему?» [108]).

Для того чтобы общая воля стала закономъ, нѣтъ необходимости въ единогласіи, но необходимо, чтобы всѣ граждане имѣли возможность подать свои голоса. Для меньшинства, участвовавшаго въ обсужденіи и голосованіи закона, хотя и подавшаго голосъ противъ него, подчиненіе безусловно обязательно, оно входитъ въ самое основное условіе общественнаго договора, по которому человѣкъ отдаетъ свою личную волю подъ общее руководство и обязывается выполнять ее лишь постольку, поскольку она не противорѣчитъ общей волѣ.

Въ одной и той же странѣ, если ея законы обсуждаются и вотируются частью населенія, они будутъ законами для этой части и приказами для остальной. Законы Польши, напр., съ точки зрѣніи Руссо были законами для ея дворянства и простыми актами насилія для крестьянъ и горожанъ. Законы Женевы, по конституціи которой законодательная власть принадлежала всѣмъ гражданамъ, были законами для этихъ гражданъ, но не для многочисленныхъ уроженцевъ города (les natifs—потомки иностранцевъ) и жителей окрестныхъ де-

---

[108]) „Cont. Soc.“, кн. II, гл. XII.

ревень, не пользовавшихся правами гражданъ, но считавшихся подданными республики.

Народъ не можетъ ни передать, ни поручить своей верховной власти, выражающейся въ законодательствѣ. Воля не передается. Народъ не можетъ сказать: «я буду хотѣть того, чего пожелаетъ такой-то человѣкъ»...

Это значило-бы просто обѣщать повиноваться,—но тѣмъ самымъ народъ теряетъ свое достоинство самодержавнаго народа, и политическое тѣло оказывается разрушеннымъ [109]).

Такимъ образомъ, законными государствами, дѣйствительными политическими тѣлами были, по опредѣленію Руссо, лишь тѣ государства, гдѣ законодательная власть принадлежала всему народу, всѣ же остальныя (т. е. всѣ или почти всѣ государства Европы), нарушивъ условія общественнаго договора, вернулись къ своему исходному пункту, простому господству силы, для обузданія которой были когда-то основаны.

Зачисливъ всѣ эти государства въ деспотіи, Руссо оставляетъ ихъ въ сторонѣ, чтобы заняться законными, свободными государствами, которыя дѣлитъ на демократіи, аристократіи и монархіи, смотря по организаціи ихъ правительственной, т. е. исполнительной, власти (строго различаемой имъ отъ верховной, законодательной), являющейся въ законныхъ государствахъ лишь подчиненнымъ агентомъ самодержавнаго народа.

Народъ можетъ самъ на своихъ собраніяхъ примѣнять къ отдѣльнымъ лицамъ, къ частнымъ случаямъ постановленные имъ законы; можетъ судить, рѣшать войну и проч., являясь такимъ образомъ своимъ собственнымъ агентомъ, подчиненнымъ себѣ, какъ законодателю. Такое правительство всего народа или его большинства будетъ демократіей.

Если примѣненіе законовъ поручается меньшинству народа, хотя бы просто старшимъ по возрасту или выбраннымъ, или наконецъ нѣсколькимъ семьямъ, въ ко-

---

[109]) Ibid. книга II, глава I.

торыхъ должности переходятъ по наслѣдству—это будетъ аристократія. Избирательная аристократія, замѣчаетъ Руссо, наилучшая форма правленія, а наслѣдственная—наихудшая.

Если народъ поручаетъ исполнительную власть одному лицу, которое само назначаетъ своихъ помощниковъ—это будетъ монархія.

Кромѣ того можетъ быть безчисленное множество смѣшанныхъ формъ; но всѣ формы правленія законны, пока законы остаются лишь выраженіемъ общей воли всѣхъ гражданъ, и народъ сохраняетъ верховное право какъ смѣнять правительство, такъ и измѣнять форму правленія.

Такая необычная терминологія, съ которой вдобавокъ Руссо и самъ иногда сбивается, значительно облегчила всѣмъ небрежнымъ или недобросовѣстнымъ писателямъ, излагавшимъ его политическіе взгляды, полнѣйшее извращеніе этихъ взглядовъ. При ея помощи, напримѣръ, орлеанистъ Жирарденъ видитъ въ замѣчаніи Руссо, что избирательная аристократія есть наилучшее правительство, одобреніе монархіи Луи Филиппа [110]), въ которой избирательное право принадлежало горсти самой крупной поземельной и денежной аристократіи. Это же раздѣленіе государствъ на монархіи, аристократіи и демократіи, лишь на основаніи формы ихъ исполнительной власти, дозволяетъ противникамъ демократіи упорно твердить, что Руссо самъ же признался, что демократія невозможна [111]) и никогда и нигдѣ не существовала, при чемъ повторяющіе это писатели всегда забываютъ прибавить, что по общепринятой терминологіи избирательная аристократія Руссо окажется чистѣйшей демократіей, а невозможнымъ онъ считаетъ лишь чтобы весь народъ сообща исполнялъ всѣ функціи исполнительной власти, ничего не поручая отдѣльнымъ лицамъ и группамъ.

---

[110]) „J. J. Rousssau, sa vie et ses oeuvres“ 1875 г. стр. 374.

[111]) Это же зачѣмъ-то повторяетъ и г. Карѣевъ „Крест. и крестьян. вопр. во Фр.“ стр. 282.

Въ «Разсужд. и неравенствѣ» Руссо предполагаетъ, что различныя формы правленія (исполнительной власти) образовались у различныхъ народовъ въ зависимости отъ степени развитія, на которой застала ихъ необходимость общественной организаціи, вслѣдствіе образованія таковой у сосѣдей. Народы, наиболѣе отсталые, всего менѣе удалившіеся отъ первобытнаго равенства, образовали демократіи; болѣе развитые вручили исполнительную власть спеціально выбраннымъ или назначеннымъ для этого лицамъ—образовали аристократіи или монархіи. Первые могли дольше сохранить свободу, вторые утратили ее быстрѣе. Но при всякомъ образованіи правленія дальнѣйшій ходъ того же прогресса производства и культуры, который привелъ къ необходимости общественнаго договора, ведетъ затѣмъ къ его разрушенію, къ постепенному обезсиленію народныхъ массъ и усиленію на ихъ счетъ правительства въ союзѣ съ высшими слоями населенія, которымъ политическое равенство съ массами становится, по мѣрѣ роста имущественнаго неравенства, болѣе невыгоднымъ, чѣмъ собственное подчиненіе правительству.

Въ «Общественномъ Договорѣ» Руссо разсматриваетъ тотъ же неизбѣжный процессъ превращенія гражданъ въ подданныхъ съ другой стороны.

Въ средѣ выдѣленнаго изъ народной массы правительства образуется отдѣльная отъ общей воли гражданъ своя корпоративная воля, энергія которой все усиливается, въ то время какъ общая воля гражданъ самымъ ходомъ прогресса ослабляется и раздробляется. Когда, наконецъ, правительство устраняетъ законныя проявленія этой послѣдней воли и присваиваетъ себѣ законодательную власть, государство, по выраженію Руссо, «сжимается». На мѣсто разложившагося большого общественнаго тѣла становится маленькое, состоящее лишь изъ членовъ правящаго меньшенства, являющагося по отношенію къ простымъ гражданамъ уже не правительствомъ, а господиномъ.

Этотъ неизбѣжный процессъ можетъ однако идти

скорѣе или медленнѣе, законы могутъ помогать ему или препятствовать, и главнѣйшимъ изъ такихъ препятствій Руссо считаетъ періодичность народныхъ собраній, независимость ихъ созыва отъ исполнительной власти.

«Государство», говоритъ Руссо, «существуетъ не законами, а законодательной властью. Вчерашніе законы обязательны сегодня лишь въ томъ случаѣ, если народъ не отмѣняетъ ихъ, имѣя возможность отмѣнить. Онъ тогда подтверждаетъ ихъ своимъ молчаніемъ». [112])

Не имѣть своей отдѣльной воли и не стремиться уничтожить проявленіе общей воли правительство моглобы лишь въ демократіи, гдѣ оно не выдѣлялось бы изъ общей массы гражданъ. Но полной демократіи, въ строгомъ смыслѣ этого слова, по мнѣнію Руссо, не можетъ существовать, народъ не можетъ быть постоянно на площади, чтобы заниматься общественными дѣлами; нѣкоторыя изъ этихъ дѣлъ онъ необходимо долженъ поручить отдѣльнымъ лицамъ. Но и смѣшанная демократія, выполненіе самимъ народомъ лишь главныхъ правительственныхъ функцій, требуетъ для своего сохраненія многихъ трудно соединимыхъ условій. «Во первыхъ, очень маленькаго государства, чтобы народъ могъ легко собираться и каждому гражданину было бы не трудно знать остальныхъ; во вторыхъ, большой простоты нравовъ, устраняющей и многочисленность дѣлъ, и сложность дебатовъ; необходимо затѣмъ большое равенство по положенію и имуществу, безъ котораго не можетъ сохраниться на долго равенство правъ и авторитета». [113])

Для демократіи необходима самая высокая степень гражданской добродѣтели, болѣе или менѣе полное тождество общественныхъ интересовъ съ частными, возможное лишь при значительной одинаковости этихъ интересовъ у всѣхъ гражданъ; но безъ добродѣтели, безъ горячей преданности общимъ интересамъ, дозволяющей подчинять имъ частные, не можетъ существовать ни

---

[112]) «Cont. Soc.» кн. III гл. XI.

[113]) «Cont. Soc.“ кн. III гл. IY.

аристократіи, ни вообще какого-бы то ни было свободнаго государства.

Переходъ къ аристократическому образу правленія—передача исполнительной власти отдѣльному отъ народа правительству—снимаетъ съ гражданъ часть ихъ общественныхъ обязанностей, но и для прочнаго сохраненія въ своихъ рукахъ остальной части этихъ обязанностей—законодательства, являющагося въ то же время и драгоцѣннѣйшимъ правомъ народа, лишившись котораго онъ становится рабомъ, необходимы условія, лишь незначительно отличающіяся отъ предыдущихъ. «Пока соединенные въ общество люди смотрятъ на себя, какъ на одно тѣло», говоритъ Руссо, [114]) «они имѣютъ одну волю, направленную къ общему охраненію и благосостоянію... Тогда не существуетъ запутанныхъ противорѣчивыхъ интересовъ, общая польза настолько ясна повсюду, что одного здраваго смысла вполнѣ достаточно для того, чтобы видѣть, въ чемъ она заключается. Общее согласіе и равенство—враги политическимъ ухищреній. Прямыхъ и простыхъ людей трудно обмануть именно вслѣдствіе ихъ простоты... Такое государство не нуждается въ многочисленныхъ законахъ; а когда является необходимость въ новомъ законѣ, она видна всѣмъ. Первый, кто предлагаетъ его, высказываетъ лишь то, что всѣ чувствуютъ, нѣтъ надобности ни въ проискахъ, ни въ краснорѣчіи, чтобы провести въ законъ то, что каждый заранѣе рѣшилъ дѣлать, какъ только убѣдится, что всѣ будутъ дѣлать то же самое.»

Образцомъ для этого изображенія послужили, очевидно, не государства древняго міра. Это скорѣе положеніе какого-нибудь изъ наиболѣе отсталыхъ кантоновъ Швейцаріи—республики крестьянъ, оставшихся въ горахъ, когда ихъ болѣе предпріимчивые соотечественники столпились въ долинахъ и завели тамъ промышленность и торговлю.

Но когда это единство начинаетъ разрушаться,

---

[114]) Ibid. кн. IV гл. I.

«когда даютъ себя чувствовать частные интересы, и маленькія общества начинаютъ вліять на большое, общественный интересъ извращается, онъ уже встрѣчаетъ противниковъ, единогласныя рѣшенія болѣе невозможны. Общая воля перестала быть волею всѣхъ, поднимаются противорѣчія, борьба; самое лучшее предложеніе не проходитъ безъ споровъ.

Наконецъ, когда близкое къ паденію государство продолжаетъ еще держаться лишь по пустой и призрачной формѣ, общественная же связь уже порвалась во всѣхъ сердцахъ, когда священнымъ именемъ общаго блага безстыдно прикрывается самая низкая алчность, тогда общая воля умолкаетъ. Руководимые тайными мотивами люди, подавая голоса, такъ же мало руководятся гражданскими соображеніями, какъ еслибы государство никогда не существовало, и подъ ложнымъ именемъ законовъ проводятъ несправедливые декреты, имѣющіе цѣлью лишь частную выгоду». [115])

Но частная выгода, разнообразіе, сложность и напряженность личныхъ заботъ и интересовъ еще рѣшительнѣе подкапываютъ свободу съ другой стороны. Поглощенные своими личными, домашними дѣлами, граждане начинаютъ тяготиться общественными обязанностями, предпочитаютъ замѣщать себя депутатами въ законодательныхъ собраніяхъ, наемными войсками при защитѣ отечества и утрачиваютъ постепенно интересъ къ общественнымъ дѣламъ, отдавая всѣ помыслы личнымъ. А между тѣмъ, «какъ только начинаютъ говорить о дѣлахъ государства: *мнѣ что за дѣло?*—это государство слѣдуетъ считать погибшимъ». [116])

Понятно изъ всего этого, почему Руссо такъ настойчиво утверждалъ, что въ Европѣ нѣтъ законовъ, нѣтъ гражданъ и не можетъ быть нигдѣ, кромѣ одной Корсики. Гражданъ и законовъ, въ смыслѣ Руссо, не могло имѣть обширное государство. Въ немъ неизбѣжно разнообразіе

---

[115]) C S. кн. III, гл.XV.
[116]) Ibid.

условій, при которыхъ люди снискиваютъ свое пропитаніе, разнообразіе занятій, нравовъ и понятій. Одни и тѣ же законы не могутъ, слѣдовательно, соотвѣтствовать общему благу всего этого разнороднаго населенія, у котораго не можетъ поэтому выработаться и общей воли, способной выразиться въ законѣ, не говоря уже о трудности организаціи народныхъ собраній, воля которыхъ могла бы слиться въ одно цѣлое.

Не можетъ имѣть законовъ богатая (въ обычномъ значеніи этого слова) страна. «Фактически законы всегда полезны лишь собственникамъ и вредны тѣмъ, кто ничего не имѣетъ, поэтому общественный строй можетъ быть выгоденъ людямъ лишь, когда всѣ имѣютъ что-нибудь, и никто не имѣетъ ничего лишняго» [117]). Но совершенно уже невозможно сохраненіе законнаго строя тамъ, гдѣ есть граждане, достаточно богатые, чтобы подкупать другихъ, и достаточно бѣдные, чтобы быть вынужденными продавать свои голоса. А эти два состоянія нераздѣльны: гдѣ есть богачи, тамъ есть и соотвѣтствующіе имъ голодные оборванцы.

Свободу греческихъ республикъ, при той высокой степени развитія, на которой онѣ стояли, а также продолжительность ея сохраненія въ Римѣ, не смотря на значительные размѣры государства и степень цивилизаціи, достигнутой при республикѣ, Руссо могъ объяснить себѣ лишь чрезвычайной мудростью законодателей, которыхъ имъ посчастливилось имѣть въ самомъ началѣ своего государственнаго существованія [118]).

Но не смотря на всю мудрость законовъ, на весь патріотизмъ гражданъ, свобода этихъ республикъ сохранялась благодаря рабству, дозволявшему свободнымъ людямъ отдавать и время, и помыслы общественнымъ дѣламъ. «У грековъ все, что народъ долженъ былъ дѣлать (для государства), онъ дѣлалъ самъ: онъ безпрестанно собирался на площади... Онъ не былъ жаденъ;

---

[117]) Кн. I гл. IX.

[118]) О роли этихъ мудрыхъ законодателей въ воззрѣніяхъ Руссо скажемъ дальше.

рабы исполняли его работы; его главнымъ дѣломъ была свобода... Вы («современные народы, считающіе себя свободными», т. е. англичане и въ особенности женевцы, для назиданія которыхъ предназначался Contrat Social) больше заботитесь о своихъ барышахъ, чѣмъ о своей свободѣ, и гораздо меньше боитесь рабства, чѣмъ нужды. Какъ! Свобода держится, лишь опираясь на рабство?» [119]) спрашиваетъ себя Руссо отъ лица читателя и отвѣчаетъ утвердительно. Да, существуютъ несчастныя обстоятельства, въ которыхъ находились и греческія республики, когда гражданинъ можетъ быть совершенно свободенъ, лишь при полномъ рабствѣ раба. «Что же касается до васъ, новѣйшіе народы, рабовъ вы не имѣете, но вы сами рабы».

Зная по опыту способность читателей, а въ особенности писателей, дѣлать изъ его словъ самые нелѣпые выводы, Руссо немедленно же предупреждаетъ ихъ: «Изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы я совѣтовалъ завести рабовъ или считалъ рабство законнымъ, такъ какъ я доказалъ противное: я просто излагаю причины, по которымъ современные народы, считающіе себя свободными, имѣютъ представителей, а древніе ихъ не имѣли» [120]).

---

[119]) „C. S.“ кн. III, гл. XV.

[120]) На «современные народы» оговорка Руссо подѣйствовала. Но черезъ 101 годъ послѣ его смерти въ Россіи появляется «историческая диссертація г. Карѣева («Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи»), гдѣ (на стр. 279), на основаніи той же кн. III, гл. XV C. S., не смотря ни на какія оговорки, Руссо обвиняется въ томъ, что косвенно *оправдывалъ* рабство. Вольтеръ приписывалъ Руссо патріотическое желаніе видѣть женевцевъ обоего пола занимающимися въ голомъ видѣ танцами и гимнастическими упражненіями на площадяхъ родного города. Вольтеръ имѣлъ для этого гораздо больше основаній, чѣмъ г. Карѣевъ. Въ „Письмѣ къ Д'Аламберу о спектакляхъ» Руссо дѣйствительно съ большой симпатіей говоритъ объ общественныхъ увеселеніяхъ и упражненіяхъ спартанцевъ. Тѣмъ не менѣе. со стороны Вольтера, это была просто злая шутка, онъ не разсчитывалъ на то, что кто-нибудь ему повѣритъ. Господинъ же Карѣевъ говоритъ совершенно серьезно, а г. В. В. ему вполнѣ вѣритъ.

Такъ какъ Руссо вообще не стремился подыскивать всему злому злыхъ причинъ, а хорошему хорошихъ, такъ какъ, въ его представленіи, зло часто порождало добро, которое въ свою очередь вырождалось въ зло, то *подобнаго рода оправданій* всего по его же мнѣнію злого и *осужденій* всего хорошаго у него

Ту же мысль о несовмѣстимости преданности общественнымъ дѣламъ съ поглощеніемъ всѣхъ помысловъ и времени гражданъ частными (неизбѣжнымъ при цивилизаціи, но отсутствовавшемъ у грековъ и римлянъ, благодаря рабству) Руссо повторяетъ въ девятомъ «Письмѣ съ Горы», на этотъ разъ обращаясь прямо къ женевцамъ: «Вы не римляне, не спартанцы; вы даже не аѳиняне. Оставьте въ покоѣ эти великія имена, которыя вамъ вовсе не идутъ. Вы торговцы, ремесленники, буржуа, вѣчно занятые своими частными интересами, своей работой, торговлей и барышами, для которыхъ сама свобода является лишь средствомъ пріобрѣтать безъ помѣхи и владѣть безъ опасеній». Онъ далѣе старается убѣдить женевцевъ, что, несмотря на отсутствіе у нихъ досуга, какимъ пользовались греки, имъ все же не слѣдуетъ отдавать всѣхъ общественныхъ дѣлъ въ безконтрольное распоряженіе правительства, а лишь позаботиться объ удобствахъ контроля, о возможномъ облегченіи для себя такъ не охотно выполняемыхъ общественныхъ дѣлъ. «Такъ какъ желать совершенно отъ нихъ избавиться значитъ желать перестать быть свободными. Надо выбирать.... тѣмъ, кто не можетъ выносить общественныхъ заботъ, остается искать спокойствія въ рабствѣ».

III.

Мы знаемъ теперь, что «демократія», требовавшая, по мнѣнію Руссо, столькихъ трудно соединимыхъ условій и такой высокой степени добродѣтели, всюду, поскольку хватаютъ изслѣдованія — предшествовала образованію классоваго государства, «осудившаго родъ человѣческій на трудъ, рабство и нищету въ пользу честолюбцевъ», и была въ духѣ, въ смыслѣ самого Руссо, несравненно

можно найти безъ конца. Въ томъ-то и дѣло, что онъ, вопреки мнѣнію г. Карѣева, не былъ ни метафизикомъ, ни «просвѣтителемъ» ни, что въ сущности то же самое, «субъективнымъ» мыслителемъ.

совершеннѣе, чѣмъ онъ осмѣливался когда-нибудь представить себѣ самую лучшую изъ демократій.

Припомните въ самомъ дѣлѣ ту часть знаменитой книги Моргана, гдѣ говорится объ общественной организаціи Ирокезовъ. Если бы не знать заранѣе, что это результаты долголѣтнихъ изслѣдованій Моргана, можно бы подумать (въ особенности при чтеніи краткаго резюме Энгельса [121]), что читаешь преувеличенную, вдавшуюся въ крайность, иллюстрацію ко взглядамъ Руссо на условія, необходимыя для существованія демократіи. «Нужно большое равенство по положенію и имуществу»,— у краснокожихъ оно такъ абсолютно, какъ не могъ вообразить себѣ Руссо, близко знакомый лишь съ міромъ частной собственности. Нужна простота нравовъ, единство интересовъ и взглядовъ,—у краснокожихъ всѣ рѣшенія всегда принимаются единогласно. Нужно, чтобы частные интересы подчинялись общимъ, чтобы гражданинъ, отрѣшившись отъ своего *я*, чувствовалъ себя лишь частью цѣлаго. У Ирокезовъ въ сущности нѣтъ частныхъ интересовъ, отъ которыхъ имъ нужно было бы отрѣшаться. У нихъ, по выраженію Энгельса, «нѣтъ еще никакого различія между правами и обязанностями». Участіе въ общественныхъ дѣлахъ является для нихъ такимъ же правомъ или все равно—обязанностью, какъ ѣсть, пить и ходить на охоту. Для прочности строя нужна, наконецъ, твердость нравовъ и обычаевъ. Нравы и обычаи краснокожихъ Сѣверной Америки были почти такъ же тверды, какъ нравы пчелъ или бобровъ. Цѣлыя столѣтія прожили они бокъ о бокъ съ самымъ прогрессивнымъ, самымъ хищнымъ изъ цивилизованныхъ народовъ, и тѣснимые со всѣхъ сторонъ, они постепенно вымирали, какъ бобры, не подчиняясь слишкомъ чуждымъ имъ обычаямъ, не превращаясь въ «меньшихъ трудящихся братьевъ» своихъ просвѣщенныхъ сосѣдей. Добычливымъ янки не удалось выжать изъ нихъ ни капли прибавочной стоимости.

---

[121]) „Der Yrsprung der Familie“ и проч., гл. III и начало IX.

Не имѣя понятія о родовомъ строѣ, изъ котораго развился политическій, Руссо не могъ предположить, что всѣ эти античныя свободы, античный патріотизмъ и участіе всѣхъ гражданъ въ общественныхъ дѣлахъ были лишь переживаніями исконнаго, болѣе тѣснаго союза, основаннаго на кровномъ родствѣ его членовъ, въ политическомъ государствѣ, основанномъ на обладаніи извѣстной территоріей, насобственности, на владѣніи рабами, которые сперва были лишь иноплеменниками.

Всѣ теоретическія затрудненія Руссо вытекали именно изъ того представленія, что нравственное единство гражданъ, необходимое для существованія законнаго государства могло возникнуть лишь вмѣстѣ съ возникновеніемъ этого государства. Ему приходилось понять, какимъ образомъ вновь возникающій общественный строй превращалъ индивидуалистовъ въ гражданъ, переносилъ ихъ абсолютное *я* въ общественное цѣлое, тогда какъ въ дѣйствительности извѣстный ему героическій періодъ античныхъ республикъ былъ, наоборотъ, началомъ постепеннаго развитія абсолютнаго *я* частныхъ собственниковъ, началомъ выработки индивидуализма, пріостановленной завоеваніемъ Рима варварами, въ которыхъ было еще сильно «мы» родовой организаціи, но затѣмъ снова двинувшейся впередъ, сперва медленно, затѣмъ все скорѣе и скорѣе, въ особенности съ эпохи «возрожденія». Во времена Руссо индивидуализмъ приближался къ своему апогею, наконецъ достигнутому въ ничѣмъ не связанномъ и ненасытномъ буржуазномъ *я*, царящемъ въ верхнихъ ярусахъ капиталистическаго строя, въ то время какъ на днѣ этого строя быстро вырабатывается новое великое *мы*, уже не ограничивающееся маленькимъ племенемъ, помнящимъ свое кровное родство, а стремящееся охватить всю ту часть цивилизованнаго человѣчества, которая была «осуждена на неравный трудъ... въ пользу горсти честолюбцевъ».

Для Руссо, принимавшаго моментъ образованія государства за первый моментъ образованія общественнаго союза, появленіе необходимой для него солидарности,

«общей воли» было еще объяснимо у такихъ отсталыхъ племенемъ, гдѣ государство возникло не вслѣдствіе мѣстной борьбы между имущими и неимущими, а лишь изъ необходимости оградить себя отъ ранѣе перешедшихъ къ государственной жизни сосѣдей. У такого отсталаго народа интересы всѣхъ еще одинаковы, общая польза никому не вредна; чтобы видѣть, въ чемъ она заключается, совершенно достаточно простого здраваго смысла.

Но Руссо отлично видѣлъ, что законы античныхъ республикъ писаны вовсе не для такого однороднаго населенія. Онъ зналъ, что въ Римѣ въ лучшія времена шла борьба между патриціями и плебеями. Не та борьба временъ паденія республикъ, гдѣ каждый вотируетъ, руководимый личными, тайными мотивами, не помышляя объ общей пользѣ. «Тамъ (въ Римѣ) было, такъ сказать, два государства въ одномъ», двѣ цѣльныхъ общихъ воли. Внутри народной партіи борьбы не было и «въ самыя бурныя времена плебисциты народа, когда сенатъ не вмѣшивался, проходили всегда спокойно и огромнымъ большинствомъ голосовъ» [122]). Борьба между этими «двумя государствами» входила въ самую конституцію Рима, была урегулирована его законами. Нѣсколько боровшихся между собою частей населенія, имѣвшихъ каждая свои отдѣльные интересы и свою общую волю, существовало также въ Аѳинахъ, и Солонъ, подобно Нумѣ и Сервію, предусмотрѣлъ это въ своихъ законахъ. Лишь благодаря этимъ мудрымъ законамъ народъ могъ сохранить за собой законодательную и даже многія функціи исполнительной власти. Законы Спарты предполагаютъ рабство, т. е. очень значительную степень развитія; но посредствомъ присвоенія рабовъ не отдѣльнымъ лицамъ, а всѣмъ спартанцамъ, какъ цѣлому, они устраняли борьбу интересовъ между гражданами, а, слѣдовательно, и раздѣленіе ихъ на партіи.

---

[122]) „C. S.“ кн. IV, гл. II.

Какъ могъ Руссо со своей точки зрѣнія объяснить себѣ эти законодательства, въ особенности спартанское? Они не могли быть навязаны народу сверху, чужой силой, какъ илотамъ ихъ положеніе. Вѣдь всѣ эти законодательства гарантировали народу полную возможность не принять ихъ, а принявши, тотчасъ же отмѣнить. Они не могли быть также плодомъ простого здраваго смысла самихъ гражданъ. Они слишкомъ мудры, сложны для этого. Спартанскіе законы заранѣе предполагаютъ въ гражданахъ такую преданность общимъ интересамъ, какая могла быть лишь результатомъ уже начавшейся государственной жизни. Законы, противорѣчащіе нравамъ и обычаямъ народа, не могутъ быть имъ приняты, но эти сложныя, мудрыя законодательства не могли и вытечь изъ самихъ нравовъ и обычаевъ. И тѣ, и другіе могутъ вполнѣ сложиться лишь при государственной жизни. Обычаи, регулирующіе отношенія между семьями, могутъ сложиться лишь при многочисленныхъ, тѣсныхъ и мирныхъ сношеніяхъ между ними, а, по предположенію Руссо, до начала государственной жизни сношенія между семьями отсталыхъ племенъ были очень не тѣсныя, а у болѣе развитыхъ—не мирныя.

Классическая литература отвѣчала Руссо, что всѣ эти законы были писаны мудрыми законодателями. Онъ принимаетъ это какъ фактъ, но остается предъ такимъ фактомъ въ полнѣйшемъ изумленіи; складываетъ предъ нимъ все свое умственное оружіе. Вся глава о «законодателѣ» [123]) наполнена доказательствами, что это какое то совершенно необъяснимое, сверхъ-естественное существо. Въ самомъ дѣлѣ вѣдь его законы пишутся для гражданъ, которыхъ въ то время, когда они пишутся, еще нѣту, они должны соотвѣтствовать тѣмъ нравамъ и обычаямъ, которые создадутся у теперешнихъ индивидуалистовъ подъ вліяніемъ этихъ самыхъ законовъ. Руссо никогда не допускалъ мысли, (хотя всѣ, зачисляющіе его въ представители *господствовавшаго* въ *XVIII* вѣкѣ

[123]) Кн. II, гл. VII.

метода мышленія и изобрѣтатели «законовъ природы», ему ее навязывали), чтобы могло быть «совершенное законодательство», пригодное для всѣхъ народовъ, на всѣхъ ступеняхъ ихъ развитія и при различныхъ условіяхъ почвы и климата [124]). Наоборотъ, по его убѣжденію законы имѣютъ силу, лишь когда строго соотвѣтствуютъ всѣмъ условіямъ, и внѣшнимъ, и внутреннимъ, даннаго народа. Законодатель долженъ, слѣдовательно, нѣкоторымъ образомъ предугадать свой народъ. Но еще необъяснимѣе, еще чудеснѣе, по убѣжденію самого Руссо, принятіе народомъ этого законодательства, налагающаго на него, какъ въ Спартѣ, тяжелыя лишенія, жертвующаго его настоящими, единственными видными для него интересами,—будущимъ. Чтобы будущая полезность этихъ суровыхъ законовъ могла быть доказана народу посредствомъ логическихъ разсужденій, этого Руссо не допускалъ. «Такимъ образомъ», говоритъ онъ, «не имѣя возможности употребить ни силы, ни разсужденій, законодатель долженъ былъ обратиться къ авторитету иного порядка, который могъ бы увлечь безъ насилія и убѣдить не доказывая», долженъ былъ «прибѣгнуть къ вмѣшательству неба и наградить боговъ своей собственной мудростью».

Нечего и говорить, что эти законодатели, достигавшіе своей цѣли лишь при помощи боговъ, не играли никакой роли во взглядахъ Руссо на современное ему человѣчество и его возможное будущее. Къ тому же давно исчезли, по мнѣнію Руссо, и тѣ боги, которые могли оказывать народамъ такія услуги. Языческіе боги были

---

[124]) Писать законы вовсе не такъ трудно, говоритъ Руссо въ „Письмѣ къ Д'Аламберу", „Ou est le plus petit écolier de droit, qui ne dressera pas un code d'une morale aussi pure que celle de lois de Platon? Mais ce n'est pas de cela seul qu'il s'agit; c'est d'approprier tellement ce code au peuple pour lequel il est fait et aux choses sur lesqulles on y statue, que son exécution s'ensuive du seul concours de ces convenances... Si quelquefois les lois influent sur les moeurs, c'est quand elles en tirent leur force... Mais ne nous flattons pas de voir Sparte renaître au sein du commerce et de l'amour du gain („Lettre à D'Alembert sur les spectacles").

національными богами, вождями, законодателями, правителями своего народа и врагами всѣхъ остальныхъ народовъ. Патріотизмъ язычниковъ сливался съ ихъ религіей, заботиться объ интересахъ государства значило служить богамъ, исполнять ихъ волю. Древніе боги были сами горячими патріотами, да не могли и не быть: они защищали свое собственное независимое существованіе. Покоренный народъ, теряя свое національное правительство, терялъ и боговъ, которые могли еще пользоваться какимъ почетомъ лишь въ томъ случаѣ, если побѣдитель давалъ имъ права гражданства въ своемъ пантеонѣ. Такъ дѣлали римляне и, распространивъ свое владычество на громадную часть извѣстнаго тогда міра, они населили постепенно свой пантеонъ, ставшій также пантеономъ и покоренныхъ народовъ, цѣлой массой разнообразнѣйшихъ божествъ. Язычество потеряло такимъ образомъ свой строго національный характеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ утратило свое гражданское значеніе, переставъ сливаться съ любовью къ отечеству и его учрежденіямъ. На такой почвѣ распространилось христіанство и совершенно отдѣлило религію отъ политики, перенесши отечество на небо. Чистое евангельское ученіе не можетъ служить поддержкой свободнымъ политическимъ учрежденіямъ. Оно можетъ создавать добрыхъ людей, но не гражданъ, — гражданскую добродѣтель оно наоборотъ убиваетъ. Оно проповѣдуетъ человѣколюбіе, но уничтожаетъ силу патріотизма [125]).

---

[125]) „Contr. Soc.“ кн. IV, гл. VIII. Защищаясь въ „Письмахъ съ горы“ отъ взведеннаго на него за эту главу обвиненія въ оскорбленіи христіанства, Руссо говоритъ: „C'est merveille de voir l'assortiment de beaux sentiments, qu' on va nous entasser dans les livres. Il ne faut pour cela que des mots et les vertus en papier ne coutent guéres; mais elles ne s'agences pas tout-à-fait ainsi dans le coeur de l'homme... Le patriotisme et l'humanité sont, par exemple, deux vertus incompatibles dans leur énergie, et surtot chez un peuple entier“. (Письмо I, примѣч. 9).

IV.

Очень распространено то мнѣніе, будто въ общественныхъ взглядахъ Руссо экономическія условія жизни народовъ не играли никакой роли, что какъ причинъ народныхъ бѣдствій, такъ и лекарствъ отъ нихъ онъ искалъ исключительно въ политической области. Г. Карѣевъ говоритъ объ этомъ, какъ о чемъ-то общепризнанномъ и не подлежащемъ сомнѣнію. Что-то въ этомъ родѣ думаетъ даже г. Южаковъ, хотя онъ и написалъ біографію Руссо [126]).

Г. Карѣевъ, по всему вѣроятію, ничего не думаетъ о Руссо кромѣ того, что это былъ круглый идіотъ, излагая взгляды котораго нѣтъ ни малѣйшей надобности искать въ нихъ хоть какого-нибудь смысла. Но ничего не думая, онъ пишетъ о немъ слѣдующее: «Экономическіе вопросы у него, *какъ извѣстно*, (курсивъ нашъ) сводились на задній планъ предъ вопросами политическими. Если, по выраженію Дэра, Вольтеръ не видитъ въ обществѣ другихъ недостатковъ, кромѣ власти духовенства и существованія религіозныхъ вѣрованій, то Руссо, по словамъ того же писателя, въ видѣ лѣкарства для страданій народныхъ, предлагаетъ политическую свободу Аѳинъ и Рима. Мы даже видѣли, что онъ косвенно оправдывалъ рабство съ точки зрѣнія этой свободы. Въ самыхъ нападкахъ Руссо на собственность, мы наблюдаемъ его особую, лично ему принадлежащую точку зрѣнія: въ собственности полагаетъ онъ le véritable fondement de la société civile, а разъ онъ во имя естественнаго состоянія объявилъ войну гражданскому обществу, онъ

---

[126]) „Русск. Бог.“ № 2, 1895 г. „Изъ современной хроники“. Расхваливая въ этой статьѣ безграничную широту взглядовъ „этико-соціологической школы“, г. Южаковъ говоритъ, что эта школа „не признаетъ исключительнаго значенія въ общественной жизни ни за экономическимъ элементомъ... ни за умственнымъ... ни за политическимъ, какъ Руссо и якобинцы, ни за нравственнымъ, какъ Л. Толстой“... ни даже за всѣми элементами вмѣстѣ взятыми. Слѣдовательно, Руссо признаетъ за *политическимъ* элементомъ *исключительное* значеніе?

не могъ явиться апологетомъ учрежденія, составляющаго, какъ онъ самъ признаетъ, истинное основаніе общества. Но такъ какъ, съ другой стороны, онъ приписываетъ собственности такое значеніе, то его ученіе развѣ только тѣмъ отличается отъ ученія физіократовъ, что выводитъ собственность болѣе изъ положительнаго, чѣмъ изъ естественнаго права». Такимъ образомъ, изображенный г. Карѣевымъ нелѣпый болтунъ свелъ на задній планъ экономическіе вопросы предъ политическими, но отнесся къ собственности такъ же, какъ физіократы, сводившіе предъ нею и вообще предъ экономическими вопросами всѣ остальные на задній планъ. Въ тоже время онъ лишилъ себя возможности явиться по примѣру физіократовъ апологетомъ собственности, такъ какъ въ попыхахъ объявилъ войну гражданскому обществу, которому собственность служитъ, по его признанію, истиннымъ основаніемъ. Война съ гражданскимъ обществомъ ничуть не помѣшала ему, однако, предлагать политическія учрежденія Аѳинъ и Рима, т. е. опредѣленныхъ гражданскихъ обществъ, въ видѣ лекарства для страданій народныхъ, и оправдывать затѣмъ рабство съ точки зрѣнія этого лекарства.

Приписать на одной страницѣ такую массу вздора одному и тому же человѣку—это уже роскошь, конечно, которую позволилъ себѣ здѣсь г. Карѣевъ [127]). Каждую

---

[127]) «Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи», стр. 278, 279. Пойти дальше нѣтъ, повидимому, никакой возможности. Но г. Карѣевъ, упоминая имя Руссо также и въ другихъ мѣстахъ своей книги, каждый разъ награждаетъ его какой-нибудь безсмыслицей. И, не смотря на все это, онъ на стр. 221 той же книги называетъ созданный имъ, такимъ образомъ, почти художественный типъ безсмысленнаго болтуна „лучшимъ представителемъ“ „господствовавшаго въ XVIII вѣкѣ метода соціологической метафизики“, выводившей нравственныя предписанія и даже политическія учрежденія изъ естественнаго права, естественнаго закона и проч. Если таковъ былъ „лучшій“ представитель, каковы же были „худшіе“?! Однако, излагая взгляды этихъ „худшихъ“, дѣйствительно придерживавшихся упомянутаго метода, г. Карѣевъ, видимо, старается понять, что именно они хотятъ сказать, и воздерживается отъ приписыванія имъ абсолютныхъ безсмыслицъ, приберегая ихъ всѣ для Руссо. Никакихъ причинъ злостно преслѣдовать этого послѣдняго у г. Карѣева нѣтъ и быть не можетъ. Все дѣло въ томъ,

изъ собранныхъ здѣсь нелѣпостей (кромѣ «оправданія» рабства, являющагося, повидимому, оригинальнымъ открытіемъ) кто-нибудь да приписалъ Руссо раньше г. Карѣева, но, насколько намъ извѣстно, никто не потрудился собрать ихъ вмѣстѣ. Всю коллекцію мы привели просто для образца изложенія взглядовъ Руссо съ «интеллигентной» точки зрѣнія. Занимаетъ насъ въ настоящій моментъ главнымъ образомъ лишь утвержденіе, что Руссо не придавалъ, «какъ извѣстно», значенія экономической сторонѣ жизни, сведя ее на задній планъ предъ политической.

Чтобы опредѣлить, насколько Руссо «былъ силенъ въ политической экономіи», г. Карѣевъ «невольно обращается за отвѣтомъ» къ его статьѣ въ «энциклопедіи» подъ рубрикой «политическая экономія» и соглашается «съ отзывами лицъ, которыя находятъ ее весьма посредственнаго свойства». Намъ кажется, что какъ бы ни была статья посредственна, прежде всего г. Карѣевъ долженъ бы убѣдиться, что въ ней рѣчь идетъ совсѣмъ не о томъ, что теперь носитъ названіе «политической экономіи», а вообще изъ энциклопедіи могъ бы убѣдиться, что тѣ вопросы, которые теперь входятъ въ составъ вышеупомянутой науки, трактуются тамъ подъ иными различными рубриками. Изслѣдованіе законовъ производства, обмѣна и распредѣленія тогда еще только начиналось. И этого рода изслѣдованіемъ Руссо спеціально не

что, какъ ни презрительно относится онъ къ „соціальной метафизикѣ“, во всѣхъ общественныхъ вопросахъ онъ стоитъ на одной точкѣ зрѣнія съ ея послѣдователями и поэтому понимаетъ ихъ и не можетъ понять діалектики Руссо. Почему во Франціи плохо разрѣшенъ, по мнѣнію г. Карѣева, „крестьянскій вопросъ“? Потому что французское образованное „общество“, недостаточно альтруистичное и введенное въ заблужденіе ложными принципами, не обращало на этотъ вопросъ достаточнаго вниманія и предоставило крестьянъ ихъ судьбѣ. Почему у насъ этотъ „вопросъ“ получаетъ (по мнѣнію г. Карѣева и его единомышленниковъ) гораздо лучшее разрѣшеніе? Потому что къ его рѣшенію приложенъ лучшій „принципъ“ и болѣе альтруистичная интеллигенція имъ пристально занимается. Тоже по существу говорили и просвѣтители XVIII вѣка о причинахъ какъ прошлаго неблагополучія человѣчества, такъ и предстоящаго ему благополучія.

занимался. Но, съ одной стороны, въ то время, когда капитализмъ былъ еще въ зачаточномъ состояніи, когда натуральное хозяйство въ деревняхъ, производство на заказчиковъ въ городахъ еще боролось съ начинавшимъ водворяться товарнымъ производствомъ, экономическіе вопросы были видны простому невооруженному спеціальными знаніями глазу. Съ другой—мы отлично знаемъ, какъ часто самыя подробныя спеціальныя знанія по политической экономіи мирно уживаются съ полнѣйшимъ непониманіемъ соотношенія между экономической жизнью даннаго общества, его умственнымъ и нравственнымъ состояніемъ и его политическимъ строемъ. Руссо же, не смотря на то, что не написалъ никакого спеціальнаго изслѣдованія ни по одному изъ вопросовъ политической экономіи, понималъ это соотношеніе едва-ли не яснѣе всѣхъ своихъ современниковъ, а также и г. Карѣева, Южакова и проч. Не замѣтить, что для Руссо основнымъ факторомъ въ развитіи человѣчества является производство—развитіе «способовъ удовлетворенія потребностей»—можно только, читая его произведенія — «Разсужденіе о неравенствѣ» въ особенности — съ единственной цѣлью искать въ нихъ рецептовъ или «красотъ», по совѣту Лагарпа.

Тѣмъ не менѣе распространенность того мнѣнія, будто Руссо все сводилъ къ политическимъ вопросамъ и игнорировалъ экономическія, имѣетъ основаніе не въ произведеніяхъ этого писателя, конечно, но въ исторической судьбѣ одного изъ этихъ произведеній, а именно «Общественнаго Договора».

Демократическому теченію послѣдняго десятилѣтія XVIII вѣка нужна была идейная основа, свое отличительное знамя, вокругъ котораго могли бы группироваться его активные элементы. А изъ крупныхъ писателей этого вѣка Руссо былъ единственнымъ, стоявшимъ всецѣло на сторонѣ народа, единственнымъ демократомъ въ серьезномъ смыслѣ этого слова. Не въ смыслѣ желанія добра народу—добра ему хотѣли всѣ отъ короля до самаго крайняго оратора Палерояля — а въ смыслѣ

отчетливаго пониманія противоположности интересовъ трудящихся классовъ съ интересами высшихъ слоевъ населенія, какъ бы теоретически добры, просвѣщенны и полны желанія его облагодѣтельствовать они ни были. Въ этой послѣдней оговоркѣ и заключалась вся сила. Многіе противопоставляли les miserables высшимъ классамъ въ ихъ качествѣ des grands, des riches. Мабли занимался этимъ никакъ не менѣе Руссо. Но его убѣжденіе, что народъ долженъ быть въ сторонѣ отъ общественныхъ дѣлъ, а осуществлять его благо призваны тѣже высшіе классы, но уже въ качествѣ просвѣщенныхъ и добродѣтельныхъ мудрецовъ, его вражда къ демократіи, дѣлала его непригоднымъ въ качествѣ умственнаго вождя крайняго наиболѣе демократическаго теченія. Годился для этого одинъ Руссо. Но изъ всѣхъ его произведеній только изъ «Общественнаго Договора» можно было съ грѣхомъ пополамъ извлечь хоть что нибудь такое, что можно было приноровить къ текущимъ событіямъ. Для этого надъ нимъ приходилось произвести самую радикальную операцію, выкинуть самыя существенныя его идеи: опредѣленіе закона и выясненіе тѣхъ условій, при которыхъ народъ можетъ имѣть «общую волю», можетъ являться peuple souverain. Но, хоть и совершенно извращенный, по необходимости «Общественный Договоръ» дѣйствовалъ въ своемъ истинномъ направленіи. Съ нимъ въ рукахъ якобинцы отстаивали самые существенные— не настоящіе пожалуй, а будущіе — интересы народа.

По нему боролись они противъ раздѣленія гражданъ на активныхъ и пассивныхъ и отстояли всеобщее избирательное право, получившее такое значеніе для рабочихъ въ XIX вѣкѣ. По нему кричали они народу о его великомъ значеніи и увѣряли его, что онъ peuple souverain. Въ смыслѣ Руссо этотъ суверенитетъ ни на одно мгновеніе не былъ и не могъ быть осуществленъ въ тогдашней Франціи. Но даже извращенное туманное понятіе объ политической, и общественной самодѣятельности народа, которое заронили эти крики, оставило неизгладимый слѣдъ и положило начало «освобожденію

народной души отъ пороковъ и трусости рабовъ, безъ котораго невозможно и освобожденіе его «тѣла» [128]).

Но получившій такое громадное исключительное значеніе, ставшій «катехизисомъ» якобинцевъ, «Общественный договоръ» по самому своему предмету не могъ касаться экономическихъ вопросовъ. Къ предмету этого произведенія относятся, по словамъ самого автора [129]), только законы политическіе, носящіе также названіе основныхъ государственныхъ законовъ. О гражданскихъ же законахъ (lois civiles), говорящихъ объ отношеніяхъ членовъ государства какъ между собою, такъ и къ цѣлому обществу, онъ упоминаетъ въ этой книгѣ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ.

Для общаго блага законы должны поддерживать независимость гражданъ другъ отъ друга и равенство, безъ котораго зависимость неизбѣжна. «Именно потому что сила вещей постоянно стремится разрушить равенство, сила законодательства должна стремиться сохранять его». Законы должны быть направлены къ тому, «чтобы каждый гражданинъ былъ въ полнѣйшей независимости отъ государства. Средства, ведущія къ этимъ двумъ цѣлямъ, одни и тѣже, такъ какъ ничто кромѣ силы государства не дѣлаетъ его членовъ свободными» [130]).

Не надо забывать, какъ это дѣлаетъ Луи Бланъ и многіе другіе, что по Руссо тамъ, гдѣ распоряжается независимое отъ народа правительство, государство уже разрушено, а существуетъ лишь господство.

«Сила государства», о которой онъ говоритъ, это—коллективная сила самого народа, заключающаяся въ возможности выражать въ законахъ свою общую волю и черезъ правительство заставлять всѣхъ и каждаго подчиняться этимъ законамъ.

Гдѣ есть имущественное неравенство, а слѣдовательно

---

[128]) Слова Руссо изъ „Considérations sur le Gouvernement de la Pologne“, къ которымъ намъ придется возвратиться.

[129]) Cont. Soc. кн. II, гл. XII.

[130]) „Общ. Дог.“ кн. II, гл. XII.

и тенденція меньшинства увеличивать это неравенство и ставить большинство отъ себя въ зависимость (а сила вещей вездѣ создаетъ какъ неравенство, такъ и эти тенденціи), тамъ сила государства должна, очевидно, стѣснять меньшинство въ осуществленіи его цѣлей. Полнѣйшая зависимость гражданъ отъ государства, создающая свободу большинства—такъ какъ она мѣшаетъ его членамъ попадать въ зависимость отъ членовъ меньшинства—можетъ, а при расшаткѣ обычаевъ даже должна,—показаться этимъ послѣднимъ хуже неволи. Понятіе Руссо о свободѣ также отличалось отъ общепринятаго, какъ и о законѣ.

Принадлежность верховной законодательной власти всему народу — необходимое условіе существованія свободнаго государства, но организація народныхъ собраній, способъ подачи голосовъ, форма правленія—все это не можетъ не быть различно для каждаго народа, смотря по его численности, степени развитія и величинѣ территоріи.

Еще менѣе возможны были съ точки зрѣнія Руссо подробные проэкты гражданскихъ законовъ, одинаково пригодные для двухъ народовъ, не говоря уже о совершенномъ законодательствѣ, пригодномъ для всѣхъ. Поддерживать равенство и независимость гражданъ другъ отъ друга должно быть цѣлью всякаго народнаго законодательства, но средства для достиженія этой цѣли не могутъ не быть различны. Одни и тѣже законы, регулирующіе экономическія отношенія, не могутъ существовать въ городской республикѣ, для которой промышленность и торговля необходимы и, являясь занятіемъ большинства гражданъ, совмѣстимы съ благосостояніемъ и свободой, и для мало населенной земледѣльческой страны. Какими мѣрами могла бы поддерживать, по мнѣнію Руссо, равенство и независимость гражданъ отсталая земледѣльческая республика, видно изъ его проэкта законодательства для Корсики [131]). Корсика давно была любимой и

---

[131]) Послѣ Руссо осталось двѣ рукописи, относящіяся до Корсики: одна

единственной мечтою Руссо. Страна съ оригинальными, полудикими нравами, не знающая ни торговли, ни промышленности, въ которой долголѣтняя борьба съ Генуей сильно развила чувство общаго единства, горячій патріотизмъ и въ тоже время совершенно раззорила и почти уничтожила бывшую тамъ раньше первобытную родовую аристократію; такая страна была единственнымъ уголкомъ въ Европѣ, который по своему внутреннему состоянію могъ бы, если не помѣшаютъ сосѣди, стать на время жилищемъ не угнетаемаго, не обираемаго народа, живущаго для себя, а не для цивилизаціи.

Онъ совѣтуетъ корсиканцамъ, благо вывозъ хлѣба прекратился, позаботиться о томъ, чтобы онъ не возобновлялся, и запретить внѣшнюю торговлю, а въ отдѣльной рукописи, состоящей изъ отрывочныхъ замѣтокъ, говоритъ: «помѣшать вывозу хлѣба значитъ въ корнѣ подрѣзать крупную собственность [132]). Уничтожить также и внутреннюю торговлю, къ сожалѣнію, невозможно, пока различныя мѣстности Корсики производятъ различныя продукты, но ее слѣдовало бы вести при посредствѣ правительства. Пусть въ каждомъ приходѣ ведутся записи, изъ которыхъ было бы видно, какихъ продуктовъ производится слишкомъ много для мѣстнаго потребленія и какихъ недостаточно. Слѣдуетъ стремиться къ тому, чтобы каждая мѣстность производила все для нея нужное. Скажутъ, что такимъ образомъ Корсика будетъ производить меньше продуктовъ, чѣмъ—спеціализируя культуры. Это вѣрно, соглашается Руссо, никогда не стремившійся соединять на бумагѣ несоединимыя на дѣлѣ вещи, но это зло меньшее, чѣмъ то, которое ведетъ за собою торговля! «Для Корсики лучше дурно употребить свои поля, чѣмъ людей» [133]).

хотя и незаконченная, но болѣе или менѣе отдѣланная, въ которой онъ обращается къ корсиканцамъ; другая, состоящая изъ отрывочныхъ замѣтокъ, очевидно, не назначенныхъ къ опубликованію. Обѣ напечатаны въ 1861 г. Streickeisen-Moulton. въ „Oeuvres et correspondances inédites de J. J. Rousseau".

[132]) „Oeuv. et corr." etc. стр. 127.

[133]) „Oeuv. et corr." стр. 92.

Вмѣсто всякихъ налоговъ онъ совѣтуетъ отдѣлить во всякой мѣстности извѣстный участокъ земли на нужды государства. Въ Корсикѣ есть еще свободныя земли, но если бы даже ихъ не хватило, гражданамъ было бы выгоднѣе удѣлить на нужды государства часть собственной земли, чѣмъ платить налоги. «Неужели вы думаете», спрашиваетъ Руссо, «что французскій крестьянинъ не отдалъ бы охотно двухъ третей той земли, которую обрабатываетъ, ради того, чтобы владѣть остальной третью, совершенно свободной отъ всякихъ налоговъ, оброковъ и десятины»? Но въ свободной Корсикѣ потребности государства не должны быть значительны, такъ какъ все, что можетъ быть сдѣлано личнымъ трудомъ, должно дѣлаться самими гражданами въ видѣ личной повинности, а не по найму. Посредствомъ личной же повинности (corvée) должны обрабатываться и государственныя земли съ правомъ для желающихъ замѣнять ее уплатой части продукта съ собственной земли.

Зная, сколько ненависти скопили феодальныя права около самаго слова corvée, Руссо оговаривается. Онъ не выдаетъ обязательныя работы гражданъ за абсолютное благо. Но налоги, деньги, необходимые при иной системѣ ведутъ, за собою неизмѣримо большее количество неотвратимыхъ бѣдствій. Руссо увѣренъ однако, что эти бѣдствія придутъ современемъ. Совершенно обходиться безъ производства на продажу Корсика можетъ лишь до тѣхъ поръ, пока не начнетъ извлекать изъ своей почвы всего, что она можетъ дать. Тогда при дальнѣйшемъ размноженіи населенія ей понадобится промышленность и торговля; тогда волей-неволей она измѣнитъ и свою конституцію и станетъ походить на сосѣднія страны. Въ настоящій же моментъ денежное обращеніе въ странѣ, торговля и налоги привели бы лишь къ полному обнищанію ея порѣдѣвшаго отъ долгой войны населенія.

Въ своихъ набросках законовъ для Корсики Руссо имѣлъ въ виду однородное, небольшое племя, не имѣвшее передъ этимъ самостоятельнаго политическаго существованія. Онъ могъ поэтому предлагать имъ наилучшій,

по его мнѣнію, политическій строй и такія рѣшительныя мѣры, какъ запрещеніе торговли. Другую задачу представляло законодательство большого, насчитывавшаго нѣсколько столѣтій независимаго существованія, польскаго государства.

Свои «Considérations sur le gouvernement de la Pologne» Руссо писалъ по просьбѣ графа Віельгорскаго для польскихъ дворянъ конфедератовъ, свободныхъ гражданъ «сжатаго» дворянскаго государства и одновременно деспотическихъ правителей крестьянъ и горожанъ. Въ полномъ согласіи со взглядами, высказанными во всѣхъ другихъ своихъ произведеніяхъ [134]), онъ предлагаетъ полякамъ лишь такія реформы, которыя кажутся ему осуществимыми. Онъ совѣтуетъ имъ сохранить въ общемъ свой политическій строй, устранивъ лишь нѣкоторыя злоупотребленія. Прямое народное законодательство въ такомъ громадномъ государствѣ было бы возможно лишь въ томъ случаѣ, если бы Польша разбилась на маленькія самостоятельныя республики, связанныя между собою лишь союзомъ противъ внѣшнихъ враговъ. Помимо этого представительство неизбѣжно. Польская же система представительства наилучшая, она неизмѣримо выше англійской. Частые выборы, а въ особенности обязательныя инструкціи посламъ и отчеты пословъ избирателямъ переносятъ въ сущности законодательную власть въ мѣстные избирательные сеймы. Нужно только усилить власть этихъ сеймовъ, дать имъ право наказывать посла, вотировавшаго противъ письменно выраженной воли избирателей. Совершенно уничтожить въ Польшѣ всякую торговлю и денежное обращеніе онъ не мечталъ, но предлагаемыя имъ мѣры и здѣсь проникнуты тѣмъ же стремленіемъ,—если не совершенно остановить какъ въ Корсикѣ, то замедлить по возможности переходъ натураль-

---

[134]) Вопреки мнѣнію г. Карѣева, утверждающаго, что Руссо „въ своемъ проектѣ конституціи для Польши дѣлаетъ не одно отступленіе отъ самыхъ основныхъ принциповъ своего знаменитаго политическаго трактата“. („Крестьяне во Франц.“ стр. 282.

наго хозяйства въ денежное. Налоги должны взиматься натурой и составлять опредѣленный процентъ урожая всѣхъ земель, кому бы онѣ ни принадлежали. Денежные налоги съ крестьянъ, вынуждающіе ихъ во чтобы то ни стало продавать свой хлѣбъ, онъ вообще считалъ страшнымъ бѣдствіемъ и неоднократно настаивалъ на этомъ съ особенной силой въ статьѣ о «Политической экономіи». Плата всѣмъ служащимъ должна тоже производиться натурой, избытокъ же хлѣба правительство можетъ продавать за границу [135]).

Главной цѣлью поляковъ, стремившихся къ пересмотру своей конституціи, было увеличеніе внѣшняго могущества государства для отпора сильнымъ сосѣдямъ. Въ числѣ различныхъ матерьяловъ, переданныхъ Віельгорскимъ Руссо для его работы, были проекты образованія въ Польшѣ большаго постояннаго войска. Руссо горячо возстаетъ противъ этихъ проектовъ. Постоянное войско истощитъ страну налогами, оно несовмѣстимо со свободой, оно гораздо пригоднѣе для завоеваній, чѣмъ для защиты, такъ какъ любитъ грабить, но не способно къ горячему патріотизму. Единственное спасеніе Польши въ милиціи на подобіе швейцарской. Безправные люди не могутъ быть, конечно, надежными защитниками отечества, котораго у нихъ нѣтъ. Но надѣливъ города, а затѣмъ и освобожденныхъ крестьянъ, политическими правами, Польша можетъ создать громадную военную силу, состоящую изъ цѣлаго народа вооруженнаго и обученнаго военному искусству. Такое войско удесятеритъ ея силы въ военное время и не будетъ почти ничего стоить ей въ мирное. Этой будущей силой Польши Руссо надѣется, повидимому, прельстить на освобожденіе крѣ-

---

[135]) И здѣсь, какъ въ трактатѣ о воспитаніи, Руссо возстаетъ противъ стремленія соединять несоединимое. „Il y a sans contredit d'excellentes vues économiques dans les papiers, qui m'ont été communiqués, говоритъ онъ. Le défaut que j'y vois est d'être plus favorables à la richesses qu' à la prospérité". Чтобы достигнуть первой цѣли, слѣдуетъ подражать сосѣднимъ націямъ, проекты Руссо направлены къ послѣдней. „Ne tentez pas surtout d'allier ces deux projets, ils sont trop contradictoires; et vouloir aller aux deux par une marche composée, c'est vouloir les manquer tous deux" (глава XI).

постныхъ польскихъ дворянъ, которыхъ считалъ большими патріотами. Въ такую эпоху, когда всѣ европейскія войны велись правительствами посредствомъ наемныхъ или завербованныхъ войскъ, Барская конфедерація, боровшаяся противъ иностраннаго вмѣшательства и потворствовавшаго ему короля, дѣйствительно могла внушить Руссо довольно высокое понятіе о польскомъ дворянствѣ и его гражданской доблести.

Г. Карѣевъ [136]), а за нимъ г. В. В. въ «нашихъ направленіяхъ» [137]) обвиняютъ Руссо въ томъ, что онъ совѣтывалъ польскимъ панамъ *не* освобождать крестьянскихъ тѣлъ, не освободивши сперва ихъ душъ. «Поэтому онъ рекомендуетъ польскимъ панамъ», говоритъ г. Карѣевъ, «отпускать на волю только тѣхъ крѣпостныхъ, которые заслужили этого своимъ хорошимъ поведеніемъ. Хотя для Руссо, какъ для римскихъ юристовъ, свобода и вытекаетъ изъ естественнаго права, но онъ, подобно античнымъ моралистамъ, ставитъ внутреннюю свободу выше внѣшней и готовъ требовать послѣдней не какъ реализаціи естественнаго права, а какъ награды за хорошее поведеніе»».

Какъ изъ этой цитаты, такъ и изъ всего содержанія предыдущихъ страницъ книги г. Карѣева, гдѣ рѣчь идетъ исключительно о гражданскомъ рабствѣ, о невольничествѣ, нельзя не вывести заключенія, что авторъ хочетъ увѣрить читателя, будто Руссо говоритъ о простомъ освобожденіи отъ крѣпостной зависимости, о той свободѣ, которою польскіе крестьяне пользуются въ настоящее время. Но у Руссо *объ одномъ такомъ освобожденіи* нѣтъ и рѣчи. Оно является у него лишь необходимымъ условіемъ политическаго освобожденія крестьянъ, надѣленія ихъ законодательной властью. На этотъ разъ, говоря съ господами, просвѣщенное меньшинство которыхъ могло начитаться о есте-

---

[136]) „Крест. во Фр.“ стр. 268.
[137]) Стр. 30.

ственномъ законѣ, отдающемъ посредствомъ естественнаго неравенства законодательную власть въ руки меньшинства, Руссо какъ нарочно начинаетъ именно со ссылки на естественный законъ. Законы Польши отдаютъ верховную власть въ руки одного дворянства. «Но законъ природы... говорящій въ сердцѣ и умѣ человѣка не дозволяетъ сжимать такимъ образомъ законодательную власть, не допускаетъ, чтобы повиновеніе законамъ было обязательно для тѣхъ, кто ихъ не вотировалъ лично, какъ послы или, по крайней мѣрѣ, черезъ представителей, какъ масса польскаго дворянства. Этотъ священный законъ никогда не нарушается безнаказанно; и то состояніе слабости, до котораго дошла такая великая нація, есть результатъ именно этой феодальной жестокости, отрѣзывающей отъ государственнаго тѣла ея самую многочисленную, а иногда и самую здоровую часть».

«Не дай Богъ, чтобы было нужно доказывать здѣсь такія вещи, для пониманія которыхъ нужно лишь немного здраваго смысла и сердца! И какъ можетъ Польша претендовать на могущество, откуда возьметъ она силы, когда сама-же произвольно душитъ ихъ въ своей средѣ?» [138]) Только прекративши такое положеніе польскіе дворяне могутъ разсчитывать быть свободными, «mais ne vous flattez jamais de l'être tant que vous tiendrez vos fréres dans les fers».

Руссо понимаетъ всю трудность этого предпріятія, всѣ препятствія не только со стороны своекорыстія, самолюбія и «предразсудковъ господъ» (т. е. тѣхъ же пановъ со стороны ихъ «частной воли», къ которымъ обращается какъ къ патріотамъ), но и со стороны «пороковъ и трусости рабовъ». Не всякій народъ способенъ вынести свободу. Руссо смѣется надъ людьми, которые съ «сердцами переполненными всѣми пороками рабовъ» толкуютъ о свободѣ, не имѣя понятія о томъ, какой цѣною она пріобрѣтается и сохраняется... Г. Карѣевъ въ

---

[138]) „Considérations sur le gouvernement de la Pologne" глава VI.

видахъ пущаго посрамленія Руссо обстоятельно цитируетъ всю эту тираду [139]), гдѣ очевидно рѣчь идетъ ни въ какомъ случаѣ не о невольничествѣ, какъ почему-то угодно утверждать г. Карѣеву, а о политическихъ рабахъ (парижанахъ, напримѣръ), толкующихъ о политической свободѣ.

Мы уже знаемъ, что, по мнѣнію Руссо, свобода сохраняется лишь цѣною подчиненія своихъ личныхъ интересовъ общественнымъ, а пороки рабовъ заключаются въ полнѣйшей неспособности горячо интересоваться общественными дѣлами, въ предпочтеніи спокойствія и довольства свободѣ. Польскихъ крестьянъ Руссо вовсе не считалъ такими безнадежными рабами, онъ увѣренъ, что ихъ освобожденіе можетъ вполнѣ удастся. Они могутъ сдѣлаться достойными свободы и способными переносить ее. «Ils ont en eux l'étoffe pour devenir tout ce que vous êtes» [140]), т. е. стать такими же патріотами, какъ и дворяне, но для этого нужно дѣйствовать постепенно,

---

[139]) «Крест. во Франц.» стр. 267—268. Той же заимствованной имъ у г. Карѣева цитатѣ г. В. В. предпосылаетъ такую нотацію: «Другая знаменитость 18 в., Руссо, другъ человѣчества вообще, бѣдныхъ по преимуществу, проповѣдникъ прелестей первобытнаго равенства и свободы, относительно реальныхъ попытокъ осуществленія этой свободы высказываетъ такія мысли». («Наши Направл.» стр. 30). Далѣе слѣдуетъ тирада Руссо, а затѣмъ измышленіе г. Карѣева относительно совѣтовъ панамъ «отпускать на волю только тѣхъ крѣпостныхъ, которые заслужили этого хорошимъ поведеніемъ». Выходитъ, такимъ образомъ, будто паны хотѣли сдѣлать «реальную попытку осуществленія» для всѣхъ крѣпостныхъ «прелестей *первобытной свободы*, а Руссо уговаривалъ ихъ наградить ею только нѣкоторыхъ за хорошее поведеніе.

Еслибы панамъ, дѣйствительно, пришла въ голову невѣроятная фантазія осчастливить польскихъ крестьянъ первобытной свободой въ смыслѣ Руссо, послѣдній навѣрное возсталъ бы противъ этого всей душой. Вѣдь для возстановленія первобытной свободы нужно было бы возстановить и первобытные способы удовлетворенія крестьянами своихъ потребностей т. е. нужно было бы отнять у нихъ скотъ и орудія, отучить ихъ отъ земледѣлія и прогнать ихъ въ лѣса для собиранья желудей, грибовъ, и орѣховъ, для занятія охотой (при помощи стрѣлъ и лука) и рыбной ловлей по берегамъ Вислы. Руссо навѣрное нашелъ бы недостойными *такой* свободы даже самыхъ «вѣрныхъ и примѣрныхъ» изъ всѣхъ «холоповъ».

[140]) „Cons." гл. VI.

подготовить ихъ къ освобожденію, сперва «освободить ихъ души».

На самомъ дѣлѣ, вѣдь то «освобожденіе», о которомъ говоритъ Руссо, отдавало судьбу всей Польши въ руки крестьянства какъ подавляющаго своей численностью класса. Произведя это освобожденіе сразу, можно ли было надѣяться, что крѣпостные съумѣютъ справиться съ этой нежданной свободой въ тотъ трудный моментъ, который переживала тогда Польша («Considérations» писаны между Барской конфедераціей и первымъ раздѣломъ)? Не слѣдовало ли опасаться, что крестьянскіе послы скорѣе станутъ на сторону, если не прямо чужеземцевъ, то ихъ креатуры—короля, чѣмъ превратятся въ вѣрныхъ союзниковъ своихъ вчерашнихъ господъ?

Для предотвращенія этой опасности Руссо предлагаетъ начать освобожденіе съ тѣхъ крестьянъ, которые такъ или иначе оказали какую нибудь помощь или хотя бы сочувствіе конфедератамъ во время послѣдней борьбы. Освободить, наградить ихъ всякими благами слѣдуетъ какъ можно болѣе гласно и торжественно. Затѣмъ—продолжать ежегодно освобождать въ каждой мѣстности извѣстный опредѣленный сеймомъ процентъ крестьянъ, отличающихся наилучшими нравами, хорошей обработкой своего поля, заботами о семьѣ и проч.

Какъ составлять списки крестьянъ, подлежащихъ освобожденію въ данномъ году и въ данной мѣстности, такъ и освобождать ихъ ни въ какомъ случаѣ не дѣло ихъ господина. Первое лежитъ на обязанности мѣстнаго выбраннаго комитета, а второе—сейма.

Заставить рабовъ, не имѣющихъ отечества, заранѣе полюбить его въ лицѣ освобождающаго ихъ сейма, въ которомъ они будутъ засѣдать; возбудить всеобщія ожиданія, а съ ними и общественные интересы: «un zéle ardent pour contribuer au bien public» — въ этомъ-то во всемъ, по мысли Руссо, и заключалось бы «освобожденіе душъ».

Число ежегодно освобождаемыхъ крѣпостныхъ тоже ни въ какомъ случаѣ не зависѣло бы, по его мысли, отъ того, сколько крестьянъ въ данномъ году вело себя

хорошо, а опредѣлялось заранѣе закономъ. Составить же первые кадры будущихъ гражданъ не изъ дураковъ или пьяницъ, съ которыхъ, быть можетъ, пожелали бы начать освобожденіе отдѣльные господа, было, конечно, очень важно для успѣха всего дѣла.

Когда въ каждомъ кантонѣ образовались бы группы свободныхъ семей, Руссо предлагалъ приступить къ освобожденію цѣлыми деревнями, съ приписанными къ нимъ общественными землями, «какъ въ Швейцаріи», и закончить освобожденіе крестьянъ, «возвративъ имъ, наконецъ, ихъ природное право» участвовать въ законодательствѣ. «On armerait tous ces paysans devenus hommes libres et citoyens et l'on finirait par avoir une milice vraiment excellente» [141]), прельщаетъ Руссо патріотовъ-пановъ.

Онъ, видимо, предполагаетъ, что на полное завершеніе «освобожденія душъ» понадобится лѣтъ 20, такъ какъ говоритъ, что послѣ этого срока полякамъ уже не придется опасаться русскихъ [142]).

Но предпочитая постепенное политическое освобожденію крестьянъ немедленному гражданскому, не оправдалъ ли Руссо сочувственно излагаемое г. Карѣевымъ мнѣніе Дэра (издателя и панегириста физіократовъ), по словамъ котораго «Руссо въ видѣ лекарства для страданій народныхъ предлагаетъ политическую свободу?»

Пожалуй что и такъ.

Каждый писатель, принадлежащій къ образованному обществу, къ интеллигенціи, желающій добра народу и знающій не мало рецептовъ отъ его бѣдствій, сталъ бы, конечно, уговаривать дворянъ, во имя справедливости, разума или человѣколюбія, немедленно освободить крестьянъ и затѣмъ самимъ же ихъ облагодѣтельствовать на тотъ или другой манеръ, смотря по любимому рецепту писателя. Привлечь къ землѣ капиталы крупныхъ фермеровъ, дать полную свободу конкуренціи и тѣмъ са-

---

[141]) «Consid.», гл. XIII.

[142]) Ibid. гл. XV.

мымъ доставить бывшимъ крѣпостнымъ обильный заработокъ—посовѣтовали бы физіократы со своимъ поклонникомъ Дэромъ.

Прикрѣпить крестьянъ къ землѣ (предполагая, что дѣло происходитъ въ послѣдней четверти XIX-го вѣка), завести у нихъ общинное землевладѣніе, а главное держаться какъ можно дальше отъ laisser faire, laisser passer и всячески тащить исторію туда, куда она не идетъ—посовѣтовалъ бы г. Карѣевъ вмѣстѣ съ русской интеллигенціей.

Не принадлежавшій къ «образованному обществу», Руссо зналъ, что никто кромѣ самого народа лѣчить народныхъ бѣдствій не можетъ и не будетъ, что простая отмѣна крѣпостнаго права была бы для него лишь замѣной зависимости каждой деревни отъ одного господина, лично заинтересованнаго, по меньшей мѣрѣ, хоть въ томъ, чтобы никто не грабилъ его крестьянъ кромѣ него самого, зависимостью всѣхъ деревень отъ всего дворянства, полновластно распоряжающагося всей государственной властію. Поэтому, не заводя и рѣчи о простомъ гражданскомъ освобожденіи, Руссо, во имя спасенія Польши отъ чужеземнаго ига, убѣждалъ пановъ поставить крестьянъ въ такое положеніе, при которомъ они сами были бы достаточно сильны, чтобы отстоять все то, что сочли бы своимъ благомъ. Можно сказать, конечно, что крестьяне не съумѣли бы составить хорошихъ инструкцій своимъ посламъ, что ихъ послы робѣли бы на сеймѣ предъ панами и плохо отстаивали бы интересы избирателей. Все это значило бы только, что крестьяне не успѣли еще вполнѣ освободиться отъ «пороковъ и трусости рабовъ», что ихъ «души» еще не совсѣмъ «свободны». Но Руссо могъ надѣяться, что одинъ-то изъ своихъ интересовъ крестьяне поняли бы скоро и не дали-бы до такой степени давить себя налогами, какъ были раздавлены крестьяне во Франціи, гдѣ «тѣлесная» зависимость ихъ отъ дворянъ почти всюду исчезла, и гдѣ сборщики всевозможныхъ поборовъ «мучили ихъ тысячью способами» лишь посредствомъ ихъ полей.

Но въ общемъ, не въ двадцать лѣтъ, конечно, могли освободиться крестьянскія души отъ равнодушія къ общественнымъ дѣламъ.

Вся умственная, нравственная и политическая исторія послѣдняго столѣтія въ западной Европѣ является въ своихъ главнѣйшихъ чертахъ исторіей постепеннаго освобожденія народной души отъ «пороковъ и трусости рабовъ»,—освобожденія далеко еще незаконченнаго относительно земледѣльческой части трудящагося населенія.

V.

Мы упоминали уже объ отношеніи Руссо къ передачѣ законодательной власти представителямъ и къ англійскому государственному строю въ частности. Въ XVIII в. это отношеніе было принято за выраженіе крайняго демократизма, вреднаго въ глазахъ однихъ, — идеальнаго, хотя и недостижимаго,—въ глазахъ другихъ. Той связи между вопросомъ о границахъ государственной власти вообще и парламентаризмомъ, которая образовалась въ умахъ писателей XIX вѣка и вызвала въ примѣненіи къ политическимъ взглядамъ Руссо множество недоразумѣній, тогда еще не было. Не было ея и у самого Руссо. Онъ былъ убѣжденъ, что въ чьихъ бы рукахъ ни находилась верховная власть, она останется властью издавать законы или приказы, сообразуясь со своими интересами. Придать законамъ самостоятельное, независимое отъ верховной власти, существованіе немыслимо. Свобода обезпечивается, поэтому, не самымъ содержаніемъ законовъ, которое всегда можетъ быть измѣнено, а обладаніемъ законодательной властью.

Для тѣхъ изъ современниковъ Руссо, которые имѣли наготовѣ болѣе или менѣе полную систему совершеннаго законодательства, главная сила была, конечно, въ содержаніи законовъ; но и для нихъ большая или меньшая степень государственной опеки и регламентаціи различныхъ сторонъ жизни не была связана съ вопросомъ о представительномъ правленіи. Физіократы, провозгла-

шавшіе неотъемлемость естественныхъ правъ человѣка на безконтрольное распоряженіе своей собственностью и вредоносность регламентаціи, были сторонниками абсолютной монархіи, которую такъ-таки и называли деспотіей. Мабли-же, предпочитавшій представительное правленіе, предлагалъ представителямъ обуздывать въ законодательномъ порядкѣ «страсти» своихъ избирателей и строжайшимъ образомъ регламентировать, ради обузданія «жадности», весь образъ жизни богатыхъ людей, не дозволяя имъ ни малѣйшей роскоши. Рекомендованный Монтескье англійскій государственный строй являлся привлекательнымъ главнымъ образомъ господствомъ законовъ, уничтожающимъ личный произволъ двора и различныхъ агентовъ исполнительной власти, но не ограниченіемъ компетенціи власти законодательной.

Современное понятіе о свободѣ окончательно сложилось и слилось съ идеей парламентаризма лишь въ XIX вѣкѣ, когда опредѣлились и основныя черты новаго экономическаго строя, которому соотвѣтствуетъ этотъ родъ свободы, обезпечиваемой парламентаризмомъ. Съ точки зрѣнія этихъ вновь установившихся понятій взгляды Руссо стали подвергаться особаго рода искаженію, которое мы считаемъ нужнымъ разсмотрѣть подробнѣе. Для примѣра мы возьмемъ отзывы о политическихъ взглядахъ Руссо двухъ извѣстныхъ у насъ писателей, одного сторонника, а другого противника буржуазнаго парламентаризма—Сореля и Луи Блана.

Характеризуя общими штрихами «политику философовъ» XVIII вѣка, которая «сводилась къ тому, чтобы могущество государства отдать на службу непогрѣшимости разума» [143]), Сорель, по очень распространенному обыкновенію, пристегиваетъ сюда и Руссо. Онъ цитируетъ Мерсье-де-ла-Ривьера и стараго Мирабо, прославлявшихъ абсолютную монархію,—Летрона, противопоставлявшаго ту легкость, съ какою реформы могутъ быть

---

[143]) Albert Sorel, „L'Europe et la révolution Française“ стр. 107.

произведены во Франціи, задержкамъ, могущимъ постигнуть ихъ въ Англіи, и вслѣдъ затѣмъ утверждаетъ, что въ этомъ съ ними сходился Руссо, ставившій англійскую націю «въ видѣ пугала для своихъ современниковъ». Въ такомъ сопоставленіи это совершенно невѣрно. Не для Франціи, во всякомъ случаѣ, могла Англія въ глазахъ Руссо служить пугаломъ. Онъ повторилъ вслѣдъ за Монтескье, что идея представительства зародилась во времена феодализма, говорилъ также, что англійскій народъ не свободенъ, что представители являются не выразителями его воли, а господами. Но въ томъ же «Общественномъ Договорѣ», гдѣ онъ говоритъ все это, онъ замѣчаетъ мимоходомъ, что изъ несвободныхъ народовъ, англичане всѣхъ ближе къ свободѣ, а въ «Письмахъ съ горы» [144]), сравнивая власть англійскаго короля съ властью женевскаго правительства, онъ отдаетъ полное предпочтеніе Англіи: ни малѣйшій произволъ со стороны исполнительной власти тамъ невозможенъ, равенство предъ закономъ и свобода критики дѣйствій чиновниковъ, министровъ и даже короля полнѣйшая. Въ этомъ отношеніи онъ ставитъ Англію въ видѣ примѣра для подражанія женевскому правительству, которое считалъ неизмѣримо выше французскаго [145]).

---

[144]) Письмо девятое.

[145]) Джонъ Морлей видитъ противорѣчіе между отзывами Руссо объ Англіи въ «Общественномъ Договорѣ» и «Considér. sur le Gouvern. de la Pologne» съ одной стороны и въ «Письмахъ съ горы» съ другой. Онъ объясняетъ это тѣмъ, что въ то время, когда Руссо писалъ послѣднее изъ названныхъ произведеній, онъ временно измѣнилъ свой первый взглядъ на Англію, а въ «Considérations» снова вернулся къ нему. Достаточно внимательно прочесть эти различные отзывы, чтобы увидѣть, что не взглядъ на англійскую конституцію мѣнялъ въ нихъ Руссо, а говорилъ о различныхъ сторонахъ англійскаго государственнаго строя. Въ „Общественномъ Договорѣ“ онъ говоритъ, что англійскій народъ не свободенъ отъ повиновенія *не имъ* изданнымъ законамъ, что въ законахъ выражена не его воля. Въ «Письмахъ съ горы» онъ говоритъ о свободѣ англійскаго народа какъ отъ нерегулированнаго никакимъ закономъ произвола агентовъ власти, такъ и отъ произвольнаго или лицепріятнаго примѣненій существующихъ, хотя и не имъ изданныхъ, законовъ. Это двѣ различныя свободы. Женевцы были свободнѣе англичанъ въ первомъ отношеніи и менѣе свободны въ послѣднемъ.

Дальше Сорель даетъ понять, почему «политика» Руссо кажется ему по существу одинаковой съ политикой сторонниковъ абсолютной монархіи и въ чемъ заключается, совершенно несущественное на его взглядъ, различіе между этими двумя политиками. «Вся его революція», говоритъ Сорель, «заключается въ перемѣщеніи верховной власти... въ возвращеніи ее народу, понимаемому такимъ, какимъ онъ былъ въ древнихъ республикахъ (т. е. по Руссо: народу, могущему выражать въ законахъ свою волю)». Уничтоженія верховной власти онъ не желаетъ, для него, по мнѣнію Сореля, «дѣло не въ томъ, чтобы заставить государство поступиться своимъ могуществомъ въ пользу свободы гражданъ, а въ томъ, чтобы во имя этого могущества принять крещеніе новой религіи» [146]). Эта послѣдняя фраза, выражающая лишь отношеніе Сореля ко взглядамъ Руссо, съ точки зрѣнія самого-то Руссо ни малѣйшаго смысла не имѣетъ [147]).

---

[146]) «L'Europe et la rév. Fr.» p. 108.

[147]) Г. В. В. («Наши направленія» стр. 42) цитируетъ эту фразу такимъ образомъ, что всякій подумаетъ, будто она принадлежитъ не Сорелю, а самому Руссо. Между тѣмъ эта фраза, не имѣющая смысла съ точки зрѣнія Руссо, не имѣетъ его и съ совершенно противоположной точки зрѣнія самого г. В. В. Приведемъ примѣръ, хотя и не имѣющій ни малѣйшаго отношенія къ предметамъ, о которыхъ идетъ рѣчь, но знакомый г. В. В. и поэтому могущій, быть можетъ, по аналогіи, объяснить ему, въ чемъ тутъ дѣло. Кабаки въ нашей деревнѣ могутъ быть закрыты какъ по приговору схода, такъ и по распоряженію г. Жеденева. Съ той точки зрѣнія, которую Сорель противопоставляетъ Руссо, а также, вѣроятно, и съ точки зрѣнія заинтересованныхъ кабатчиковъ, закрытіе кабаковъ будетъ въ обоихъ случаяхъ вопіющимъ деспотизмомъ, нарушеніемъ свободы. Съ точки зрѣнія Руссо, право населенія закрыть кабаки, вредящее по мнѣнію этого населенія его общимъ интересамъ, будетъ свободой. Отсутствіе этого права у населенія, но въ тожо время отсутствіе всякой возможности и для г. Жеденева закрыть кабаки по собственному произволенію, будетъ полусвободой, той несвободой, стоящей всего ближе къ свободѣ, которою пользовались англичане. Закрытіе же кабаковъ волею г. Жеденева будетъ полной несвободой. Съ точки зрѣнія г. В. В., такъ громко вопіявшаго противъ права крестьянъ продавать выкупленные ими надѣлы, такъ твердо убѣжденнаго, что лишь при низкомъ нравственномъ уровнѣ можно произнести извѣстную фразу: «laissez faire, laissez passer» и не поскрежетать при этомъ зубами, будетъ, очевидно, все равно, кто бы не закрылъ кабаки, лишь бы они были закрыты, разъ г. В. В. считаетъ ихъ вредными; онъ можетъ даже находить, что г. Жеденевъ закроетъ ихъ гораздо

Самодержавная власть, перемѣщенная въ руки самого народа, превращается въ свободу гражданъ дѣлать тѣ постановленія относительно общихъ условій своего существованія, которыя, по ихъ мнѣнію, соотвѣтствуютъ ихъ общимъ интересамъ, и отмѣнять тѣ, которыя не соотвѣтствуютъ. Могущество гражданъ можетъ при такихъ условіяхъ уменьшаться лишь вмѣстѣ съ ихъ свободой, и никакъ ужъ не въ пользу этой свободы. Здѣсь не можетъ быть столкновенія между могуществомъ государства и свободой вообще, а при различіи интересовъ въ средѣ гражданъ можетъ произойти столкновеніе между могуществомъ и вмѣстѣ свободой одной части гражданъ и могуществомъ и свободой другой. Въ Корсикѣ напримѣръ, предположивъ, что большинство ея населенія согласилось бы съ проэктомъ Руссо относительно запрещенія вывозной торговли, столкновеніе могло бы произойти между интересами, свободой и могуществомъ большинства, живущаго при условіяхъ натуральнаго хозяйства и желающаго сохранить эти условія, и меньшинства, стремящагося завести торговлю и установить денежныя налоги, безъ которыхъ при натуральномъ хозяйствѣ торговля не могла бы принять значительныхъ размѣровъ.

Но въ новѣйшей Европѣ, сосредоточившее въ своихъ рукахъ государственную власть буржуазное меньшинство завоевало ее не въ борьбѣ съ большинствомъ, а въ союзѣ съ нимъ противъ прежде господствовавшаго меньшинства и устарѣлой формы государственной власти. Оно не только не уменьшило, а наоборотъ возродило пришедшее въ упадокъ при старомъ режимѣ законодательное могущество государства и пользовалось этимъ могуществомъ въ своихъ интересахъ. Но интересы молодой буржуазіи требовали «свободы дѣйствія, свободы движенія» во всевозможныхъ областяхъ жизни, въ сферѣ

лучше, но все же, стоя на этой точкѣ зрѣнія, нельзя, будучи въ здравомъ умѣ и твердой памяти, сказать, что, «заставивъ» населеніе «поступиться своимъ могуществомъ» надъ кабаками, мы увеличили бы его «свободу».

слова, культа, преподаванія и проч., совпадая такимъ образомъ съ интересами цѣлой массы лицъ, не имѣющихъ никакого прямого отношенія къ интересамъ промышленности и торговли. Затѣмъ, даже узко-экономическіе интересы буржуазіи требовали уничтоженія произвола правительственной власти, строгаго подчиненія агентовъ этой власти законамъ, и ее самое власти законодательной, а свобода отъ произвола лежала въ интересахъ всего населенія.

Господство буржуазіи слилось и въ умахъ всѣхъ буржуазныхъ писателей и до сихъ поръ продолжаетъ благополучно сливаться съ господствомъ самой свободы. «Государство, поступавшееся своимъ могуществомъ въ пользу свободы гражданъ»,—это государство, въ которомъ законодательная власть принадлежитъ буржуазному меньшинству населенія при строгомъ подчиненіи ей власти исполнительной. Сорель беретъ два уклоненія отъ этой идеальной для него государственной формы, изъ которыхъ первое, болѣе или менѣе осуществленное при старомъ режимѣ, требуетъ сосредоточенія всей государственной власти въ рукахъ правительства, стоящагоотдѣльно отъ всего населенія и соединяющаго воедино власть законодательную и исполнительную. Второе уклоненіе, единственнымъ представителемъ котораго въ XVIII вѣкѣ явился Руссо, говоритъ о государствѣ, въ которомъ законодательная власть принадлежитъ всему населенію, а исполнительная также подчинена законодательной, какъ и въ первомъ случаѣ. Оба эти уклоненія одинаково противны Сорелю. Зная непопулярность перваго изъ нихъ, онъ пытается скомпрометировать второе, стушевывая ихъ различія и выставляя ихъ одинаковую, по его мнѣнію, противоположность «свободѣ гражданъ». Объ умышленности этого объединенія говоритъ намъ, главнымъ образомъ, слѣдующая совершенно не идущая къ дѣлу цитата, вклеенная Сорелемъ въ его характеристику политическихъ идей Руссо: «Осуществите европейскую республику [148]) на одинъ день и этого доста-

[148]) У Руссо сказано „sa république“, т. е. республику Аббата Сентъ-Пьера.

точно, чтобы она длилась вѣчно... Пусть намъ вернутъ Генриха IV и Сюлли, и вѣчный миръ снова сдѣлается разумнымъ проектомъ». Эти двѣ фразы, ничего общаго со взглядомъ Руссо на государственную власть или форму правленія не имѣющія, взяты одна (до многоточія) изъ первой, а другая изъ послѣдней страницы самаго неизвѣстнаго изъ произведеній Руссо, озаглавленнаго «Jugement sur le projet de la paix perpetuelle de M-eur l'abbé de Saint-Pierre».

Этотъ аббатъ составилъ проектъ установленія «Европейской республики» посредствомъ договора между государями Европы, которымъ они взаимно гарантировали другъ другу владѣнія и обязались отдавать всякіе могущіе возникнуть споры на рѣшеніе собранія уполномоченныхъ отъ всѣхъ государствъ. Это было бы по проекту нѣчто въ родѣ тогдашней Германской имперіи съ ея Франкфуртскимъ сеймомъ, но такъ какъ въ нее входили бы всѣ европейскія государства, то всѣ крѣпости могли бы быть срыты, а войска распущены, кромѣ крѣпостей и гарнизоновъ на границѣ Европы.

Аббатъ де Сентъ-Пьеръ писалъ тяжело и туманно. Его поклонница г-жа Дюпенъ, у которой Руссо служилъ секретаремъ, поручила этому послѣднему изложить проектъ покойнаго аббата въ удобочитаемой формѣ. Руссо изложилъ, но, не желая, чтобы взгляды аббата были смѣшиваемы съ его собственными, онъ отдѣльно написалъ свое «Сужденіе» о нихъ. На первой страницѣ онъ говоритъ, что республика аббата, (въ которой всѣ государи только и думаютъ, что о благѣ народа), разъ установленная, была бы прочна, такъ какъ всякій на опытѣ убѣдился бы въ ея соотвѣтствіи общему благу. Добрый аббатъ хорошо видѣлъ, по мнѣнію Руссо, «дѣйствіе вещей, еслибы онѣ были установлены, но судилъ какъ ребенокъ о средствахъ, пригодныхъ для ихъ установленія». И все «Сужденіе» посвящено доказательствамъ несоотвѣтствія вѣчнаго мира интересамъ дѣйствительныхъ, а не воображаемыхъ королей, и полной непригодности какой бы то ни было книги въ качествѣ средства

для осуществленія такого рода проекта. Аббатъ ссылался на Генриха IV, пытавшагося составить противъ своего врага, императора, постоянную обще-европейскую коалицію, которая, уничтоживъ въ послѣдней войнѣ силу Австріи, привела бы къ вѣчному миру. Руссо разбираетъ тогдашнія обстоятельства, дѣлавшія изъ императора общаго врага, перечисляетъ, не имѣвшія ничего общаго съ книгами, средства, приготовленныя Генрихомъ для осуществленія своей цѣли, и говоритъ въ заключеніе, что еслибы Генрихъ (и всѣ тѣ условія, при которыхъ дѣйствовалъ Генрихъ) вернулся, его проектъ сталъ бы снова разумнымъ проектомъ, а прекрасный проектъ аббата, не смотря на ссылку на практичнаго Генриха, всетаки остается фантазіей.

Если изъ этого маленькаго произведенія что-нибудь видно, то ужъ никакъ не готовность Руссо «примириться со всякой формой правленія, если оно обѣщаетъ осуществленіе его идей» [149]), какъ это кажется г. В. В., а отношеніе пролетарія XVIII вѣка къ утопистамъ, характерная особенность которыхъ заключается именно въ «ребяческомъ сужденіи» о средствахъ, пригодныхъ для осуществленія прекрасныхъ проектовъ.

Не пробѣжавши всего «Сужденія», Сорель не могъ выдернуть изъ него двухъ приведенныхъ имъ фразъ, а разъ онъ пробѣжалъ эту статью, онъ не могъ не видѣть, что для добросовѣстной цитаты фразы не годятся.

Перейдемъ къ Луи Блану. Этотъ послѣдній въ высшей степени благосклоненъ къ Руссо, но искажаетъ его умственную физіономію еще основательнѣе неблагосклоннаго Сореля.

Вопреки обыкновенію онъ не сливаетъ взглядовъ Руссо въ одно цѣлое со взглядами его противниковъ. Луи Бланъ проповѣдникъ «братства» и относится очень отрицательно къ «индивидуализму», который, по его мнѣнію, проповѣдывали просвѣтители. Онъ—якобинецъ, сторонникъ сильной, заботящейся о благѣ народа правительственной власти, идею которой послѣдователи Мон-

---

[149]) «Наши Направл.» стр., 42.

тескье подрывали, по его мнѣнію, обставляя ее всякими ненужными народу гарантіями индивидуальной свободы.

Изъ Руссо же онъ рѣшилъ сдѣлать своего единомышленника, предшественника своего соціализма. Какъ придется ему поступить съ этимъ предшественникомъ, можно заранѣе видѣть хотя бы изъ слѣдующей странички его «Histoire de la Révolution Française». «Въ чемъ состоитъ прогрессъ,» спрашиваетъ онъ, «какъ невъ превращеніи благородныхъ мыслей въ благородныя дѣла и великихъ книгъ въ великихъ людей? Все относить къ тому, что неопредѣленно называютъ народомъ... это ребячество (c'est une puérilité)». Что такое народъ, если разсматривать его безъ великихъ людей «qui sont la concentration de ses forces éparses... qu' est-ce que le peuple ainsi considéré? C'est la foule!» [150]).

Уже изъ одной этой цитаты можно заключить, что по всѣмъ тѣмъ пунктамъ, по которымъ Руссо всего полнѣе расходился съ современными ему философами, Луи Бланъ стоитъ по существу на одной точкѣ зрѣнія съ этими послѣдними. Въ области политики онъ можетъ горячо поспорить съ ними относительно тѣхъ рецептовъ, которые начитавшіеся книгъ люди должны прописывать народу, можетъ не согласиться относительно качествъ необходимыхъ самимъ врачамъ, но съ Руссо, отрицавшимъ самую возможность для врачей сдѣлать народу обращенному въ «толпу» чтобы то ни было, кромѣ зла, у Луи Блана нѣтъ общей почвы даже для спора. Со своей точки зрѣнія онъ долженъ бы признать взгляды этого послѣдняго совершенно ребяческими и поискать себѣ другого предшественника. Вмѣсто того ему приходится, перебирая одно за другимъ произведенія Руссо, объявлять ихъ недѣйствительными, выражающими не истинные взгляды своего автора, а лишь его «парадоксы», «иронію», или горячій «бредъ» [151]).

---

[150]) Т. VI, стр. 353.

[151]) Отрицаніе благодѣтельныхъ послѣдствій наукъ и искусствъ, по увѣренію Луи Блана, „не могло въ его (Руссо) намѣренія быть ничѣмъ инымъ кромѣ смѣ-

Такъ поступаетъ Луи Бланъ съ «Разсужденіями» Руссо, съ «Письмомъ къ Даламберу», съ основной идеей «Эмиля». Еще строже приходится поступить ему съ политическими идеями своего единомышленника. Въ другихъ областяхъ онъ просто вычеркиваетъ его идеи, но въ положительномъ смыслѣ ограничивается при этой операціи простымъ расхваливаніемъ «чувствъ». Въ политической же области онъ навязываетъ ему свои опредѣленные взгляды, часто противоположные его собственнымъ.

Руссо, утверждаетъ онъ, былъ сторонникомъ сильной власти «d'un pouvoir fort tant qu' il y aurait dés faibles á proteger et des malheureux à sauver de l'abandon». Конституція по образцу англійской съ ея гарантіями индивидуальной свободы, которую рекомендовалъ Монтескье, имѣетъ огромное значеніе для буржуазіи. Но для чего эти гарантіи народу? «Несчастнымъ, которыхъ одна ихъ неизвѣстность достаточно охраняла отъ произвола двора. Зачѣмъ свободы искать тѣмъ, кто не пишетъ и не читаетъ? Они, слѣдовательно, нуждались отъ правительства не столько въ гарантіяхъ, какъ въ покровительствѣ. Жанъ Жакъ это хорошо понялъ... Какъ могъ онъ не чувствовать необходимости правительственной опеки и опасности ея отсутствія, онъ, который еще ребенкомъ былъ обя-

---

лой и блестящей тактики... неожиданныхъ парадоксовъ", предназначенныхъ для того, чтобы взволновать умы („Hist. de la Rev." т. 1 стр. 399).

„Разсужд. о нерав.", по мнѣнію Луи Блана, произведеніе „ироническое": На тѣхъ, кто вздумалъ бы принять въ серьезъ высказанные въ немъ мысли, онъ просто сердится: „Quoi! vous le prendrez au mot, lui, le plus sociable des humains..." «Eh! ne voyez—vous pas quelle malidiction se cache sous l'enveloppe de ce nouveau paradox? Ce véhément délire est-il autre chose que l'éxagération naturelle de la vérité en colére?" (Ibid. стр. 400).

Если въ „Эмилѣ" Руссо занимается воспитаніемъ не общественнаго дѣятеля, а лишь независимаго человѣка, такъ это тоже своего рода „иронія", выраженіе ненависти, являвшейся въ сущности лишь «de l'amour aigri», какъ у мольеровскаго „мизантропа". Самая вѣра въ Бога, подъ перомъ Луи Блана, превращается въ особую тактику: Руссо съ Робеспьеромъ „n'ignoraient—pas, que la forme des societés est la coutre épreuve de leur métaphysique et de leur théologie" (Ibid. стр. 404), а такъ какъ онъ, по мнѣнію Луи Блана, желалъ сильной власти на землѣ, то предусмотрительно заботился объ утвержденіи ее на небѣ.

занъ своими ошибками и несчастіями свободѣ большихъ дорогъ?» [152]).

Въ «Исповѣди», въ которой Руссо разсказываетъ о своей бродячей молодости, рисовавшейся ему, не смотря ни на что, какъ счастливѣйшее время его жизни, нельзя найти и тѣни сожалѣнія о томъ, что въ Савойѣ, Франціи или Швейцаріи, по которымъ онъ бродилъ, не нашлось начальства настолько «попечительнаго», чтобы лишить его «свободы большихъ дорогъ». Но автору «Исторіи Французской Революціи» приходится не разъ прибѣгать къ тому же самому косвенному доказательству «пониманія» со стороны Руссо того, чего тотъ рѣшительно не понималъ. «Онъ зналъ, способны ли бѣдные, слабые, невѣжественные сами о себѣ заботиться, онъ, который былъ нищимъ, лакеемъ и проч.» повторяется въ VI томѣ той же «Исторіи» [152]). Это тотъ же пріемъ, который употребляетъ Мабли для доказательства, что «природа» предписала людямъ такія то качества или учрежденія и запретила другія. Вѣдь она мудра и справедлива, слѣдовательно и проч. Руссо былъ бродягой, нищимъ, лакеемъ, слѣдовательно, онъ зналъ, что бѣднякамъ необходима сильная опекающая власть.

Но природа лишь наединѣ излагала философамъ свои мнѣнія по общественнымъ вопросамъ. Книгъ она не писала. Чтобы сослаться на ея авторитетъ, ничего не оставалось, какъ доказывать на основаніи ея добрыхъ качествъ,—ея біографіи нѣкоторымъ образомъ,—что никакихъ иныхъ взглядовъ кромѣ самыхъ лучшихъ—т. е. взглядовъ даннаго автора—она имѣть не могла.

Но Руссо писалъ книги, и въ сущности вопросъ объ отношеніи между существованіемъ «несчастныхъ» и чьей бы то ни было сильной властью, имѣющей претензію «опекать», «спасать» ихъ и проч., являлся то прямо, то косвенно центральнымъ вопросомъ его главнѣйшихъ произведеній. Луи Бланъ ссылается и на «Общественный

---

[152]) Стр. 331.

Договоръ», но подъ вліяніемъ своего отвращенія къ сложившемуся уже въ XIX вѣкѣ буржуазному строю, и нежеланія допустить въ произведеніяхъ Руссо того, что казалось ему «ребячествомъ», онъ видитъ въ совершенно ясныхъ словахъ этого произведенія совсѣмъ не то, что въ нихъ сказано.

Взглядамъ Монтескье и его послѣдователей, признававшихъ необходимость гарантій противъ правительства, онъ противопоставляетъ слѣдующіи слова изъ главы «Обществ. Договора» (гл. VII кн. I), озаглавленной «Du souverain». «Le souverain», говоритъ Руссо въ приведенной Луи Бланомъ цитатѣ, «n'étant formé que des particuliers qui le composent, n'a ni ne peut avoir d'intérêt contraire aux leur; par conséquent, la puissance souveraine n'a nul besoin de garant envers les sujets, parce qu'il est impossible que le corps veuille nuire à tous ses membres»; на этомъ кончается цитата у Луи Блана, у Руссо же фраза заканчивается такъ: «et nous verrons ci-après qu'il ne peut nuire à aucun en particulier». И дальше видно, что самодержавный народъ потому не можетъ вредить частнымъ лицамъ, что выражаетъ свою волю лишь въ законахъ, законы же не имѣютъ дѣла съ отдѣльными людьми, а говорятъ лишь объ общихъ интересахъ, правахъ и обязанностяхъ всѣхъ гражданъ. Руссо расходился съ послѣдователями Монтескье (а также и съ Луи Бланомъ) въ понятіи о верховной власти и законѣ, но правительство, власть исполнительная, которую Руссо строго отдѣлялъ отъ верховной законодательной власти, имѣетъ дѣло съ отдѣльными лицами и частными случаями, оно является посредникомъ между цѣлымъ народомъ и составляющими его отдѣльными лицами, оно по необходимости состоитъ изъ меньшинства гражданъ (читай демократія невозможна), оно не только можетъ имѣть, но, по мнѣнію Руссо, неизбѣжно пріобрѣтаетъ отдѣльные отъ общихъ интересы, свою корпоративную, отличную отъ общей, волю. Оно должно быть строго подчинено общей волѣ, верховной народной власти, но неизбѣжно стремится стать выше ея. Противъ захватовъ правительственной

власти Руссо считалъ необходимыми болѣе строгія гарантіи, чѣмъ Монтескье.

Луи Бланъ въ совершенно ясныя слова Руссо о puissance souveraine ухитряется, вмѣсто понятія о власти всѣхъ гражданъ вмѣстѣ взятыхъ, подставить понятіе о власти правительства надъ этими гражданами, «искать гарантіи не въ самомъ правительствѣ (вѣроятно, въ хорошихъ качествахъ составляющихъ его личностей), а внѣ его, поясняетъ Луи Бланъ, c'est le menacer imprudamment, c'est l'irriter, c'est lui souffler le désir de prendre ce qu'on lui refuse» [153]). Очевидно, не о самихъ гражданахъ идетъ тутъ дѣло, не самихъ же себя злить и тѣмъ внушать себѣ желаніе захватить то, въ чемъ они сами себѣ отказываютъ—было бы съ ихъ стороны неосторожностью. Невольно даже приходитъ въ голову, что тутъ имѣется въ виду просто на просто «неосторожное» поведеніе законодательнаго собранія второй республики по отношенію къ будущему императору Наполеону III-му.

Луи Бланъ не допускалъ, очевидно, чтобы Руссо могъ говорить о волѣ народа, о его власти надъ условіями своего собственнаго коллективнаго существованія иначе какъ въ переносномъ смыслѣ, подразумѣвая подъ этимъ власть и волю стоящихъ надъ нимъ великихъ или малыхъ людей, безъ которыхъ народъ—толпа.

Мы знаемъ, что Руссо, настаивая на необходимости законныхъ гарантій противъ правительства, считалъ тѣмъ не менѣе, что всѣ гарантіи могутъ быть дѣйствительны лишь, когда народъ не разрозненная толпа, занятая лишь своими личными частными дѣлами, когда онъ сохраняетъ объединяющій его живой интересъ къ общественнымъ дѣламъ.

Гдѣ отдѣльные граждане начинаютъ говорить объ общественныхъ дѣлахъ: «это до меня не касается», тамъ не помогутъ никакія гарантіи, меньшинство такъ или иначе захватитъ власть надъ большинствомъ, законное государство разрушится, наступитъ господство силы,

---

[153]) „Hist. de la Rev." т. I стр. 460, 461.

рабство, деспотизмъ. И все это, по мнѣнію Руссо, давно наступило уже въ большихъ государствахъ Европы: всѣ они, съ его точки зрѣнія, были деспотіями. Вопросомъ о наилучшемъ устройствѣ деспотическаго образа правленія Руссо спеціально не занимался; но изъ его отдѣльныхъ замѣчаній, изъ похвалъ англійскому строю, напр., ясно видно, что произвольные (по отношенію къ лишенному участія въ ихъ составленіи народу) законы при строгихъ гарантіяхъ, какъ противъ ихъ нарушенія, такъ и противъ произвола въ ихъ примѣненіи, все же въ его глазахъ были лучше тройнаго произвола, вытекающаго какъ изъ составленія законовъ, такъ и изъ ихъ произвольнаго примѣненія и нарушенія. Онъ не всмотрѣлся въ начинавшій складываться въ Англіи новый экономическій строй, плохо вѣрилъ, поэтому, и въ прочность ея политическихъ учрежденій, но относительно полезности, желательности гарантій онъ ни мало не расходился съ Монтескье и его послѣдователями. «Les malheureux», увѣряетъ Луи Бланъ, уже самой своей неизвѣстностью гарантированы отъ произвола двора. Но за то, чѣмъ несчастнѣе и неизвѣстнѣе они были, тѣмъ меньше были они гарантированы отъ произвола сборщиковъ податей, низшихъ агентовъ власти, вліятельныхъ сосѣдей, которые въ прогрессирующей странѣ какъ Франція, гдѣ обычаи были расшатаны, а предпріимчивость развивалась, находили тысячи новыхъ способовъ мучить крестьянъ. Благодѣтельствовать народу, покровительствовать ему, защищать его никакое властное меньшинство, какъ таковое, по мнѣнію Руссо, не было способно, такъ какъ защищать то нужно было бы именно отъ самаго существованія этого властнаго меньшинства, но все же лучше, если это меньшинство строго опредѣлитъ тѣ способы, посредствомъ которыхъ оно будетъ дѣлать зло.

«Но вѣдь въ большинствѣ европейскихъ государствъ народъ—толпа неспособная сама устраивать свое благополучіе, такъ кто же его устроитъ какъ не мы, обладающіе властью и знаніемъ»—могъ бы возразить Руссо всякій другъ народа, принадлежащій къ высшимъ классамъ.—Никто, отвѣчаетъ Руссо всѣми своими произве-

деніями. Личностямъ изъ высшихъ классовъ, которыя пожелали бы дѣлать добро, прежде всего слѣдовало бы поставить себя въ такое положеніе, чтобы имѣть возможность не дѣлать зла. Слѣдовало бы отказаться отъ своего привиллегированнаго положенія, а слѣдовательно и отъ возможности воображать, будто дѣлаешь посредствомъ него добро.

Таковъ именно отвѣтъ Руссо въ «Эмилѣ» французскому образованному обществу, требовавшему отъ него выполнимыхъ совѣтовъ. Отвѣтъ непонятный, неспособный безъ искаженія дойти до сознанія просвѣщенныхъ друзей народа, смотрящихъ на дѣйствительность изнутри того особаго мірка, группирующагося вокругъ опредѣленныхъ литературныхъ теченій, который поочередно образовывался въ европейскихъ государствахъ въ переходные моменты отъ стараго экономическаго и политическаго строя къ новому. Въ этомъ міркѣ «философовъ», «критически мыслящихъ личностей», «интеллигенціи» вырабатывается сознаніе своей обособленности какъ отъ той части высшихъ классовъ, которая, не обращая достаточнаго вниманія на книги, открыто преслѣдуетъ лишь свои частныя, личныя цѣли, — такъ и отъ несчастнаго, пассивнаго народа. Значеніе его собственнаго существованія, его просвѣщенности, доброты, «идеи» до такой степени разростается въ его глазахъ, что совершенно заслоняетъ отъ него истинные размѣры и краски всѣхъ остальныхъ элементовъ дѣйствительности. Сами «философы», сама «интеллигенція» со своей добротой и идеями становится въ своихъ глазахъ чуть не единственной активной силой, чуть не единственнымъ двигателемъ исторіи. И эта единая великая сила думаетъ, говоритъ и пишетъ о томъ, какъ именно устроить народное благополучіе; въ этихъ то заботахъ и заключается ея нравственная красота, ея великое достоинство. Можно ли сомнѣваться въ томъ, что благополучіе будетъ устроено? Уже одно чувство нравственнаго самосохраненія въ качествѣ благой силы не допускало и тѣни такого сомнѣнія. Раньше или позже «les grands, les riches» проник-

нутся «идеями», «les princes» убѣдятся въ томъ, что идеи соотвѣтствуютъ ихъ же собственной пользѣ — убѣдить ихъ въ этомъ главная задача интеллигенціи — и народное благополучіе будетъ обезпечено.

И среди этого могучаго въ XVIII вѣкѣ теченія Руссо явился единственнымъ представителемъ своего безнадежнаго въ то время убѣжденія, что благосостояніе народа можетъ быть лишь дѣломъ самого, свободнаго «отъ пороковъ и трусости рабовъ», народа. Такой народъ въ прогрессировавшей части Европы въ то время еще не родился, а въ отсталыхъ закоулкахъ, гдѣ сохранялись еще остатки родоваго строя, быстро исчезалъ.

Ни злымъ, ни добрымъ господамъ Руссо нечего было противопоставить кромѣ простаго отрицанія нравственной законности и благодѣтельности ихъ господства какъ въ прошедшемъ, такъ и въ будущемъ. Въ его произведеніяхъ не видно надежды на приближеніе въ прогрессирующихъ государствахъ Европы такихъ условій, при которыхъ станетъ возможнымъ нравственное возрожденіе народовъ, ихъ превращеніе изъ рабовъ въ гражданъ. Въ самой дѣйствительности этихъ условій въ то время еще не было.

VI.

Что дало Руссо силу удержаться на своей безнадежной тогда и недоступной для всѣхъ окружавшихъ его теоретической позиціи и не дать отуманить себѣ глазъ «краснымъ вымысламъ» о тѣхъ благахъ, которыя дастъ народу просвѣщенное меньшинство?

Намъ кажется, что эту силу дали Руссо именно тѣ обстоятельства его жизни, которыя, по мнѣнію Луи Блана, уже сами по себѣ доказываютъ его пристрастіе къ сильной опекающей бѣдняковъ власти.

Дѣло, конечно, не въ его плебейскомъ происхожденіи. Въ то время среди писателей было уже не мало выходцевъ изъ низшихъ слоевъ, но это были именно *выходцы*. Попавши съ ранней юности въ среду порядочныхъ, бла-

говоспитанныхъ людей они сжились съ ней и чувствовали себя тамъ дома, въ своемъ кругу. Руссо, проведшій свою первую молодость, какъ бродяга пролетарій, слишкомъ поздно попалъ въ «хорошее общество», чтобы заразиться его настроеніемъ. Онъ всегда чувствовалъ себя въ немъ не на своемъ мѣстѣ и наблюдалъ его со стороны, никогда внутренно не сливаясь съ нимъ [154]).

Онъ поздно выяснилъ себѣ и высказалъ въ литературѣ свои плебейскія мысли, но всегда неизмѣнно сохранялъ плебейскія чувства. Внезапно пріобрѣтя всемірную славу, онъ сдѣлалъ изъ нея пьедесталъ плебейства. Самая гордость его, громадная гордость, была, по справедливому замѣчанію Брюнетьера, гордостью не

---

[154]) Въ какія ложныя положенія долженъ былъ онъ попадать, вращаясь въ богатомъ обществѣ, прекрасно оттѣняется слѣдующимъ маленькимъ эпизодомъ, разсказаннымъ мимоходомъ и по совсѣмъ другому поводу въ „Reveries d'un promeneur solitaire". Разъ—повидимому еще до начала дружбы съ Г-жой Д'Эпинэ,—Руссо гостилъ въ ея имѣніи; со своимъ хозяиномъ Франкейлемъ и вмѣстѣ съ собравшейся блестящей компаніей онъ отправился смотрѣть деревенскую ярмарку. Кто-то вздумалъ купить и бросить въ толпу крестьянъ нѣсколько пряниковъ. Его примѣру послѣдовали другіе. Всѣмъ показалось очень забавно смотрѣть, какъ крестьяне спѣшили, толкая и давя другъ друга, подбирать перепачканные въ пыли куски. Подъ вліяніемъ ложнаго стыда, разсказываетъ Руссо, и онъ, какъ другіе, купилъ и бросилъ нѣсколько пряниковъ, но тяжелое чувство скоро заставило его отдѣлиться отъ общества и уйти бродить въ одиночку. Вникнувъ въ свое ощущеніе, онъ понялъ, сколько въ этой сценѣ было насмѣшливаго презрѣнія съ одной стороны и сколько рабскаго униженія со стороны крестьянъ, готовыхъ калѣчить другъ друга изъ-за брошеннаго въ грязь угощенія.

Какъ бы ни были просвѣщенны и гуманны тѣ господа, съ которыми Руссо пришелъ на ярмарку, они не могли, хотя бы мимолетно, вообразить себя на противоположной сторонѣ и обидѣться за эту не обижавшуюся толпу. Но Руссо долженъ былъ бы быть негодяемъ, еслибы не устыдился своего участія въ этой сценѣ и не почувствовалъ, что ему не мѣсто среди бросающихъ пряники. Онъ не могъ забыть того времени, когда былъ безпріютнѣе каждаго изъ этой толпы и могъ бы просто съ голоду соблазниться подобнымъ угощеніемъ; и когда такіе же крестьяне или люди, не превосходившіе ихъ по своему общественному положенію, не разъ кормили его не такимъ презрительнымъ способомъ. Онъ и теперь, по характеристикѣ Г-жи Д'Эпинэ, гостившей одновременно съ нимъ въ Шевренѣ, былъ только „служащимъ по найму" у Франкейля „un pauvre diable, qui vous est pauvre comme Job.... On dit toute son histoire aussi bizarre que sa personne et ce n'est pas peu". Онъ и теперь по своему положенію былъ все же ближе къ толпѣ, дерущейся за пряники, чѣмъ къ бросающей ихъ.

писателя, а плебея. Онъ навсегда остался «народомъ въ дурномъ смыслѣ этого слова», по выраженію того же Брюнетьера [155]).

Въ Западной Европѣ давно уже не требуется такихъ героическихъ средствъ, чтобы дать писателю возможность взглянуть на общественную жизнь со стороны низшаго класса. Теперь тамъ существуетъ такой классъ, представляющій самостоятельную и активную общественную силу, не ищущій себѣ *хорошихъ господъ* и ни на кого кромѣ себя не разсчитывающій. Но въ то время, когда, при отсутствіи самосознанія въ низшихъ классахъ, такая точка зрѣнія обрекала на одиночество, а знаменитость широко открывала двери хорошаго общества, для того чтобы тогда ни на минуту не заразиться настроеніемъ этого общества и, ставъ такимъ писателемъ, съ которымъ заигрывали короли, принцы и герцоги, сохранить нетронутой свою гордость плебея, нужна была, повидимому, вся исключительность судьбы Руссо.

---

[155]) Брюнетьеръ очень отрицательно относится къ личности Руссо, но въ нѣсколькихъ строкахъ прекрасно характеризуетъ его исключительное положеніе въ литературѣ. „Jusqu'à Rousseau dans l'ancienne société", говоритъ онъ о писателяхъ XVIII вѣка, „d'aussi bas que l'on fût parti, on se classait en devenant homme de lettres; on passait de sa condition dans une autre, bien loin de s'en vanter, on essayait plutôt d'effacer jusqu' aux traces de son origine; avec une condition nouvelle, on prenait des sentiments nouveaux. Celui-ci fut le premier qui resta peuple en se faisant auteur, et qui fonda sa popularité sur le mépris insolemment avouéde tout ce qu'il n'était lui même. („Etudes critiques sur l'hist. de la Litterature Franç." т. III стр. 277).

Въ лицѣ Руссо передъ нами настоящій плебей, который не только зналъ бѣдность—это случалось и съ другими,—но переживалъ ее въ „унижающемъ смѣшеніи" (promiscuité degradante) съ подонками человѣчества. „De même que la misère il a connu les misérables. Voltaire n'a jamais su ce qui se passe dans l'âme d'un paysan, d'un homme de peuple, d'un laquais, d'une fille d'auberge, ce qu'ils ruminent silencieusement...., ce qui gronde en eux contre un ordre social... Rousseau l'a su, et il l'a su par expérience... toutes ces rancunes ont passé, pour le grossir et le goufler dans le torrent de son éloquence..... (Ibid.)" Вольтеръ первый понялъ, что въ этихъ краснорѣчивыхъ произведеніяхъ не однѣ декламаціи, какъ многимъ казалось, а серьезное объявленіе войны „честнымъ людямъ" и „хорошему обществу", отсюда его ожесточеніе противъ Руссо. Брюнетьеръ насмѣхается надъ попытками мирить ихъ взгляды. Это называется „либерализмомъ", „широтой взглядовъ", а на самомъ дѣлѣ требуетъ полнаго непониманія какъ того, такъ и другого писателя.

Онъ былъ одинокой, слишкомъ ранней ласточкой, которая среди общихъ криковъ о наступленіи лѣта не могла ждать ничего кромѣ морозовъ. Но поскольку его произведенія доходили до народа, они содѣйствовали наступленію весны, будя въ немъ именно ту гордость, которой ему недоставало.

VII.

Не какой нибудь отвлеченный принципъ или «законъ природы» заставлялъ Руссо утверждать, что представительная система по образцу англійской вовсе не обезпечиваетъ народу выраженіе его воли въ законодательствѣ.

Найдя въ польской системѣ обязательныхъ полномочій и отвѣтственности пословъ предъ избирателями нѣкоторую возможность для этихъ послѣднихъ заставлять пословъ сообразоваться со своей волей, онъ, какъ мы видѣли, допускалъ, что при этой системѣ законодательная власть можетъ быть сохранена собраніями избирателей. При «свободѣ» ихъ «душъ», конечно, но это основное условіе и для прямого народнаго законодательства.

Утверждать, что воля народа выражалась въ законодательствѣ тогдашней Англіи, можно было, лишь опираясь на очень распространенную, но отсутствовавшую въ міросозерцаніи Руссо, фикцію солидарности интересовъ между богатыми и бѣдными. Не говоря уже о томъ, что въ Англіи того времени громадное большинство населенія, будучи лишено избирательнаго права, не участвовало и въ фиктивной (по мнѣнію Руссо) передачѣ своей воли представителямъ; но и для большинства лицъ, пользовавшихся избирательнымъ правомъ, оно было дѣйствительно фиктивнымъ. Избиратели сельскихъ округовъ, въ особенности, посылали въ парламентъ своихъ могущественныхъ сосѣдей вовсе не въ виду ихъ законодательной дѣятельности, не вслѣдствіе своего съ ними единодушія, а просто потому, что находились отъ нихъ въ зависимости, ожидали тѣхъ или иныхъ благъ или опа-

сались непріятностей въ своихъ частныхъ, текущихъ дѣлахъ.

Самодержавнымъ народомъ, воля котораго выражалась въ законодательствѣ, была тамъ лишь горсть поземельной и денежной аристократіи. Многое изъ того, что установила эта аристократія было, и по мнѣнію Руссо, полезно также для всей массы населенія, но что тотъ же парламентъ вотировалъ законы прямо ужасные для бѣднѣйшихъ слоевъ англійскаго населенія—этого, быть можетъ, не зналъ Руссо, но несомнѣнно знаетъ исторія. Для народныхъ массъ большихъ европейскихъ государствъ возможность быть дѣйствительно представленными въ законодательныхъ собраніяхъ выработалась лишь во второй половинѣ XIX вѣка. Безусловно необходимымъ факторомъ въ этой выработкѣ было и само, хотя бы и дававшее на первое время лишь фиктивное представительство, всеобщее избирательное право, но кромѣ него были необходимы и всѣ пріобрѣтенія,—а съ извѣстной точки зрѣнія и всѣ потери XIX вѣка.

Руссо настаивалъ на томъ, что свободными могутъ быть лишь очень небольшія государства. Онъ не предвидѣлъ, до какой степени уменьшатся за одно столѣтіе всѣ существенныя помѣхи, какія могло ставить людямъ пространство. Въ «Эмилѣ»[156]) онъ замѣчаетъ мимоходомъ, что теперь (т. е. въ XVIII вѣкѣ) во сто разъ больше сношеній между Европой и Азіей, чѣмъ было когда-то между Галліей и Испаніей, и что сама Европа была въ старину разбросаннѣе (plus éparse), чѣмъ сталъ въ его время весь земной шаръ.

Теперь можно сказать, что этотъ шаръ сталъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ меньше, чѣмъ была въ XVIII вѣкѣ Франція или Швейцарія, такъ какъ благодаря телеграфу житель Лондона скорѣе узнаетъ о происшествіяхъ въ южной Африкѣ, Японіи или Америкѣ, чѣмъ во времена Руссо узнавали о происшествіяхъ въ Парижѣ или Бернѣ жители сосѣднихъ провинцій или кантоновъ.

---

[156]) Въ заключительной главѣ, озаглавленной „Les voyages".

А во многихъ, почти во всѣхъ существенныхъ отношеніяхъ, зависящихъ отъ пространства, цѣлая Франція стала не болѣе разбросанной, чѣмъ была въ его время крошечная Женевская республика. Быстрота сообщеній, почти безграничная гласность, всеобщая грамотность, доступность газетъ, изо дня въ день печатающихъ подробныя свѣдѣнія о ходѣ всѣхъ общественныхъ дѣлъ и обсуждающихъ ихъ со всѣхъ точекъ зрѣнія, — все это даетъ возможность современному избирателю громадной страны, разъ только онъ живо интересуется общественными дѣлами, знать ихъ такъ же обстоятельно, какъ если бы онъ былъ членомъ законодательнаго собранія. Онъ можетъ даже гораздо лучше оріентироваться въ нихъ, чѣмъ могли во времена Руссо граждане Женевской республики, знавшіе другъ друга въ лицо, достаточно малочисленные, чтобы всѣмъ помѣститься въ одной залѣ, но которымъ нужны были цѣлые годы настойчивой агитаціи, чтобы добиться опубликованія текста законовъ, имѣвшагося лишь въ рукописяхъ, доступныхъ однимъ только членамъ правительства.

Руссо совсѣмъ не предвидѣлъ также возможности увеличенія свободы, независимости, законности для низшихъ классовъ большихъ прогрессирующихъ государствъ. Ему казалось, наоборотъ, что вмѣстѣ съ ростомъ цивилизаціи долженъ рости и всяческій гнетъ надъ поставляющимъ для нея средства народомъ. Онъ яснѣе многихъ, не своихъ только, а также и нашихъ современниковъ, видѣлъ соотношеніе между экономическимъ, нравственнымъ и политическимъ состояніемъ извѣстныхъ ему государствъ, но совершенно не предвидѣлъ готовившагося экономическаго, а за нимъ и всѣхъ другихъ переворотовъ. Этотъ переворотъ уже намѣчался въ Англіи; но Руссо, видимо, плохо зналъ Англію. Онъ имѣлъ предъ собою, съ одной стороны Швейцарію съ ея сравнительной свободой, дешевымъ правительствомъ, отсутствіемъ постоянныхъ войскъ, ничтожными и притомъ взимаемыми натурой налогами, съ ея сравнительно слабымъ развитіемъ городовъ и всякаго блеска, цвѣтущимъ земледѣ-

ліемъ и зажиточнымъ крестьянствомъ. Съ другой стороны, онъ зналъ Францію съ ея ненасытнымъ казначействомъ, постояннымъ войскомъ, безпрерывно возрастающимъ требованіемъ отъ крестьянъ все большаго количества денегъ и усиленіемъ произвола при ихъ вымогательствѣ, съ ея растущими въ тоже время большими городами, переполненными всякими arts et sciences, роскошью и блескомъ. Этому соотвѣтствовало всѣмъ въ глаза кидавшееся обнищаніе крестьянъ, ухудшеніе земледѣлія, обезлюдѣнье деревень. Дома Парижа строились, по его мнѣнію, изъ хижинъ крестьянъ. Тотъ же процессъ совершался и въ Швейцаріи: и тамъ цивилизація и неравенство постепенно росли, и Руссо, какъ мы видѣли, приводилъ ее въ видѣ устрашающаго примѣра для менѣе цивилизованной Корсики (и въ тоже время въ видѣ идеала для дворянски-блистательной Польши). Ростъ цивилизаціи въ Швейцаріи не могъ, по его мнѣнію, перейти извѣстныхъ предѣловъ безъ уничтоженія ея сравнительно свободныхъ и демократическихъ учрежденій, какъ не могъ и быстро двинуться впередъ при ихъ сохраненіи. И, разсматривая дѣло съ точки зрѣнія тогдашняго экономическаго строя, Руссо былъ совершенно правъ: у самостоятельнаго производителя владѣльца орудій своего труда нельзя отнимать слишкомъ большихъ кусковъ въ пользу цивилизаціи безъ ограниченія его гражданскихъ правъ и свободы, безъ нѣкотораго насилія надъ его личностью. Поэтому-же дальнѣйшее теченіе роскошнаго пира цивилизаціи, который онъ наблюдалъ во Франціи, представлялось ему совершенно несовмѣстимымъ съ уменьшеніемъ правительственнаго гнета и безправія главной массы производителей.

Чтобы допустить возможность такого уменьшенія, нужно было бы предугадать готовившійся экономическій переворотъ, заключавшійся въ перенесеніи главныхъ расходовъ по цивилизаціи на пролетаріатъ, съ котораго оказалось возможнымъ получать несравненно больше безъ прямаго насилія надъ отдѣльными личностями. Вмѣстѣ съ превращеніемъ главнаго поставщика средствъ для ци-

вилизаціи изъ самостоятельнаго производителя въ наемнаго рабочаго, прекратилась необходимость всегда имѣть этого поставщика на опредѣленномъ мѣстѣ и подъ руками, чтобы во время,—прежде чѣмъ онъ успѣетъ ихъ съѣсть, — отнимать у него продукты его труда, а при ихъ недостаточности перетряхивать его имущество и продѣлывать надъ нимъ самимъ тѣ или другія операціи, чтобы удостовѣриться, не утаилъ ли онъ чего, могущаго пойти въ пользу цивилизаціи.

Когда оказавшіяся недостаточными для дальнѣйшаго прогресса средства производства выпали изъ рукъ измученнаго производителя, въ эти руки перестали непосредственно попадать и продукты ихъ труда. Владѣльцы новыхъ усовершенствованныхъ орудій сами, наоборотъ, начали выдавать приставленнымъ къ этимъ орудіямъ рабочимъ рукамъ долю продукта, необходимую для поддержанія тѣхъ тѣлъ, полезную часть которыхъ составляютъ руки. Гражданская и юридическая полноправность производителей, въ особенности же полная свобода ихъ передвиженія и занятій, сдѣлалась не только безвредной, но даже необходимой для цивилизаціи. Личная несвобода экономически самостоятельнаго производителя, крестьянина, замѣнилась экономической несостоятельностью въ производствѣ лично свободнаго пролетарія.

Разросшаяся въ XVII и XVIII вѣкахъ власть центральнаго правительства (насчетъ былаго феодальнаго), соединенная съ ростомъ цивилизаціи, государственныхъ расходовъ и усиленнаго выколачиванія денегъ изъ неспособнаго выносить эти расходы крестьянства, при новомъ буржуазномъ способѣ добыванія прибавочной стоимости, оказалась въ своемъ прежнемъ видѣ ненужной и вредной помѣхой для дальнѣйшаго роста «національнаго богатства». За время своего владычества эта власть, различными способами и въ особенности раззореніемъ крестьянъ денежными налогами, содѣйствовавшими переходу натуральнаго хозяйства въ денежное и образованію пролетаріата, подготовила пути для буржуазіи. Но для дальнѣйшаго шествія по этимъ путямъ сама правительственная власть должна была совершенно измѣнить свой ха-

рактеръ. Отъ нея требовалось теперь зорко охранять собственность, наблюдать за порядкомъ и строгимъ исполненіемъ передѣланныхъ примѣнительно къ новому строю законовъ, но никакого вмѣшательства въ обычное, правильное теченіе жизни, никакого насилія для содѣйствія росту «національнаго богатства» отъ нея уже не требовалось. За акуратное добровольное доставленіе «рабочими руками» прибавочной стоимости ручалась полная невозможность для ихъ владѣльцевъ существовать, не доставляя ее. За исправное поступленіе налоговъ должна ручаться лишь собственность плательщиковъ; личность же всегда и всюду должна быть свободна.

Свобода стала любимымъ «принципомъ» буржуазіи. Нѣкоторое время ей казалось, правда, что, предоставивъ полную свободу каждому отдѣльному индивидууму, необходимо въ тоже время всячески мѣшать тѣмъ изъ индивидуумовъ, которые ничѣмъ кромѣ собственной личности не владѣютъ («propriétaire de sa personne» Мерсье-де-ла-Ривьера), вступать между собою въ соглашеніе. Но вынужденная, наконецъ, упорствомъ «личныхъ собственниковъ» узаконить ихъ соглашенія, она увидѣла, что и тутъ принципъ свободы не только не мѣшаетъ, а даже содѣйствуетъ росту какъ національнаго богатства, такъ и всѣхъ благъ цивилизаціи.

«Принципъ» не помѣшалъ бы буржуазіи сдѣлать для той же категоріи «собственниковъ» нѣкоторыя изъятія также и изъ свободы слова устнаго и печатнаго. Но и здѣсь сами условія ея господства дѣлаютъ такія изъятія совершенно безполезными и въ концѣ концовъ невыполнимыми. Чѣмъ шире развивается капиталистическій строй, тѣмъ необходимѣе и вмѣстѣ неизбѣжнѣе становится для него самая широкая и всесторонняя гласность, а съ нею не уживается сколько нибудь прочныя и дѣйствительныя изъятія для какой бы то ни было части населенія, желающей говорить. Владычествуя надъ орудіями труда и его накопленными продуктами, буржуазія распоряжается въ области производства гораздо полновластнѣе, чѣмъ дворянство во времена крѣпостнаго права,

но не можетъ прочно и основательно помѣшать производителямъ пользоваться одинаковыми для всѣхъ правами въ тѣхъ сферахъ жизни, которыя протекаютъ за предѣлами рабочаго времени. Словомъ, не смотря на громадное возростаніе національнаго богатства и соотвѣтствующее увеличеніе имущественнаго неравенства между владѣющими и трудящимися классами, гражданская полноправность этихъ послѣднихъ въ Западной Европѣ XIX вѣка постоянно возростала.

Всѣ эти новыя условія устраняютъ постепенно какъ внѣшнія, такъ и внутреннія препятствія, не допускавшія во времена Руссо дѣйствительнаго представительства народныхъ массъ въ законодательныхъ собраніяхъ. Онъ ясно видѣлъ то, что было видно съ того пункта историческаго пути, на которомъ онъ стоялъ, но оказался плохимъ пророкомъ относительно болѣе отдаленнаго будущаго. Крайнее развитіе всего того, въ чемъ онъ видѣлъ «грозное предвѣстіе для тѣхъ, кто будетъ имѣть несчастіе жить послѣ» него, развиваетъ постепенно и свое противоядіе.

(3p J